

М. Ф. ВЛАДИМИРСКИЙ-БУДАНОВ

ОБЗОР ИСТОРИИ
РУССКОГО ПРАВА

ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

Михаил Владимирович Буданов

Обзор истории русского права

«Территория будущего»

Владимирский-Буданов М. Ф.

Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов —
«Территория будущего»,

Настоящая книга, предназначенная с первого издания своего для учебной цели, и в теперешнем издании сохраняет то же значение. Учебное пособие мы бы не желали смешивать с учебником: первое должно лишь помогать изучению науки, второй заключает в себе все содержание науки, обязательное для учащегося; в высших учебных заведениях последнему нет места. Учебный характер книги определяет ее концепцию. В ней много рубрик и подразделений не вследствие особого пристрастия к ним автора, а в силу необходимости останавливать внимание учащегося на существенных оттенках мысли или фазисах развития явлений. Эти вехи, указывающие путь мысли для учащихся, могут показаться помехами для человека, уже переставшего учиться. Но, к сожалению, не для этих читателей книга предназначена. Конечно, автору было бы приятнее рисовать цельные картины непрерывного движения права в его могучем историческом потоке и плыть по этому течению без преград и запруд; но в учебной книге он обязан каждую минуту останавливать свой порыв и указывать учащемуся на каждом шагу смысл встреченного явления. Само собой разумеется, что, говоря об ином, более свободном изложении науки, мы не имеем в виду изложение ее «с птичьего полета» (как говорят иногда), ибо вид с птичьего полета лишен перспективы, а в исторической перспективе весь смысл истории.

© Владимирский-Буданов М. Ф.

© Территория будущего

Содержание

Предисловие	5
Введение	9
1. Понятие о науке	9
2. Предмет науки	10
3. Метод	11
4. Объем науки	12
5. Периоды истории русского права	13
6. Литература истории русского права	14
Часть первая	17
Период первый. Земский (IX–XIII)	17
А. Территория	17
Б. Население	26
В. Власть	34
Общие черты государственного устройства всех русских земель	34
Особенные черты государственного устройства некоторых русских земель	51
Начала государственного объединения всех русских земель	56
Г. Управление	61
1. Органы управления	61
2. Предметы управления	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Михаил Флегонтович Владимирский-Буданов Обзор истории русского права

Предисловие

В предисловии к 3-му изданию «Обзора истории русского права» нами было сказано:

«Настоящая книга, предназначенная с первого издания своего для учебной цели, и в теперешнем издании сохраняет то же значение. Учебное пособие мы бы не желали смешивать с учебником: первое должно лишь помогать изучению науки, второй заключает в себе все содержание науки, обязательное для учащегося; в высших учебных заведениях последнему нет места.

Учебный характер книги определяет ее концепцию. В ней много рубрик и подразделений не вследствие особого пристрастия к ним автора, а в силу необходимости останавливать внимание учащегося на существенных оттенках мысли или фазисах развития явлений. Эти вехи, указывающие путь мысли для учащихся, могут показаться помехами для человека, уже переставшего учиться. Но, к сожалению, не для этих читателей книга предназначена. Конечно, автору было бы приятнее рисовать цельные картины непрерывного движения права в его могучем историческом потоке и плыть по этому течению без преград и запруд; но в учебной книге он обязан каждую минуту останавливать свой порыв и указывать учащемуся на каждом шагу смысл встреченного явления. Само собой разумеется, что, говоря об ином, более свободном изложении науки, мы не имеем в виду изложение ее «с птичьего полета» (как говорят иногда), ибо вид с птичьего полета лишен перспективы, а в исторической перспективе весь смысл истории.

Впрочем, вся эта оговорка вызвана главным образом отделением в нашей книге истории уголовного и гражданского права от истории права государственного. Обстоятельство это было объяснено уже в прежних наших изданиях: оно есть результат нашей твердой уверенности (основанной на опыте) в том, что два первых сюжета не могут быть преподаны студентам 1-го курса и должны составлять отдельный предмет преподавания для слушателей более подготовленных. Вся остальная архитектура книги, со всеми рубриками и подразделениями, соответствует обычному построению историко-юридических работ: необходимо вести отдельные речи о князе, думе, вече, управлении, законодательстве и т. д., а в каждом из этих предметов указаны моменты постепенного развития их (например, вече – общеплеменная сходка – и вече – городское собрание – два явления весьма различных; дума, состоящая из бояр и старцев, не то, что дума из одних бояр; царская власть при Иоанне IV и царская власть при Екатерине II несколько различаются и т. д.).

Что касается до содержания книги, то она несколько полнее предшествующего издания, но не вследствие наполнения ее новыми материалами, а в силу необходимости отозваться на новые теории и мнения, накопившиеся в промежутке между двумя изданиями ее: мы отнюдь не задавались мыслью уточнять нашу книгу сырым материалом и не гнались за богатством фактических данных; полагаем, что такое содержание учебного пособия было бы весьма непедagogично, да к тому же для нас и бесцельно, ибо, рядом с настоящим пособием, существует другое наше издание, в котором совмещены основные источники права в целом их виде; здесь мы только делаем ссылки на них. Необходимый летописный материал (малодоступный учащемуся) приводится в умеренном количестве, а в настоящем издании мы решились, по возможности, выделить его из текста в примечания. Задачей своей работы мы ставили не сбор

ник материалов, а возможно-правильное установление норм, руководивших жизнью прежних поколений, – норм, которые не всегда ясно выражены, а иногда и совсем не выражены в законодательных памятниках того времени. Это и заставляет обращаться к фактическому материалу; но факты приводятся лишь для распознавания норм, а отнюдь не ради самих фактов.

Имея постоянно в виду тяжкую ответственность перед учащимися молодыми поколениями за истинность сообщаемых им научных положений, опасаясь предложить им, вместо твердых выводов, нечто колеблющееся, сомнительное и недоказанное, – мы неизбежно вовлечены были в разногласие со многими положениями, которые встречаются в наличной историко-юридической литературе. Ясно видим, как неуместна полемика в учебном пособии, однако мы принуждены были допустить во многих местах возражения своим уважаемым сотоварищам по науке, отдавая великую честь работам некоторых из них: не полемический задор руководил нами, а желание добраться до истины, особенно в темах большой и существенной важности.

Автор этой книги не считал себя вправе уклониться от возражений, когда контroversы касаются таких существенных вопросов истории права, как вопрос о происхождении обычного права (точнее: права вообще); о силах, образующих государственный союз (стр. 22–23); о приобретении и передаче верховной (княжеской) власти (38–40); о формах верховной власти: думе и вече (45–61); о влиянии монгольского государственного права на русское (103–112); об основах единодержавия (т. е. о случайном или, наоборот, органическом его образовании: 113–116); о сословном значении служилого класса: сходка – и вече – городское собрание – два явления весьма различных; дума, состоящая из бояр и старцев, не то, что дума из одних бояр; царская власть при Иоанне IV и царская власть при Екатерине II несколько различаются и т. д.).

Что касается до содержания книги, то она несколько полнее предшествующего издания, но не вследствие наполнения ее новыми материалами, а в силу необходимости отозваться на новые теории и мнения, накопившиеся в промежутке между двумя изданиями ее: мы отнюдь не задавались мыслью утучнять нашу книгу сырым материалом и не гнались за богатством фактических данных; полагаем, что такое содержание учебного пособия было бы весьма неподходящим, да к тому же для нас и бесцельно, ибо, рядом с настоящим пособием, существует другое наше издание, в котором совмещены основные источники права в целом их виде; здесь мы только делаем ссылки на них. Необходимый летописный материал (малодоступный учащемуся) приводится в умеренном количестве, а в настоящем издании мы решились, по возможности, выделить его из текста в примечания. Задачей своей работы мы ставили не сборник материалов, а возможно-правильное установление норм, руководивших жизнью прежних поколений, – норм, которые не всегда ясно выражены, а иногда и совсем не выражены в законодательных памятниках того времени. Это и заставляет обращаться к фактическому материалу; но факты приводятся лишь для распознавания норм, а отнюдь не ради самих фактов.

Имея постоянно в виду тяжкую ответственность перед учащимися молодыми поколениями за истинность сообщаемых им научных положений, опасаясь предложить им, вместо твердых выводов, нечто колеблющееся, сомнительное и недоказанное, – мы неизбежно вовлечены были в разногласие со многими положениями, которые встречаются в наличной историко-юридической литературе. Ясно видим, как неуместна полемика в учебном пособии, однако мы принуждены были допустить во многих местах возражения своим уважаемым сотоварищам по науке, отдавая великую честь работам некоторых из них: не полемический задор руководил нами, а желание добраться до истины, особенно в темах большой и существенной важности.

Автор этой книги не считал себя вправе уклониться от возражений, когда контroversы касаются таких существенных вопросов истории права, как вопрос о происхождении обычного права (точнее: права вообще); о силах, образующих государственный союз (стр. 22–23); о приобретении и передаче верховной (княжеской) власти (38–40); о формах верховной власти: думе и вече (45–61); о влиянии монгольского государственного права на русское (103–112); об основах единодержавия (т. е. о случайном или, наоборот, органическом его образовании: 113–

116); о сословном значении служилого класса в Московском государстве (118–133); об основаниях (экономических или, напротив, законодательных, или же юридических) прикрепления крестьян (139–151); об органах верховной власти в Московском государстве и, в частности, об органах, творящих закон (169–178); о значении и причинах падения древнерусской системы представительства (187 и сл.). Не упоминаем о других более частных вопросах истории русского государственного права (например, о значении верховного тайного совета: 255, о роли сената по сравнению с значением боярской думы: 257 и др.).

Не менее контroversен возбуждает история уголовного права. Не перечисляя частных спорных вопросов в этой области, отметим только, что спорным является самый исходный пункт истории уголовного права: вытекает ли оно из произвола лица (отрицания права) или из сознания права; что такое месть: самоуправство частного лица, или осуществление права (стр. 317, 333 и сл.). Так же колеблется другой основной вопрос: откуда является преследование преступлений государством – из фискальных целей или из сознания общественного вреда (342). Если присоединить сюда еще вопросы о возможности образования новых видов преступных деяний, каковы: разбой, грабеж, мошенничество, которые (будто бы) в эпохи древнейшие вовсе не считались преступлениями (329–330), а также вопросы о целях наказания, которое (будто бы) в древнее время не имело ввиду никаких условий вменения и могло постигнуть одинаково и виновного и невинных (346 и др.), – то всякому будет ясно, как далеко еще отстоит наша наука от такого состояния, при котором обозревателю легко бы было суммировать несомненные положения в кратком учебном курсе.

История русского гражданского права, несмотря на существование капитального творения Неволлина, доставляет наибольшее количество спорных положений. Начать с того, что учение о лице вовсе не составляло предмета исторического рассмотрения, между тем установление понятия о лице в истории права есть краеугольный камень для всех других сторон частного права. В самом деле, если лицом с древнейших времен является индивидуум, то в сфере семейственного права возникает понятие о полной раздельности прав членов семьи (вопреки ясным показаниям исторических источников). Если идея рода исчезает в доисторическое время, то нет правильных изъяснений для права родового выкупа, и даже для права родового наследования. Автор принужден был (несомненными фактами) установить иную схему истории имущественных отношений супругов, родителей и детей, иную конструкцию родового владения имущества. Если община устанавливается в текущем периоде путем фискальных мер, то нет места для общинного владения на всем пространстве древней истории (вопреки массе вопиющих показаний источников).

Такое или иное понятие о лице всего более отражается на исторической концепции права наследства: возникает ли это право из индивидуальной воли лица (тестamentарного произвола) с древнейших времен, или основанием преемства служит совладение группы лиц в семье (а затем в роде)? Является ли законное преемство с самого начала исторической жизни безграничным (для отдаленнейших родственников), или круг призываемых первоначально ограничивается тесными пределами семьи, и затем с течением истории постепенно расширяется? Относительно некоторых из этих вопросов автор мог опереться на высказанные уже в литературе положения (стоящие, однако, рядом с равносильными противоположными им), но по другим ему пришлось идти «неготовыми дорогами».

Наконец, самую тяжкую задачу обозревателю отечественной истории права доставляет история права собственности. Правда, здесь дороги проложены давно, но отчасти попорчены долговременным движением по ним. С какого момента являются ограничения права собственности, и в чем они состоят; даже более, было ли в древнее время вообще понятие о праве собственности на важнейшие вещи (недвижимые)? Здесь разногласия литературных мнений не так легко разрешаются фактами, как в некоторых предыдущих случаях: фактов немного, и они темны; приходится прибегать к аналогиям, а это путь не всегда безопасный. К счастью,

древние начала русского права сохранились в значительной чистоте в явлениях позднейшей эпохи обычного права; только при помощи их является надежда на более или менее безошибочное решение вопроса об отношении государства к правам частных лиц, родов, общин и учреждений. Умалчиваем о частностях (например, об основаниях давности владения, о формах залогового права и т. д.).

Этот перечень главных вопросов, возбуждающих пререкания, делается исключительно с целью показать, почему относительно их допущены нами (по местам) отступления от обычного объективного тона учебной книги; а так как мы далеки от мысли, что в настоящей книге содержится окончательное решение постановленных вопросов, то перечнем их имеем, кроме того, в виду направить внимание молодых исследователей на указанные стороны науки.

Не считаем нужным и ныне прибавить что-либо к сказанному тогда, кроме выражения скорби о безвременной утрате наукою таких деятелей ее, как Н.Д.Сергеевский и Павлов-Сильванский, с которым нам предстояло закончить речь о теории феодализма на Руси (см. наше прим. на стр. 288 этой книги); теперь, когда он отвечать не может, всякие споры не уместны.

Киев, 1908 г., октября 1.

Введение

1. Понятие о науке

Понятие о науке истории русского права выводится из трех отдельных признаков, входящих в него, а именно из понятий: а) *о праве*, как совокупности обязательных норм, определяющих отношения государственные и частные; б) *об истории*, как прогрессивном движении явлений от форм простых к более сложным и совершенным; в) *и о нации*, как части человеческого рода, воспроизводящей в себе общечеловеческие законы развития в формах особенных (оригинальных).

Итак, *история русского права есть наука, излагающая прогрессивное развитие юридических норм в жизни русского народа.*

2. Предмет науки

Предмет истории русского права определяется первым из указанных признаков понятия ее, т. е. понятием о праве. Прежде эта наука именовалась историей *законодательства*, и соответственно с этим излагала лишь сведения о законодательных памятниках прошлых времен. Затем, по усвоении ей теперешнего названия, в содержание ее входит изложение не только норм, установленных в законе, но и существовавших помимо закона (в обычном праве). Предметом истории права должны быть в *одинаковой мере* как нормы *государственного права* (государственного устройства, управления и законодательства), так и *частного права*, а равно нормы, охраняющие и то и другое (уголовное право и процесс). *Взаимная связь* норм государственного и частного права может быть уяснена только путем исторического изучения.

3. Метод

Право может быть изучаемо (и изучается) тремя методами: *догматическим*, *философским* и *историческим*. До XVIII в. (приблизительно) господствовал догматический метод изучения преимущественно римского права (как действующего) в Западной Европе; в России до XVIII в. это было практическое изучение в приказах существующих указов и Уложения ц. А.М., сюда присоединялось иногда некоторое знакомство с иноземными кодексами (Литовским статутом); и в XVIII в. почти такое же изучение права продолжалось у нас в институте коллежских юнкеров и в школе при сенате. – Разнообразие и несовершенства действующих кодексов привели к мысли о возможности установить лучшие правовые нормы *a priori* (путем философских построений), что и выразилось в попытках обосновать т. н. «естественное право», общее для всех времен и народов. Это направление принесло большую долю пользы (подвинуло право к улучшениям), но и значительную долю вреда (внушив мысль о возможности произвольно устроить правовую жизнь посредством новых законов). У нас философское изучение права велось в Академии наук и в Московском университете; практически европейское философское направление отразилось в реформах Петра I (во влиянии Лейбница), Екатерины II и Александра I. – После переворота XVIII в. и разочарования, постигшего европейское общество в 1-й четверти XIX в., нельзя уже было признать истинным выражением права ни законы действующие, ни право философски построенное; оставалось признать таким право исторически данное (т. е. выразившееся в целой истории какого-либо народа). Тогда в Германии возникла т. н. *историческая школа правоведения* (Савиньи и др.), утверждавшая, что единственно истинный метод изучения права есть исторический. Это подвинуло науку права, превратив ее в фактическое изучение права, как предмета реального, и вместе благоприятно отразилось на движении законодательства. – Но крайности исторической школы привели к реакционному направлению, т. е. к стремлению возратить формы права, уже прожитые исторически, и к предпочтению национальных, хотя бы и несовершенных форм права, всяким другим.

Современное изучение права старается дать надлежащее место всем трем указанным методам как в отдельных науках (догматике, философии и истории права), так и в приемах изучения каждой науки.

Для избежания крайностей исторической школы, история права не должна забывать закона *сходства явлений* у разных народов, – сходства, объясняемого единством психологических и физических законов природы человека. Этим определяется *возможность заимствования* правовых норм одним народом у другого; для заимствования, впрочем, существуют очень тесные условия, именно требование *уподобляемости* заимствуемых норм (т. е. непротиворечия их другим существенным чертам действующего права). – Из закона сходства явлений возникает необходимость *историко-сравнительного метода* в изучении права. При изучении всеобщей истории права главная цель такого изучения есть вывод сходных черт, при изучении права национального – вывод не только сходств, но и различий, составляющих национальные особенности.

4. Объем науки

Объем нашей науки определяется третьим из указанных признаков понятия ее. Она есть история *национального права* русского (а не история права русского государства). Хотя русское государство – по преимуществу национальное, но оно не обнимает всей русской нации и включает в себя нерусские национальности. Отсюда:

а) История русского права должна включать в себя историю права таких русских стран, которые не входили или не входят в состав русского государства (такова одна из важнейших древнерусских земель – Галиция). Необходимо включить в состав нашей науки историю права литовско-русского, как связующее звено между древним правом (1-го периода) и периодом империи¹.

б) История права нерусских народов, входящих в состав русского государства, не входит в историю русского права; таковы: право остзейское, финляндское (шведское), польское, право армян, грузин, права мусульманских народов и др.

в) Быт донациональный (доисторический) не должен входить в историю национального права; таковы: быт скифов, сарматов и др. народов, населявших Восточную Европу до образования русской нации, или по крайней мере непосредственных ее элементов (славянских племен).

г) В каком отношении стоит история национального русского права к истории права славянского? Существование славянского права, как целого (а не только как группы законодательств отдельных славянских народов), не может подлежать сомнению, подобно тому, как не подвергается сомнению бытие права немецкого, несмотря на постоянную государственную разьединенность немецкого племени. Действительно, в начале истории общность языка, быта и юридических норм у всех славян известна и отмечена уже нашим первым летописцем: «Бе един язык словенск», – говорит он, причем слово «язык» употребляет в смысле нации. В частности, отношение русской нации к славянской народности определяется у него так: «А словенск язык и руский – один...; аще и Поляне звахуся, но словенская речь бе...; язык словенский бе им един». – В силу этого в начальный период истории русского права нужно признать его тождественным с правом общеславянским; факты, сообщаемые источниками о праве других славянских народов в ту эпоху, могут быть безопасно приписаны русскому. Но затем (с XII и XIII вв.) славянские племена, вследствие своей исторической судьбы, надолго разошлись и обособились в отдельные народные группы, так что во 2-й период единство права между ними уже ослабляется, и тогда приведение фактов из истории права других славянских народов будет для русского права уже только аналогией, хотя и ближайшей. В новейшие времена (с XVIII в.) начинается вторичное (сознательное) стремление к единству славянского права, воссозданию которого всего больше может помочь именно наука (Maciejowski: *Historia prawodawstw slowiatńskich*)².

¹ Ввиду учебной цели настоящего издания, мы не можем включить в него истории литовско-русского права.

² См. Дополнение А.

5. Периоды истории русского права

История русского права делится естественно на три периода: 1) период *земский* (или т. н. княжеский) IX–XIII вв.; 2) период *московский* (правильнее – двух государств Московского и Литовского) XIV–XVI вв.; 3) период *империи* XVIII–XIX вв. – В 1-м находим отдельные земли – княжения; во втором – два больших государства; в 3-м – одну империю. В первом господствует обычное право; во втором – обычай и закон в равной силе; в 3-м господствует закон.

В частности: *в первом периоде начало государственное и частное слиты, как равносильные*. Первоначальное общество строится по типу кровному, а в семье власть домовладыки есть в одно и то же время и общественная и частная; в понятии «володенья» государственная власть – *impregium* и частная – *dominium* не разграничены; власть княжеская приобретает в одно и то же время и частным наследованием, и завещанием, и избранием народа; дань собирается князьями, как их личный доход, но этот доход употребляется ими (из личных целей) на содержание дружины и другие общественные надобности. – При господстве обычного права общие правовые нормы распознаются в частных действиях отдельных лиц. В уголовной защите права мечь есть и удовлетворение частному чувству оскорбленного и общественное возмездие руками мстителя. В сфере частного права лицо физическое еще не выделилось: оно покрыто правами союзов семейных, родовых и общинных; вне этих союзов оно теряет правоспособность (изгой); в праве наследства сливается вполне завещательное право с законным, т. е. личная воля с волей общественной.

Во втором периоде право государственное и частное постепенно обособляется; но прежнее смешение их обнаруживается в том, что в Московском государстве государственное право строится по типу частному (территория государства приравнивается вотчине; население прикрепляется к городу, посаду и земле; управление имеет характер кормления). В государстве Литовско-русском *частное право строится по типу государственному*: частные вотчинники обладают полными государственными правами суда и управления в своих имениях; права политические зависят от частных: только землевладельцам принадлежит право на государственную службу и деятельность.

В третьем периоде государственное право стремится к полному очищению от примеси частноправных начал: в законах определяется существо верховной власти, как государственной (при Петре I), издается закон о порядке престолонаследия (при Павле I); сословия раскрепощаются (дворяне и мещане при Екатерине II; крестьяне при Александре II); права семейные и права собственности утверждаются (при Екатерине II).

6. Литература истории русского права

а) *Источники* истории русского права суть те же, как и источники самого права, т. е. обычай и закон. Памятниками обычного права служат все памятники русской истории (летописи, записки, акты, отчасти литературные памятники), а равно живое обычное право и юридические пословицы. Памятниками законов служат: договоры (международные и внутренние), уставы и указы (отдельные законы) и кодексы. Важность каждого из этих источников определится ниже, при изложении истории законодательства³.

б) *Научная обработка истории русского права*. История русского права есть наука новая: ее содержание долго не выделялось из состава других наук в самобытную доктрину, а именно:

а) В XVIII и начале XIX в. она входила в общий состав курсов русской истории (*Татищев*: «История Российская»; *Шлецер*: «Nestor. Russische Annalen»; *Щербатов*: «История России»; *Болтин*: «Примечания на Леклерка»; в особенности же *Карамзин*: «История государства Российского»). В то же время те же писатели и другие занимались изданием памятников древнерусского законодательства, большей частью взирая на них, как на курьез, достойный любопытства.

б) В первой четверти XIX столетия содержание нашей науки стало *входить в курсы наук юридических*, именно гражданского права (Терлаича, Горюшкина и др.). Тогда же возникла внешняя история русского права (в кратких обзорах истории древнерусского законодательства Васильева, Михайловского, Смирнова, Успенского и митр. Евгения).

в) Со второй четверти XIX в. появляется наука истории русского права, как *самостоятельная*, под влиянием исторической школы правоведения в Германии в трудах следующих ученых немецкого (или западного) направления:

Ewers: «Das älteste Recht der Russen». Dorp. 1826 (русский перевод *Платонова*: «Древнее русское право в историческом его раскрытии». СПб., 1835). Это сочинение обнимает время от основания русского государства до Ярослава и состоит в историко-юридическом анализе летописных сказаний, договоров русских с греками и Правды Ярослава. Эверс положил начало родовой теории в истории русского государства.

Reutz: «Versuch über die geschichtliche Ausbildung der Russischen Staats-und Rechtsverfassung». Mittau. 1829 (русский перевод проф. Морошкина). Это – первый опыт полного и систематического курса истории русского права, написанный под влиянием выводов Эверса.

Toblen занялся изданием и истолкованием памятников древнерусского права, а именно издал: «Sammlung kritisch-bearbeiteter Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes» (здесь Русская Правда и договоры). Dorp. 1844; «Die ältesten Gerichtsordnungen Russlands», 1846 (уставные грамоты и судебники).

К.А.Неволин — истинный основатель ученого правоведения в России, оставил обзор внешней истории русского права (во 2-й части своей «Энциклопедии»), несколько монографий по истории государственного права («О преемстве великокняжеского Киевского престола», «Образование управления в России от Иоанна III до Петра В.», «О пятинах и погостах Новгородских») и капитальный труд: «История Российских гражданских законов», – труд замечательный по полноте исследования, богатству материалов и основательности выводов, хотя страдающий недостатком в плане.

К. Д. Кавелин: «Взгляд на юридический быт Древней Руси», 1847; «Взгляд на историческое развитие русского порядка законного наследования», 1860; «Устройство граждан-

³ Для удобнейшего ознакомления с источниками истории права (преимущественно законодательными) нами издана «Хрестоматия по истории русского права» (в трех выпусках), где указывается и литература, относящаяся к памятникам.

ских судов от Уложения ц. А.М. до Петра В.», 1859. В противоположность трудам Невалина, взгляды Кавелина отличаются оригинальностью, широтой и применением сравнительного метода.

Б. Н. Чичерин — более публицист, чем историк, кроме капитального труда по истории местных учреждений: «Областные учреждения России в XVII в.», 1856, издал несколько монографий (по истории сельской общины крестьян и о духовных и договорных грамотах князей), собранных в его книге: «Опыты по истории русского права», 1858.

Н. В. Калачов известен и как исследователь, но более как издатель: «О значении кормчей в системе древнерусского права», 1850; «Уголовное право по судебнику ц. Ивана Вас.», 1842; «Предварительные юридические сведения для полного объяснения Рус. Правды», 1846.

Содержание нашей науки, с точки зрения Эверса, вошло в «Историю России» С. М. Соловьева.

С точки зрения славянской школы, отдельные части истории русского права излагаемы были в трудах:

Н. Д. Иванишьева: «О плате за убийство в древнем русском и других словенских законодательствах в сравнении с германскою вирою», 1840; «О древних сельских общинах в Юго-западной России», 1857.

И. Д. Беляева, представителя московского славянофильства; он, кроме множества монографий, оставил следующие капитальные труды: «О наследстве без завещания по древнерусским законам до Уложения ц. А.М.», 1858; «Крестьяне на Руси», 1860; «Рассказы из русской истории». Т. I, II, III и IV, 1865–1872. По смерти автора изданы его «Лекции по истории русского законодательства».

В. Н. Леикова: «Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в.», 1858.

Ф. И. Леонтовича, который преимущественно посвящает свои труды литовско-русскому и хорватскому праву: «Русская Правда и Литовский статут»: «Крестьяне Юго-западной России по литовскому праву XV и XVI ст.», 1863; «Историческое исследование о правах литовско-русских евреев», 1864; Очерки истории литовско-русского права, начатые в 1894 г. и донныне продолжающиеся (ныне – в 1908 г. – они доведены до истории прав шляхетского сословия). Сравнительное изучение хорватского и русского права привело его к созданию т. н. задружной теории: «О значении верви сравнительно с задругою юго-западных славян», 1867; «Задружно-общинный характер политического быта древней России», 1874. Начатый им общий курс истории русского права остановился на первом выпуске (1869 г.).

Отдельные предметы истории русского права с точки зрения славянской школы издаваемы были в общеисторических трудах П. А. Иванова, Д. А. Валуева, К. С. Аксакова и Н. И. Костомарова.

Обе школы, по-видимому, противоположны как по своей исходной точке (общечеловеческие начала права и национальность), так и по своим главным выводам (относительно рода или общины, как основных форм древнерусского государства, и относительно роли участия общества в создании государства и права). Но обе школы рассматривали лишь две стороны одного и того же предмета.

Из соприкосновения результатов деятельности обеих школ, с 60-х годов прошлого столетия образовалось нынешнее научное направление истории русского права; один из представителей его – *Ф. М. Дмитриев* в своем сочинении «История судебных инстанций гражданского апелляционного судопроизводства», 1859 (сочинение, в котором, кроме главного его предмета, излагается почти полная история администрации в Московском государстве), основной взгляд современного научного направления выразил так: «Несмотря на исключительно-национальный характер, или *лучше сказать – вследствие его*, история русского права должна со временем занять важное место в юридической истории европейских народов».

Ниже (в конце книги) будет указана подробно литература предмета; здесь обозначим лишь сочинения, в которых излагается более или менее полное содержание нашей науки. К числу таковых принадлежат труды следующих ученых:

В. И. Сергеевича: «Вече и князь», 1867; «Лекции и исследования по истории русского права», 1883 (куда вошло и предыдущее его сочинение, а равно и исследования о земских соборах и Екатерининской комиссии уложения); «Лекции и исследования по древней истории русского права», 1894. Изд. 2-е. 1902 г.; «Русские юридические древности». Т. I. 1890. Изд. 3-е. 1903; Т. II. Вып. 1, 1893; Вып. 2, 1896, и неоднократно изданный курс: «Лекции по истории русского права».

Н. П. Загоскина, который изложил государственное право московского периода в своей «Истории права Московского государства». Т. I. 1877 и Т. II. Вып. 1, 1879, а также в нескольких монографиях: «Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси», 1876; «Уставные грамоты XIV–XVI вв.», 1875 и 1876; «Уложение ц. Алек. Мих.», 1879; «Наука истории русского права», 1891 (указатель литературы) и др.

Д. Я. Самоквасова, который занялся выяснением древнейшего (доисторического) быта древних славян, при помощи вещественных памятников, сначала в сочинении «Древние города России», 1873, а потом в предпринятой им полной «Истории русского права» (Т. I. Вып. 1, 1878 и Вып. 2, 1884). Затем им изданы: «История русского права. Университетский курс. Книга первая», 1888; «Исследования по истории русского права». Т. I–II. М., 1896 и «Лекции по истории русского права (студенческий конспект)». Вып. 2, 3, 1896.

В. Н. Латкина: «Учебник истории русского права периода Империи (XVIII–XIX ст.)». СПб., 1899.

М. А. Дьяконова: «Очерки общественного и государственного строя Древней Руси (до конца XVII в.)». Т. I. Юрьев, 1907.

А. Н. Филиппова: «Учебник истории русского права» (пособие к лекциям). Ч. I. Юрьев, 1907.

В сочинениях гг. Дьяконова и Филиппова содержится история русского государственного права.

Отметим также полное изложение допетровского государственного права в сочинениях *Н. И. Хлебникова* («Общество и государство в домонгольский период русской истории», 1872, и «О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории», 1869) и общий курс «Истории русского права» *М. М. Михайлова*, 1872, – очень неудовлетворительный. – Из новых общих курсов русской истории для истории русского права важны: «Русская история» *К. Н. Бестужева-Рюмина* и «История России» *Д. И. Иловайского*.

Внешняя история русского права изложена в сочинениях: *В. Н. Латкина*: «Лекции по внешней истории русского права. Московское государство. Российская Империя». СПб., 1888 и *М. Н. Ясинского*: «Лекции по внешней истории русского права». Вып. I (введение и история источников права первого периода). Киев, 1898.

Считаем нелишним отметить краткое, но основательное обозрение истории русского права в следующей брошюре: «Dejiny Ruského práva do Ottova slovníku naučného», naps. *D-r Kadlec*. 1904.

Часть первая

История русского государственного права

Период первый. Земский (IX–XIII)

Общее понятие о государстве. Государство есть союз лиц, занимающих определенную территорию и управляемых одною верховною властью.

А. Территория

1. Элементы, из которых составилось русское государство, суть те первобытные общества, которые ему предшествовали. Такие общества могут быть основаны или на кровной (родственной) связи членов, или на сожительстве их на одной территории, или на том и другом вместе.

Кровные и территориальные общества, несмотря на кажущуюся противоположность друг другу, стоят в *генетической связи* между собою: чистые родовые формы возможны лишь в кочевом быту; осевший род составляет сначала задругу, в которой кровные начала еще преобладают над территориальными; задруга, разложившаяся на отдельные жилища, составляет общину. Родовой характер первобытных общин замечен повсюду; у славян на это указывают родовые окончания названий общин (Уветичи, Дедогостичи, Дедичи и пр.). Однако, с переходом рода в общину родственные (естественные) связи общества слабеют; усвоение чужеродцев (возможное и в родовом быту) облегчается и совершается через простое вселение, власть родоначальника заменяется выборной. Община, из которой вышли колонии – меньшие общины, составляет с ними новый более обширный союз – волость.

В истории, как и в природе, ничто вполне не исчезает: более примитивные формы, переходя в другие новые, остаются заметными и в последующем быту. Все названные элементы государства (в последовательном порядке) несомненно пережиты древними восточными славянами до образования государства, так как присутствие их ясно в последующем государственном быту, с заметным преобладанием территориальных начал над кровными.

2. Понятие о древнерусском государстве и термины, обозначающие это понятие. Но форма общества, составлявшая государство во весь первый период, есть форма высшая всех упомянутых, – именно *земля*, как *союз волостей и пригородов под властью старшего города*⁴.

⁴ Для выражения тогдашнего понятия о «государстве» (термин, образовавшийся во втором периоде) памятники первого периода употребляли несколько терминов. Так, они именовали его иногда «княжением» и «волостью»; последнее есть метафора, переносящая понятие об одном элементе государства, т. е. власти, на два прочих, т. е. территорию и население; проф. Сергеевич говорит: «Слово „волость“ означает собственно всякую область, состоящую под одною властью, а потому *однаково* употребляется как для обозначения целого государства, так и его административных делений» (Юрид. Древн. I, 1). Главное значение слова «волость» есть именно часть государства, провинция. Для обозначения целого государства слово это употребляется в сравнительно редких случаях. Термин «волость» («власть») имеет ближайшее отношение к слову «княжение» и означает территорию, принадлежащую тому или другому князю: «А ныне поедита в *свои* волости», – говорят киевляне князьям Волынскому и Смоленскому (1149); «Святослав... пойде на Ольга и пожьже волость *его*» (1174); «Всеволод посла мужи своя к Ярославу и умоли с ним про волость *свою*» (1196). Поэтому «волоститься» означает вести споры из-за княжений. Княжением же именуется всякая область (провинция или целая земля), управляемая князем. Признать государством *всякое* княжение (и следовательно волость) значит утратить вовсе твердое представление о государственном строе Древней Руси, ибо пределы и состав княжений изменялись чуть не ежегодно. Были князья Друцкие, Белгородские, Бужские, Трубчевские и пр.; но никто не утверждает, что были *государства* Друцкое, Белгородское, Трубчевское и т. д. Один князь мог владеть временно несколькими землями. Термин «Земля» (составляющий также метафору, с перенесением значения территории на

Основанием древнерусского государства служат не княжеские (теория Соловьева) и не племенные отношения (теория Костомарова), а территориальные. Ближе к истине (в некоторых своих сочинениях) стоял Н. И. Костомаров, которого теорию иногда прямо называют *«земскою»*; но, по его мысли, в основе земской организации стоит *племенное*

другие два элемента государства: власть и население) точнее обозначает как объем тогдашних русских государств, так и внутренний характер их. Он и употребляется в памятниках для означения государства постоянно. Для юридического значения всего важнее знать, как именуют государство тогочужденные люди в *трактатах, заключенных между двумя государствами*. В договоре Олега трактуемые выражаются так, если греческий корабль потерпит крушение, то русские обязаны проводить его «на *землю* крестьянскую» (что однозначаще с «христианским царством»; ст. 14), а если крушение случится близ земли русской, то «да проводим ю в Рускую *землю*». Когда послы Олега возвратились в Киев, то «поведаша Олегу вся речи обою царю, како сотвориша мир и уряд положиша межю *Грецькою землею и Рускою* (Первой, лет.). Святослав в своем договоре обязывался не воевать с Византией и не нападать на ее *провинции* и выразил это так: «Ни на *власть* Корсунскую». В 1229 г. смоленский князь заключает договор с Ригой и Ганзейскими городами; между прочим договаривающиеся выражаются так: «Аже латинский гость бьетсѣ мѣжо събою *оу Роуской земли*... князю то не надобе...» (ст. 16): «Роусиноу не звати латина на поле битьсѣ *оу Роуской земли*, а латининоу не звати роусина на поле битьсѣ *оу Ризе и на Готском березе*» (ст. 15). Когда новгородцы заключали договор с в. кн. Литовским Казимиром и при этом стремились удержать свою государственную самобытность, то стороны условились: «А послом и гостем на обе половины путь им чист – по *Литовской земле и по Новгородской*» (ст. 28). Затем для точного выражения понятия о государстве важны общие *законодательные* памятники. В «Русской Правде» читаем: «Правда оуоставлена *Роуской земли*». Действие уголовного и гражданского закона ограничивается пределами государства, а потому в «Русской Правде» находим: «А ис своего города в *чужю землю* извода нет» (Кар. 26). Привилегии при конкурсном взыскании даются *чужеземцам* в смысле иностранцев (Дог. 1229 г., ст. 11) и граждан другой русской земли: «Аще кто многим должен будет, а пришел гость из иного города, или чужоземец»... (Русская Правда. Кар. 69). Показание международных договоров и внутренних законодательных памятников (достаточные для цели сами по себе) дополняются многочисленными показаниями бытовых источников; из них приведем лишь несколько таких, в которых летописец желал именно выразить идею государства. Первоначальный летописец целью всей своей «повести» ставит показать: «Откуда есть пошла Руская *земля*, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Руская *земля* стала есть»; конечно, он понимал под этим не географическое пространство, а употребил метафору для означения государственной жизни и государственного союза, созданного русской нацией. Тем же термином летопись означает соседние иностранные государства (чем, конечно, не означает, что эти иноземные государства имеют такой же внутренний характер, как и русское): когда угры, победив славян, основали свое государство, то «оттоле прозвася *земля угорьска*». Князья Моравские прислали к Византийскому императору просьбу дать им учителя христианской веры, и говорили так: «*Земля* наша крещена, и несть у нас учителя». Население, подвластное уграм, есть государство Венгерское; страна, управляемая тремя князьями Моравскими, есть государство Моравское. Игорь, помирившись с греками, «повеле печенегам воевати *Болгарскую землю*», т. е. государство, враждебное Византии». В Польском королевстве по смерти Болеслава В. возник мятеж; об этом наш летописец говорит так: «Умре Болеслав великий в Лясах и бысть мятеж в *земли Лядске*» (Лавр, под 1030 г.). – Когда Святослав задумал основать свое новое государство на Дунае, то киевляне послали сказать ему: «Ты, княже, чужее *земли* ищещи и блюдеши, а своея ся охабив». Возвратившись в Киев, он не мог усидеть тут и заявил: «Хочю жити в Порясловци на Дунай, яко то есть среда в *земли моей*», т. е. основанного им государства. По поводу рассказа о злодеяниях Святополка, наш летописец занимается вопросом о взаимном отношении двух главных элементов государства – власти и населения – и говорит: «Аще бо кая *земля* управится пред Богом, поставляет ей царя или князя праведна, любяща суд и правду, и властеля устроить и судью правящего суд. Аще бо князи правдивы бывают в *земли*, то многа отдаются согрешения *земли*; аще ли зли и лукавы бывают, то больше зло наводит Бог на *землю*, понеже то глава есть *земли*; тако бо Исаия рече: «Согрешиша от главы и до ногу, еже есть от царя и до простых людей» (Лавр. лет. 1015 г.). – Здесь под *землей* разумеется союз управляемых одной властью, причем обозначаются и функции этой власти – правительственная и судебная. Не умножая дальнейших примеров, упомянем, что летопись термином «*земля*» означает не только государство в целом, но и отдельные элементы государства, а именно: территорию, население и власть. В 1187 г. умирающий князь Ярослав говорит: «Се аз единою своею худою головою ходя, удержал всю Галичкую *землю*», т. е. сохранил все части ее территории. В 1097 г. Олег «переез всю *землю* Муромскую и Ростовскую» (овладел территорией этих земель). Под 1145 г. летописец говорит: «Ходиша вся Руська *земля* (киевская) на Галичь», т. е. *население* киевской земли пошло войной на Галицию. В 1069 г. киевляне говорят: «Се ведет (Изяслав Ярославич) на ны *землю* Лядскую», т. е. войско польское. Древлянские послы говорят Ольге: «Посла ны Деревская *земля*», т. е. *власть*, управлявшая этою землею. Древние памятники недаром обозначают тогдашнее государство термином «*земля*»: в нем выражены существенные особенности этого типа государства, совершенные неуловимые из терминов «княжение» и «волюсть». Им означает, что древнее государство есть государство вечное: если летопись (1190 г.) говорит, что Киевский князь тягася (спорил) с Смоленскими князьями и «Смоленскую *землю*», то значит в этом государстве была другая власть, кроме княжеской. Вообще, в чем заключаются особенности земского государства, или государства в форме *земли*, – это объясняется всем последующим изложением государственного права 1-го периода. Здесь достаточно заметить, что в государстве такого типа преобладающим элементом служит территориальный: государство есть союз общин; старшая община правит другими общинами; сама община состоит из союза соседей. Государства других типов могут быть союзом сословий (феодалное общество), или лиц (ордена), или родов (колен израилевых, улусов татарских). Государством может именоваться монархия Александра Македонского, которому повиновались греки, персы, иудеи, египтяне, сирийцы и туранцы, не имея между собою никакой связи – ни племенной, ни территориальной, а только одну власть царя. «Государства вообще», как известно, не существует. См. Дополнение Б.

начало (см. «Истор. моногр. и исследов.». Т. I. С. 34, 277), с которым начало территориальное во многих отношениях противоположно.

3. Время образования государства-земли и дальнейшее развитие государственной территории в 1-м периоде. а) Время происхождения земского государства должно быть отнесено к эпохе доисторической. Начальная летопись перечисляет земли-княжения (большей частью те же, какие мы находим в XI и XII вв.). Славянские племена уже тогда (до начала летописных сказаний) перешли от чистоплеменного быта в быт государственный, земский, т. е. образовали *княжения-земли*, пределы которых не всегда совпадали с границами племени⁵. Летописец, рассказав о мифических трех братьях – киевских князьях, продолжает: «И по сих братьи держати почаша род их (потомство) *княжение в Полях*; а в Деревлях (было) *свое* (княжение), а Дреговичи – *свое*, а Словени – *свое в Новгороде*, а другое (княжение) *на Пологие*, иже Полочане». Несколько менее ясно выражается летопись о кривичах смоленских и северянах; о первых она говорит, что их общественная жизнь сосредоточивалась в «граде Смоленске». В доисторическое время существовали уже старшие города каждой земли: Киев, Новгород, Полоцк, Смоленск, Чернигов, Ростов. Летописный рассказ о призвании варяжских князей может иметь исторический смысл только при том предположении, что это был обычный призыв князей Великим Новгородом с его владениями в северной части кривичей (где Изборск, впоследствии – Псков) и с его колониями среди Веси (Белоозеро) и Мери (Ростов); в этих пределах разместились потом братья Рюрика и его мужи. Отдельное упоминание об участии (в призвании) этих пригородов и колоний изъясняется тем, что уже тогда они начали отлагаться от Великого Новгорода и были полунезависимы. – Дальнейшие завоевания варяжских князей совершаются посредством покорения одного центрального города каждой земли: «Олег приа град Смоленск и посади в нем муж свои» (882), между тем покорялась вся страна кривичей. Древлянская земля с ее княжеской властью, вечевым устройством и городами (как подробно описывает ее летопись по поводу рассказа о мести Ольги под 946 г.), конечно, не могла образоваться после пришествия Олега в Киев, когда этот князь и его преемник Игорь «примучивали» древлян. **Князья-варяги застали везде готовый государственный строй.**

б) *Прибытием* распространение власти *династии Рюриковичей* в IX и X в. не изменило вполне прежнего быта (отдельного существования земель-княжений): при Олеге в каждой земле остаются «под рукою его князь светлые». Договор Олега с греками 911 г. заключен «по воле и повелению наших князей»; Олег ручается в договоре, что мир не будет нарушен по вине «сущих под рукою наших князь светлых». Греки обязываются хранить любовь «к князем светлым нашим руским». Дань, которую условились платить греки, делится между Киевом, Черниговом, Переяславлем, Полоцком, Ростовом, Любечем и прочими городами, ибо «по тем городом сядяху князи, под Ольгом суще». Зависимость местных князей от киевского состояла только в уплате дани (военные походы совершались добровольно, ради добычи). Князья русских земель были или племенные славянские (кн. Мал в земле Древлянской), или иноземные-пришлые (Рогвольд Полоцкий). Лишь некоторые земли вскоре потеряли вполне свою самобытность (земля Древлянская в половине X в.); другие же и при потере местной княжеской власти сохранили своею отдельность: в 970 г. пришли в Киев «люди новгородские, прося князя себе и говоря: если не пойдете к нам, то найдем князя себе». И сказал им Святослав: «Да пойдет ли кто к вам?» Они взяли себе Владимира. **Мнимое единодержавие X в. (Олега, Игоря, Святослава и Владимира) не разрушает самобытности земель.**

⁵ С. М. Соловьев говорит: «Первоначально границы волостей соответствовали границам племен» (И. Р. III. 24); это несогласно с показаниями летописи о племенных *княжениях*, которые уже заключали в себе части других племен (см. ниже этнографический состав населения). Проф. Сергеевич приписывает мысль Соловьева и нам. См. Дополнение В.

в) Однако, династия Рюриковичей положила первое основание к *сближению между* раздельными *землями*, на что указывает уже дань, платимая местными князьями в Киев, и вообще нахождение их «под рукою» князя Киевского. С конца X в., т. е. со времен Владимира Св., и в продолжение XI в. связь эта усиливается тем, что местные князья заменяются младшими членами рода Рюриковичей (начало этого положено упомянутым призванием Владимира в Новгород): сыновья Владимира разместились не по провинциям, искусственно выделенным из состава единого государства, а по готовым государствам-землям (сам Владимир – в Киеве, Ярослав – в Новгороде, Станислав – в Смоленске, Изяслав – в Полоцке, Святополк – в Турове, Святослав – в земле Древлянской, Всеволод – в земле Волынской, Борис – в Ростове, Глеб – в Муроме). – Таким образом, **удельная система повела не к раздроблению мнимого единства государства, а к большему слитию прежних раздельных земель.**

г) В XII в. от местных князей Рюриковичей образовались в каждой земле особые линии княжеского рода, претендовавшие на исключительное обладание своей землей, как наследственным достоянием; от этого произошло *кажущееся усиление дробности государственной территории*. В действительности же заметно усиливаются начала будущего государственного единства (которые будут указаны ниже в своем месте). Каждая земля делится в свою очередь на множество княжений (по числу членов своей линии княжеского рода); но эти княжения отнюдь не новые государственные единицы: князья пригородов заменяют лишь посадников; внутреннее единство земли не нарушается; во внешней политической деятельности выступают не отдельные княжения, а целые земли. Так, послы в чужие государства отправляются не от каждого из князей в отдельности, а от каждой из русских земель: когда в 1164 г. Суздальский епископ Леон вел прения о poste в Греции перед императором Мануилом, то это происходило в присутствии всех бывших у царя (русских) послов: «Киевский сол, и Суждальский Илья, и Переяславский и Черниговский» (Лавр, лет.); между тем в то время был не один князь киевский, черниговский и пр., а в каждой из этих земель было множество князей. Внутренние войны того времени возникают не только из вражды князей между собою (их родовых счетов), но главным образом из соперничества одной земли в отношении к другим; при этом войны ведутся от лица целых земель по интересам этих последних⁶.

⁶ Приведем следующие примеры: со времени древнейшего (может быть с отторжения Ростова – колонии Великого Новгорода – от своей метрополии) идет постоянная вражда *новгородцев с ростовцами*; в XII в. ее отголоски выражаются так: под 1135 г. летопись рассказывает: «Тоеже зимы бишася Новгородци с Росторци, и победиша Ростовци Новгородце, и побиша множество их, и воротилисся Ростовци с победою великою» (Лавр. лет.). В нижеприводимых фактах борьбы Новгорода с Суздалем при Андрее Б., Всеволоде III, Юрии, особенно же в истории похода 1216 г. (окончившегося Липецкой битвой) совершенно ясно, что борьба идет не между князьями, а между землями. Подобные же земские счета имели *полоцкая и смоленская* земли с *новгородской*: в 1137 г. «не бе (у новгородцев) мира с ними (псковичами), ни с суждальци, ни с смоляны, ни с полоцканы, ни с кыяны» (Новг. 1-я лет.). Междуместские отношения обрисовываются весьма ясным образом в следующем факте: в 1180 г. Мстислав (Храбрый) пошел с новгородцами на Полоцк на зятя своего Всеслава, «ибо дед его (Всеслава) ходил на Новгород и взял Иерусалим церковный и сосуды богослужебные и погост один (новгородский) завел за Полоцк. Мстислав хотел оправить все это – новгородскую волость (территориальный ущерб) и обиду»; но брат его Роман Смоленский помирил воюющих без битвы (Новг. 4-я лет.). Здесь князь, связанный с другим близкими узами свойства, идет на него войной не по княжеским счетам, а за отторжение одного погоста управляемой им земли, что совершено было более столетия тому назад (Всеслав Полоцкий напал на Новгород в 1066 г.; Погодин относит факт обиды новгородцев ко временам полоцкого князя Брячислава, т. е. к началу XI в., что едва ли верно). Вообще Великий Новгород с давних времен враждовал с Полоцком (поход Брячислава Полоцкого 1021 г.), чем и пользовались соседние князья, которые никогда не нашли бы средств для своих усобиц, если бы не было готового материала в соперничестве управляемых ими земель. Особенно этим средством пользовался знаменитый Андрей Боголюбский: в 1167 г. «сложился на Новгород Андрей Боголюбский с смолянами и с полоцканы». В 1169 г. «пришли под Новгород суждальцы с Андреевичем (сыном кн. Андрея Б.) и Мстислав с смолянами и с торопчанами, муромцы и рязанцы с двумя князьями, Полоцкий князь с полоцканы и вся земля просто русская. Новгородцы противостали твердо с князем своим Романом» (Новг. 1-я лет.). В 1186 г. мы застаем опять Новгород в войне с полоцкой землей, причем, впрочем, новгородцы были лишь союзниками смолян. *Две Кривские земли* (смоленская и полоцкая) также враждовали между собой издавна, вследствие пограничных счетов (главным образом за Витебск и Дрютск). В 1186 г. смоленский князь Давид Ростиславич, воспользовавшись тем, что сын его Мстислав княжил в Великом Новгороде, составил союз смоленской и новгородской земель против полоцкой; союзники двинулись в поход; «слышаша Полочане, и сдумаша рекуще: не можем мы стати противу новгородцем и смольняном»; если мы впустим их в свою землю, то хотя бы и заключили с ними мир, много зла нам

Сохранение внутренней целостности земель в конце XII в. засвидетельствовано летописцем в знаменитой формуле: «Изначала Новгородцы, Смольняне, Кияне, Полочане и *все власти* на веча сходятся, и на чем старейшие порешат, тому следуют и пригороды». Из этого места следует, что и в конце XII в., по сознанию тогдашнего населения, государственное устройство состоит не в княжеских отношениях, а в земских (старших городов к пригородам, о чем ниже), и самое понятие государства приурочивается не к княжениям, а к тем землям, которые здесь перечислены, и к подобным же, о которых летописец не договорил (Черниговской, Галицкой, Волынской).

В начале XIII в., когда дробление княжеств достигло крайней степени, в сознании современников Русь представлялась, однако, не как пестрая сеть этих княжений, а как союз тех же земель, которые существовали с IX в.: в 1216 г., перед знаменитой Липецкой битвой, один из бояр кн. Юрия говорил князьям: «Не было того ни при прадедах, ни при деде, ни при отце вашем, чтобы кто-нибудь вошел ратью в сильную землю *Суздальскую*, и вышел бы цел; и вся русская земля: и *Галицкая*, и *Киевская*, и *Смоленская*, и *Черниговская*, и *Новгородская*, и *Рязанская* — никак против такой силы не успеют» (Троицк, лет.). Тогда же князья Суздальской земли, вполне надеясь на победу, заключили между собой письменный договор о разделе русской земли; грамота, после поражения их новгородцами и смолянами, была найдена в лагере кн. Ярослава Тверского; в ней между прочим стояло: «Мне (кн. Юрию) Володимирская земля и Ростовская, а тебе (Ярославу) Новгород, а Смоленск брату нашему Святославу, а Киев дай Черниговским князьям, а Галич — нам же».

Вообще смысл истории так называемого удельного периода заключается не в между княжеских, а в междудомских отношениях; если княжеские отношения влияли на отношения земель между собой, то в большей степени замечается и обратное влияние.

д) С конца XII и в начале XIII в. *соседние земли начинают группироваться* в более крупные государственные единицы, именно: северо-восточную, центральным зерном которой стала земля Суздальская, и юго-западную, в центре которой стоит Галицкая земля, что и послужило переходом к образованию в следующем периоде двух больших государств: Московского и Литовско-русского⁷.

сотворят, опустошат нашу землю, идучи на нас; пойдем к ним *на сумежье*. «И собрався вси и идоша к ним, и сретоша я на межах с поклоном и с честью... и разидошася в страны своя каждо их» (Лавр. лет. под 1186 г.). Этот факт показывает, что границы между землями были постоянны и устойчивы, несмотря на изменчивость состава княжений. Отношения новгородской и полоцкой земель не всегда были, однако, враждебны; иногда между ними устанавливался союз против общих врагов, какими были Литва и Чудь: в 1191 г. князь Новгородский Ярослав ездил в Луки (новгородский пригород), будучи вызван туда полоцкой «князьей» (князьями) и *полочанами*, с ним была и новгородская передняя дружина; новгородцы и полочане «снялись на рубеже, положили между собой любовь, и условились, чтобы на зиму сойтись в общий поход либо на Литву, либо на Чудь» (Новг. 1-я лет.). Но этот мир между соседними землями длился недолго: в 1198 г. «на осень придоша *Полочане* с Литвою на Луки»; зимой того же года князь Новгородский «с новгородцами, псковичами, новоторжцами, ладожанами и со всей областью Новгородской ходил к Полоцку, и усретоша *Полочане* с поклоном на озере на Касьпле, и възьмъше мир, възвратишася Новугороду» (Новг. 1-я лет.). Такой же земский характер (а не характер княжеских усобиц) имеют отношения смоленской земли к черниговской: в 1195 г. «бишася *смоляне с черниговци* и поможе Бог Църниговцем няша князя Бориса Романовица и не бяше мира межи ими» (там же). То же видно и в отношениях Киевской земли к Черниговской, Галицкой, Полоцкой и другим соседним: в 1135 г. новгородский посадник Мирослав «ходил мирить *кыян с черниговцами* и возвратился без всякого успеха» (Новг. 1-я лет.); тогда же зимою «пошел в Русь (южную) новгородский архиепископ Нифонт с лучшими мужами и застал кыян и черниговцев, стоящими друг против друга, но Божию волею помирились» (там же). В 1145 г. «ходиша вся Руська земля (киевская) на Галиць и много попустиша область их; ходиша же из Новгорода помочь Кыяном» (там же).

⁷ На севере начались попытки к сплочению в одно политическое тело земель Суздальской, Рязанской, Новгородской и отчасти Черниговской. Такая попытка принадлежит Андрею Юрьевичу и знаменитому брату его Всеволоду III — Суздальскому. Победив рязанцев (1177) и пленив князей их, Всеволод обратил этих последних в своих подручников; они титулуют Всеволода своим «господином и отцом» (1180 и 1186 г. Лавр, лет.), призывают его сами к установлению «порядка» в их земле: «Поряд створив всей братьи, раздав им волость комуждо по старейшинству, възвратися в Володимерь» (1180 г. Лавр.). Суздальский князь забирает непослушных рязанских князей и отправляет в заключение во Владимир (там же). Он сам без вызова умирят распри между рязанскими князьями (1186). Рязанские князья следуют за Всеволодом в военные походы, например, на болгар (1184 г.), на Черниговскую землю (1196 г.). В тесной связи с Суздаlem стоит и Смоленская земля; князья ее также послушно

Не довольствуясь расширением своей власти над Северной Русью, Всеволод III сделал (преждевременную) попытку к утверждению общерусского единогодержавия: в 1195 г. он обновил старый опорный пункт суздальских князей на юге, город Городец на Остре: «Послал тиуна своего Юрия с людьми в Русь и создал град на Городце, обновил свою отчину». В том же году, когда умер киевский кн. Святослав Ольгович, «послал великий князь Всеволод мужей своих в Киев и посадил в Киеве Рюрика Ростиславича» (Лавр. лет.). В 1201 г. «послал князь великий Всеволод Юрьевич сына своего Ярослава в Переяславль Русский (южный) княжить» (там же). Такое распоряжение княжескими столами в чужих землях составляет решительную новость: прежде ни киевские князья, ни другие не распоряжались столами в Черниговской, Полоцкой или иных землях.

Мы назвали такое стремление преждевременным. Действительно, одновременно с образованием первого зерна будущего северно-русского единогодержавия, на крайнем юго-западе закладываются основы другого русского государства. Современник Всеволода, Роман Волынский, имел здесь точно такое же значение, как Всеволод на севере. Роман соединил под своей властью две большие и сильные земли – *Волынь и Галицию*. Центром этого нового государства могла сделаться именно Волынь как по положению своему, так и по могуществу; но Роман сделал ошибку, перенеся центр в пограничную Галицию, что повело к вмешательству в судьбу этого государства иноземцев-мадьяр и ляхов. Во всяком случае при Романи государство его было настолько могущественно, что южнорусский летописец титулет его так же, как севернорусский Всеволода, т. е. самодержцем и царем. Образование сильного государства повело и здесь к стремлению расширить его влияние на соседей, именно на *Киевскую и Черниговскую* земли. Около двух больших политических тел прочие начинают вращаться, как спутники их; впрочем судьба их еще колеблется, факты недостаточно решительны, чтобы определить, в сферу какого из двух названных светил попадут эти спутники. Такое неопределенное положение занимают Киевская и Черниговская земли⁸.

идут по приказанию Всеволода на Чернигов (там же). Великий Новгород, после нескольких поражений от суздальских войск, наконец покорился князю Суздальскому, прося у него сына себе в князья в таких выражениях: «Ты господин князь великий Всеволод Гюргевич, просим утобе сына княжить Новугороду, зане тебе отчина и дедина Новьгород» (Лавр. лет. 1200). Когда в 1206 г. Всеволод послал на княжение в Новгород другого своего сына – Константина, то суздальский летописец увидел и приветствовал в этом явные признаки наступления единогодержавия в целой русской земле: «Не токмо Бог положил на тебе старейшинство во всей братии твоей (говорит отец Константину), но и в всей русской земли» (Лавр. лет.). По этому поводу суздальский летописец излагает целую теорию самодержавной власти, ясно предвидя будущую тесную связь между единогодержавием (т. е. образованием цельной территории большого государства) и неограниченностью самодержавной власти. Во всем этом движении одной земли к преобладанию над другими действует не только личное властолюбие Всеволода, но и стремление самого народа Суздальской земли к утверждению своей гегемонии над соседями; в 1178 г. во время похода на Новгород, Суздальская дружина, видя нерешительность своего князя, говорит ему: «Мы не целовать их приехали, они, князь, Богу лгут и тебе; и, сказавши это, ударили по коням и взяли город (Торжок), мужей повязали, а жен, детей и товары взяли на щит и город сожгли весь за новгородскую неправду» (Лавр. лет.). В 1181 г., когда черниговцы в союзе с новгородцами пришли ратью на Суздальскую землю, то «дружина Всеволода хотела крепко ехать на них; но Всеволод, будучи благосерд, не желая крови проливать, не ехал на них» (Лавр. лет.).

⁸ Мы упомянули, что в 1195 г. Всеволод посадил своего подручника на киевский стол, именно Рюрика. Хотя Рюрик заявил попытку соединить силы *Черниговской земли с киевскими* и таким образом *удержать самостоятельную роль между двумя самодержцами*, но дело кончилось для него печально: «Роман, скопя полки Галицкие и Владимирские, въехал в Русскую (т. е. Киевскую) землю»; одно прибытие его произвело здесь полный переворот: местные князья, подчиненные князю Киевскому, тотчас отъехали к Роману, изо всех городов русских (киевских) люди поехали к нему же; когда он прибыл к Киеву, то отворили ему кияне ворота подольские; он въехал в Подолье и послал на Гору (в старый Киев) к Рюрику и Ольговичам, которые и принуждены были исполнить его волю. Факт, доказывающий, что и на юге население принимает жизненное участие в процессе образования нового единогодержавного государства, но в ином смысле, чем на севере. Рюрик отправился княжить в пригород Овруч, а Ольговичи восвоися – в Чернигов (Лавр. лет.). Суздальский летописец рассказывает, что после этого в Киеве посажен княжить Ингварь Ярославич от руки великого кн. Всеволода и Романа. Очень может быть, что в отношении в киевской земле оба русских самодержца пришли к компромиссу, т. е. установили обоюдное влияние на эту страну. Когда Рюрик снова овладел Киевом, то Роман, явившись опять для восстановления своей единичной власти над Киевом и Черниговской землей, принужден был снова поделить ее со Всеволодом; по словам Суздальского летописца, он предложил послать к Всеволоду своих послов вместе с послами Рюрика, «абы ти дал Киев опять». Черниговские Ольговичи целовали крест «великим князьям Всеволоду и Роману». Но такой компромисс, очевидно, удержаться не мог; в 1205 г. Роман, во время

Но со 2-й половины XIII в. сын и преемник Романа, знаменитый *Даниил Галицкий*, распространил свою власть и на Киевскую землю, создав из южнорусских земель могущественное и обширное королевство. На севере продолжателем дел Всеволода явился Александр Невский, современник Даниила.

Таким образом дело основания единой державы *начато задолго до татар*. Вообще **развитие государственной русской территории в 1-м периоде идет от меньших единиц к более крупным (а не наоборот)**.

4. Число и внешний состав древнерусских земель не могли оставаться вполне неизменными в течение долгого периода, при постоянных большей частью враждебных столкновениях между ними и с соседями-кочевниками; выше указано слияние Древлянской земли с Киевской. К той же Киевской земле присоединилась часть земли дреговичей (Турово-Пинской); другие части ее вошли в состав земли Полоцкой и Черниговской. – Ростовско-Суздальская земля, несомненно составлявшая вначале колонию Великого Новгорода, наконец достигла полной самостоятельности. – Новгородская земля, лишившись таким образом владений на Средней Волге, вознаградила себя громадным протяжением в бассейне Северного Ледовитого океана до Уральского хребта. Отделившийся от нее Псков до самого падения Великого Новгорода не мог достигнуть полной самостоятельности (например, в церковном отношении). – Из колоний славянского племени вятичей среди финского племени Муромы, в правой половине бассейна Оки, образовалась новая земля Муромо-Рязанская. – Северская земля, выдвинувшая в древности свои колонии через Дон до Кубани (Тмутаракань), приведена обратными движениями степных варваров в сравнительно тесные пределы бассейна рек Десны и Сулы; но и эта центральная часть Северской земли была еще слишком велика и потому наклонялась к раздвоению по двум главным системам названных рек, страна по р. Суле образовала особую землю – Переяславскую; но эта земля никогда не достигала совершенной самостоятельности и играла межеумочную роль среди Северской и Киевской земель. Северская земля владела весьма долго и землей вятичей. – Самая обособленная в этнографическом и географическом отношениях земля Полоцкая или Кривская (между Припятью и Западной Двиной) была в доисторическое время в некоторой связи с землей Новгородской (Рюрик посадил там мужа своего); но уже в начале X в. она является самостоятельной и ведет постоянную борьбу с Новгородской и Смоленской землями. Эта последняя прежде простирала свои пределы далеко в бассейн Волги, но в XII в. должна была уступить восточные владения Суздальской земле. Начальная летопись в числе первобытных княжений не упоминает Волыни и Галиции (называя Дулебов или Волынян и Бужан лишь в числе *племен*); но относительно Волыни не может быть сомнения в ее доисторическом бытии в качестве земли: новый центр ее – княжеский город Владимир – возник близ древнего города – Волыни.

общего похода на половцев, схватил Рюрика и постриг его в Киеве в чернцы и захватил в плен сына и брата его. «И услышав то вел. кн. Всеволод, печален бысть очень... и вложил ему Бог в сердце опечалится русскою землею, он мог за это мстить, но ради христиан отложил мечь», – говорит Суздальский летописец; на самом же деле он очень желал мстить, но не мог; он удовлетворялся соглашением с Романом, по которому сын Рюрика был выпущен и сделан Киевским князем с очевидной зависимостью от Романа. Это очевидно из того, что, когда в том же году Роман погиб в сражении с ляхами, то «Рюрик, услышав о том, сбросил с себя чернеческие одежды и сел на столе в Киеве». Так Роману не удалось окончательно слить под своей властью Киевскую землю с Волынью и Галицией, и одной из главных причин этой неудачи было соперничество Всеволода Суздальского. После Романа дело его взялись было продолжать в свою пользу Ольговичи Черниговские, именно Всеволод Чермный. Ольговичи успели было овладеть, кроме своей наследственной Черниговской земли, Киевом, Галичем и Волынью (1207). Даже Рязань склонилась на сторону этого союза. Но против них явился тот же Всеволод Суздальский, ибо его многолетним усилиям угрожала окончательная гибель даже на севере. Его победоносный поход на Рязань, когда он захватил в плен и отвез во Владимир всех рязанских князей, произвел реакцию и в Киеве; его подручник Рюрик опять явился в Киев и выгнал оттуда Всеволода Чермного. Таким образом Киев остался в сфере влияния Суздальского князя; после нашествия татар Киевом управлял наместник этого князя.

Таким образом после различных изменений окончательно утвердилось *десять* самобытных государственных единиц, которые и в следующем периоде, войдя в состав государств Московского и Литовского, продолжали в них свое бытие в качестве отдельных провинций.

5. Внутренний состав земли. Каждая земля состоит из старшего города, пригородов и волостей (другие подразделения земли будут указаны в истории местного управления).

Городом («град») называется в обширнейшем смысле всякое укрепленное место (населенное и ненаселенное, временное или постоянное); в более тесном смысле всякое укрепленное поселение; в теснейшем и собственном смысле – центральная община, владеющая землей (и, конечно, наиболее укрепленная). Были ли города-общины в начале русской истории (IX и X вв.)? Спор об этом между Д.Я. Самоквасовым и Ф. И. Леонтовичем приводит к утвердительному ответу. Конечно, могли быть и пустые острожки и укрепленные села, но свидетельства о населенности некоторых городов (иногда очень значительной) начинаются с первых времен исторической жизни (после прибытия варягов); таковы: свидетельство договора Олега 907 г. о купцах из Киева, Чернигова, Переяславля и других городов; сказание первоначальной летописи о соборной церкви в Киеве при Игоре; сказание о посольстве древлян в Киев, причем замечено: «На Подольи не сядяху людье, но на горе»; сказание о мести Ольги, которая сожгла Искоростень: «И не бе двора, идеже не горяше, и не бе лъзе гасити, вси бо двори възгорешася»; сказание об осаде Киева печенегами (968), когда «нельзя было ни войти в Киев, ни выйти из него», а между тем в городе томились голодом осажденные люди; свидетельство о том, что союзники Владимира – варяги, взяв Киев (980), требовали откупа с жителей города по 2 гривны от человека; сказание об убиении в жертву богам толпой граждан сына варяга, у которого «бе двор, идеже есть церкви Св. Богородица»; сказание Дитмара о Киеве: «Киев чрезвычайно велик... в этом большом городе, который служит столицею того царства, 8 рынков и народа бесчисленное множество» (Chron. XVI); рассказ летописи о том, что Владимир велел развозить по городу для больных съестные припасы; история крещения народа, состоявшегося на другой день после приказа о том Владимира: «И сънидеса без числа людей»; сказание Иоакимовской летописи о крещении Новгорода, когда Новгородский тысяцкий ездил по городу и убеждал граждан стоять за старых богов. Такая населенность городов не могла образоваться в первые 50 или сто лет по прибытии варяжских князей.

Город старший в каждой земле есть община управляющая: «Новгородци бо изначала и смоляне, и кыяне, и полочане и вся власти, якоже на думу, на веча сходятся; на чтоже старейшин сдумают, на том же пригороды станут» (лет. под 1176 г.). Когда летопись говорит: «Кривичи... их же град есть Смоленск», то это не означает, что у кривичей был один только город, а указывает на их политическое средоточие. Племенные названия земель (поляне, словене, кривичи) весьма рано заменились названиями по имени старшего города (кыяне, новгородцы, смольняне). «Се буди мати градом русским», – говорит Олег о Киеве. Позднейший быт Новгорода и Пскова есть более ясное выражение общерусского быта.

Пригороды (младшие города) существуют в каждой земле с древнейших времен; так, в Новгородской земле старший князь Рюрик сел в Новгороде, младшие (подручные) – в Изборске и Белоозере. В Древлянской земле, кроме старшего города – Искоростеня, было несколько других: «Вси гради ваши предашася мне», – говорит Ольга осажденным искоростенцам. В XII в. летописи указывают по несколько пригородов в каждой земле (например, в Чернигово-Северской до 70, в Киевской, Волынской и Галицкой, в каждой около 40, в Суздальской около 20, Полоцкой около 16, в Новгородской около 15, в Рязанской столько же, в Смоленской до 8; нет сомнения, что в том числе следует разуметь и отдельные острожки-укрепления, не имеющие значения пригородов).

Волость есть округ, подчиненный каждому пригороду в отдельности; она включает в себе укрепленные и неукрепленные сельские общины.

Отношение старшего города к пригородам и волостям основано частью на колонизации, исходившей из центра к окрестностям земли, на что указывают термины: «старший», «младший» и «мать городов», а также и то, что население старших городов считается лучшим – боярским; «То суть наши холопе», – говорят ростовцы о владимирцах; жители Ростова именуется «старшею дружиною» («болярами»). – Иногда основанием власти старшего города является большая сила центральной общины, которая покоряет себе пригороды войной (города Древлянской земли обращены в киевские пригороды); но это обстоятельство не есть первоначальный источник государственной связи, а явление, возникающее при борьбе уже сложившихся земель⁹; большее и органическое значение силы заключается в том, что главная община дает пригородам у себя защиту во время военной опасности: когда в 1147 г. город Черниговской земли Всеволож был взят киевским князем Изяславом, то, услышав об этом, другие города: «Уневеж, Беловежа, Бохмачь, побежали, и иные грады многие бежали» в Чернигов (Ипат. лет.). – Третье основание власти старшего города *религиозное*: в языческую эпоху в стенах старшего города заключалась обыкновенно природная святыня целого племени (священный холм или роща), а потом и искусственная – капище: «Quot regiones sunt in his partibus, tot templa habentur», – говорит Дитмар о балтийских славянах; в христианскую эпоху языческие капища заменяются центральными общеземскими храмами; новгородцы, желая утвердить свою власть над пригородом Торжком, говорили: «Не будет Новый Торг Новым Городом, ни Новгород Торжком, но где св. Софья, там и Великий Новгород». – Иногда отдельные части территории делились между концами (частями) старшего города и отдавались в непосредственное управление этих последних: «Весь Псков поделиша на два пригорода на все концы, коему же концу к старым пригородам новые жеребьем делили, имал жеребей князь Василий, князя Феодора Юрьевича сын, с престола» (под 1468 г. Ср. устав о мостовых в Русской Правде)¹⁰.

Отношения старшего города к пригородам были *весьма устойчивы*, и большей частью сохранились неизменно со времен доисторических до XV в., когда древнерусские земли в прежнем своем составе вошли в государства Московское и Литовское в качестве провинций. Однако, иногда власть старшего города над пригородами терпела изменения; при равенстве силы старшего города и пригорода одна земля делилась на две самостоятельных (пример – выделение Псковской земли). Если сила пригорода перевешивала, то он становился главным городом, а старший – пригородом (пример – перенесение власти из Ростова в Суздаль и, наконец, во Владимир). К такому результату вела не столько потеря материальной силы старшим городом, но преимущественно потеря им *права старшинства*, он терял это право, если отказывался защищать пригороды: так, владимирцы считают себя *вправе* не подчиняться Ростову, когда этот последний не хотел защитить землю от насилия князей Ростиславичей; тогда ростовцы, по мнению владимирцев, сделались «мнимыми старейшинами». К такому же результату вело и то обстоятельство, если в пригороде возникала религиозная святыня, превосходившая своим значением святыню старшего города (победу владимирцев над ростовцами летописец объясняет влиянием «чюдной Матери Божией Володимерской»). Летописец так заключает свой рассказ о борьбе пригорода Владимира со старшим городом Ростовом: «Извека повелось правило: на чем старшие города положат, тому должны повиноваться и пригороды, но здесь старый город Ростов и Суздаль, и все бояре, стремясь свою правду поставить, не хотели сотворить правды Божией, и сказали: как нам любо, так и сделаем; Владимир наш

⁹ «Процесс возникновения первоначальных волостей совершался, надо думать... не мирно, а с оружием в руках. Города строились не целым племенем, а группами предприимчивых людей... Жители таких укрепленных пунктов... могли... захватывать чужие земли» (В. И. Сергеевич: Рус. юр. древн. I, 10). Но летопись говорит: «Кривичи, шс ж^трад есть Смоленск»... «Нарицахуса Поляне, от них же есть Поляне и до сего дне в Киеве». Словени (основали) свое (княжение) в Нове-городе»... «Апервьии населници в Нове-городе Словене, Полотьске – Кривичи». Гельмольд говорит о князе поморян: «Convocavit universam gentem suam et coepit aedificare castrum Dobin, ut esset populo refugium in tempore necessitatis». Мысль проф. Сергеевича не согласуется с полной самостоятельностью пригородов.

¹⁰ См. Дополнение Г.

пригород. Как в Евангелии сказано, что Господь утаил (откровение) от премудрых и разумных и открыл его младенцам; так и здесь: не умели исправить правду Божию ростовцы и суздальцы, давние, выдающие себя за старейшин, а новые люди, меньшие – володимерцы, уразумевши, взялись за правду крепко». Таким образом летописец, стоящий за интересы пригорода, не отрицает нимало в принципе власти старших городов, а только полагает, что в данном случае своими проступками старшие города потеряли свое достоинство старейшинства. Мнение о том, что отношения старшего города к пригородам определялись только пропорцией сил того и других (без всяких правомерных оснований) не может быть принято. На отношениях старшего города к пригородам и пригородов к волостям основывается весь древний изначальный государственный строй, который, не завися от междукняжеских отношений, во многом определяет эти последние.

Б. Население

Население известного государства может состоять или из различных этнографических групп, или из одной нации, и во всяком случае состоит из разных союзов общественных (классов, сословий).

1. Этнографический состав населения русских государств. Русская нация не есть явление доисторическое; история в своем начале застаёт разрозненные славянские (и финские) племена, еще не состоявшие между собой ни в каком национальном единстве. Славянские племена, составившие основу русской нации, различались одно от другого в этнографическом, правовом и культурном отношениях и большей частью относились враждебно друг к другу (Первой, лет.); некоторые из них были западного происхождения (радимичи и вятичи – «от ляхов»; карпатские хорваты). Каждая из древнерусских земель заключала в себе или целое племя, или часть его. Племя кривичей разделилось на две самостоятельные и (враждебные) земли: Полоцкую и Смоленскую, и, сверх того, значительная часть этого племени вошла в состав Новгородской земли. Племя вятичей не выработалось ни в какую самостоятельную политическую форму, которая едва зарождалась было в эпоху Владимира Мономаха (когда у них был князь Ходота), но тотчас же исчезла; племя вятичей поглощено Черниговской и Рязанской землями. Племя дреговичей поделено между Киевской, Черниговской и Полоцкой землями (См. Ипат. лет. под 1116, 1149; Лавр, под 1097 г.). Нечто подобное случилось и с древлянами, имя которых удержалось в смысле географическом, как части Киевской земли, а племенная группа древлян слилась с населением Киевской земли, через что не образовалось, так сказать, киевской нации.

Сознание о единстве русской нации образуется в X и XI вв. и выражается в XI и XII вв. в памятниках законодательных (*Русская Правда*) и литературных: первоначальная летопись употребляет термин «Русская земля» то в смысле южнорусских земель, то в значении целой нации; «Слово о полку Игореве» противопоставляет ясное сознание единства русской нации государственной раздробленности княжений и междоусобной борьбе их (см. ниже отдел «Начала государств. Объединения всех русских земель»).

Главнейшими основаниями национальной связи были: сходство языка восточных славян, единство религии (со времени принятия христианства греческого исповедания) и общность политической судьбы (единство княжеского рода, общие военные предприятия против Византии и восточных варваров).

Но сознание национального единства и в XII в. не было полным и всеобщим: Русской землей специально называлась южная Русь (в частности, Киевская земля) в противоположность северной и западной¹¹.

Этнографические элементы, вошедшие в состав русской национальности. Главнейший (по численности и значению) есть элемент *славянский*. *Инородческие и иноземные* элементы вошли в русскую нацию двояким образом: а) посредством *иммиграции* иноземцев в русские земли с двух сторон: с запада – варягов, с востока – тюрков. Те и другие явились или в качестве вспомогательных военных отрядов, или в качестве гостей (торговцев); затем они частью оставались при дворе князей (дружинниками), или правителями областей, или частными обывателями городов. «И по тем городам (в Новгороде, Изборске, Белоозере, Полоцке и Ростове) суть находници варязи; а перьвии насельници в Новегороде словене, Полотьске – кривичи» и т. д. (Первой, лет.; ср. о варягах и колбях. Рус. Пр. Ак. сп., ст. 9 и 10). Преувеличенное значение западноевропейского (варяжского) элемента в истории русского государства и права отстраняется тем, что варяжский элемент ассимилировался уже в XI в. В то время как северными славянскими племенами владели варяги, южными владели хазары, которые оставили следы своего влияния в титуле Киевского князя («каган» – в слове Илариона), в наименованиях многих селений около Киева и пр. Их сменили в X в. печенеги (по летоп. в 968 г.), которые под разными наименованиями проникали в состав городского населения; в целых массах замиренненьные тюркские племена (Черные Клобуки) составили сплошное военное население степных окраин Киевской и Черниговской земель (с Переяславской). За печенегами явились (в XI в.) половцы, внедряясь частью насильственным, частью мирным путем в состав населения южнорусских земель (о том свидетельствуют названия многих поселений в южной Руси). Явившееся вслед затем татарское влияние будет оценено (а вместе с тем и вообще монгольское влияние на русское государство и национальность) ниже в своем месте.

б) Посредством *колонизации* славян в странах инородческих, начавшейся с древнейших времен: Новгородская земля выдвинула свои колонии в доисторическое время в чудские (северно-финские) страны (Белозерск – среди Веси, Ростов – среди Мери); Полоцкая-Кривская земля по Западной Двине и Неману имела колонии среди латышей и литвы; Северская, Черниговская и Киевская земли – в степях тюрко-татарских, через Дон до Кубани (Тмутаракань). Особенная способность русского народа к ассимиляции инородцев общепризнана.

2. Социальный состав населения (классы общества). *Связь этнографического состава населения с социальным.* Разноплеменное происхождение классов общества замечается и в русской нации, но лишь в слабой степени: варяжские дружины составили служилый класс; гости, т. е. западные и восточные чужеземцы, – городской класс. «Ти суть людье Нооугородьци от рода Варяжьска, преже бо беша Словени», – говорит первая летопись о населении городов. В Русской Правде заменяется слово «горожанин» словом «русин», слово «селянин» словом «славянин» (см. прим. 4 к Кар. сп. Рус. Пр.). Однако, восточные славяне имели и своих старейшин и свое городское население уже со времен доисторических.

Три класса (но не сословия) Древней Руси. Общество каждой из древнерусских земель состоит из трех классов, которые отнюдь не могут быть названы сословиями в западноевропейском средневековом смысле. Классы эти суть: бояре, горожане и смерды. «Боярин боярина плениша, смерд – смерда, град – града», – говорит летопись об одном случае военного похода.

а) Бояре. Класс бояр *образуется* из двух элементов: во-первых, из *лучших людей* среди жителей каждой земли, а во-вторых, из высших членов княжеского двора – *дружинников*.

Лучшие люди правильно (хотя и искусственно) называются *земскими боярами* (в противоположность боярам княжеским). Летопись именует их и другими терминами, а именно: «нарочитии люди», «старейшины градские» и «людские». Ольга говорит древлянам: «Если вы про-

¹¹ См. Дополнение Д.

сите меня действительно (замуж за своего князя), то пришлите мужей нарочитых». Древляне избрали лучших мужей, которые держали (управляли) Деревскую землю (Первой, лет.). По взятии главного города древлян, Ольга «старейшин града взяла в плен, а прочих людей одних перебила, а других отдала в рабство своим мужам». Что здесь, и впоследствии при Владимире Св., «старцами» или «старейшинами» называются лучшие земские люди (бояре), доказывается тем, что летописец словом «старци» переводит латинский термин – «senatores»: «Взорен бывает во вратех мужь ее (доброй жены), внегда аще сядеть на сонмищи с старци и с жители земли», что в латинском тексте Библии выражается так: «Nobilis in portis vir ejus, quando sederit cum senatoribus terrae». То же самое ясно открывается из того, что летописец иногда означает словом «старци» всех членов княжеской думы (т. е. бояр по преимуществу); когда Владимир ввел смертную казнь вместо виры, то против этого нововведения стали говорить ему епископы и старцы (лет. под 996 г.); равным образом словом «бояре» означаются как бояре-дружинники, так и старцы: по возвращении посланных для ознакомления с разными религиями, Владимир созвал «боляры своя и старцы»; выслушав донесение послов, «отвещавше боляре, рекше: аще бы лих закон гречьский, то не бы баба твоя прияла Ольга». Никакого не может быть сомнения в том, что восточные славяне издревле (независимо от пришлых княжеских дворян) имели среди себя такой же класс лучших людей, который у западных славян именуется *majores natu*, *seniores*, кметы и другими терминами. Этот класс везде образуется из людей высших по родовому старшинству (происхождению, отчего члены его и называются старейшинами), по власти в своем обществе (члены его «держат землю») и, наконец, по высшей экономической состоятельности (термин «лучшие люди» в следующем периоде означает людей более богатых).

Этот класс до XI в. ясно отличается от бояр княжеских, т. е. высших членов княжеского двора. Владимир Св. созывал на пиры «боляр *своих*, посадников и *старейшин* по всем городам» (Лет. под 996); в своем киевском дворце он угощал «боляр, гридей, сотских, десятских и нарочитых мужей» (Там же). Когда в Великом Новгороде при Ярославе новгородцы перебили варягов княжеских, то князь отомстил им избиением их «нарочитых мужей» (лет. под 1015 г.). Затем, когда после поражения Ярослава, этот князь опять прибежал в Новгород и собирался бежать за море, то сами новгородцы остановили его и решили продолжать борьбу за него собственными средствами; для этого они назначили налог на военные издержки, а именно: «от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18». Конечно, они собирали этот налог не от княжеских бояр, на что и права не имели; сверх того, Ярослав прибежал в Новгород с четырьмя мужами, а бояре его остались в Киеве, где кор. Болеслав «взял именье и бояр Ярославлих» (Там же). Вообще в Новгороде княжеские дружинники никогда не могли сделаться местными боярами; впоследствии им запрещено было приобретать недвижимые имущества на новгородской территории, а между тем Новгород не был лишен боярского класса (в Новгородском сенате считалось до 300 бояр); все новгородские бояре суть земские бояре. Кроме людей, управлявших общинами, в этот класс вошли и туземные князья (управлявшие целыми землями), лишенные своих владений Рюриковичами (в договорах русских с греками термины «князья» и «бояре» употребляются, как одинаковые: «Послании от Игоря... и всякая княжья... А великий князь русский и боляре его да посылают в Греки»...).

Бояре-дружинники. Слово «дружина» не означает какого-либо определенного класса общества; этим термином в летописях называется иногда весь народ: кн. Ярослав, избивший лучших новгородцев, но затем получивший известие из Киева о пагубных замыслах Святополка, собрал остаток новгородцев и сказал: «О любя моя дружина, юже вчера избих, а ныне быша надобе» (Первой, лет. под 1015 г.); иногда так называется народное ополчение, стоящее рядом с дружиной княжеской: когда в 1043 г. ладьи, на которых плыло русское войско в Византию, были разбиты бурей, то 6000 воинов (ополчения) были выброшены на берег; корабль же, на котором была княжеская дружина, уцелел. Выброшенные воины не хотели продолжать путь на Грецию и решились возвратиться в Русь; но никто «из князей дружины»

не соглашался вести их, кроме тысяцкого Вышаты, который сказал: «Аз пойду с ними, аще жив буду, то с ними, аще погину, то с дружиною» (Лавр, лет.). Далее дружиною называется товарищество, основанное на договоре, например, общество, обязавшееся круговую порукою по уплате виры (Рус. Пр. Кар. 4). Преимущественно дружиной именуется общество, составившееся искусственно; в народном южнорусском говоре поговорка «сбор – дружина» означает собрание разнокачественных предметов.

Специально дружиной называется *двор князя*: «Се дружина у тебя отъня и вой», – говорили дружинники св. князя Бориса, поощряя его занять киевский княжеский стол (Первой, лет. 1015 г.). Двор состоял из различных племенных элементов: первоначально он составлялся по большей части из пришельцев как чужеземцев, так и жителей других русских земель, а именно из варягов, угров, торков и т. д. В 980 г. советник князя Ярополка, отговаривавший его следовать предательскому плану Блуда, был Варяжко; когда же Ярополк не послушал и поехал к Владимиру, то был убит двумя слугами Владимира – варягами. Владимир избрал из варягов (с которыми прибыл для борьбы с Ярополком) мужей добрых, смысленых и храбрых, и раздал им города (Первой, лет. 980 г.). В дружине св. князя Бориса был любимый его отрок Георгий, родом угрин (мадьяр); в дружине Святополка исполнителями убийства над Борисом было два варяга и между остальными – Ляшко. Повар св. князя Глеба, зарезавший мученика, был Торчин. Восточные элементы встречаются в княжеских дворах и в довольно позднее время: одним из главных убийц кн. Андрея Боголюбского был его ключник Ясин (см. в договорах Олега и Игоря имена послов). Но вообще с XI в. преобладающим элементом в княжих дворах становится туземный – славянский.

Столь же разнообразны и сословные элементы двора. Вообще члены двора суть *слуги* князя и, в качестве слуг, лица не совсем полноправные, ибо служба только тогда не вела к холопству, когда это именно было оговорено в договоре (Рус. Пр. Кар. 121), что в действительности совершалось редко (Там же. Кар. 77). Но служба князю, который был не только частным лицом, но и правителем государства, давала возможность слуге получить сразу высокое положение в обществе: из приведенного выше примера видно, что только что прибывшие варяги делаются правителями областей.

Весь двор, по правам членов его, делится на *дружину старшую и младшую*. Первая состоит из людей не только свободных, но и занимающих высшее положение в государстве (думе князя, в военном и местном управлении). Общим названием их первоначально было *огнищане*, к положению которых приравнивались княжеские тиуны, подъездные и конюшие (Рус. Пр. Ак. 19, 20 и 21); впоследствии за ними утвердилось название *княжих мужей* (Рус. Пр. Кар. 3); но в то же время они именовались и боярами (Первой, лет. под 983, 996 г. и др.); это последнее название утвердилось окончательно после слияния земских бояр с дружинными. – *Младшая дружина* состояла из лиц низшей дворовой и государственной службы; древнее общее наименование ее «гридь» (гриднича – дом, комната) заменилось другими: «отроки», «детские», «пасынки». Исполняя во дворе низшие службы (ключников, конюхов и т. п.), они в то же время составляли военный полк князя: «Имею своих отроков 800, которые могут стать против половцев», – говорил киевский князь Святополк (Лавр, лет. 1093 г.). Все эти лица были или несвободные, или полусвободные, хотя и младшие члены боярских фамилий, обыкновенно начинали службу с тех же низших дворовых должностей, что служило заменой и школьного образования. Как в физическом возрасте отрок становится мужем, так юридически росли права «отроков», пока они не становились «мужами» (боярами), разумеется, не все. Отсюда и наполнялась главным образом старшая дружина; слово «огнищанин» в памятниках западославянских толкуется как вольноотпущенный. Средством возвышения из младшей дружины в старшую были: военная служба и гражданское управление волостями; волости менее богатые и важные иногда поручались низшим дружинникам: кн. Святослав Черниговский говорит (жалуясь на князя Изяслава): «Я получил Чернигов с 7 пустыми городами:

Моравийском, Любечем, Оргощем, Всеволожем, – и в тех сидят псари да половцы, а всю (прочую) волость Черниговскую Изяслав собою держит» (Ипат. лет.).

Кроме княжеской дружины, были *дружины (дворы) боярские*, члены которых также вошли в состав высшего класса: при князе Игоре его дружинники завидуют большому богатству «отроков Свенельда» – боярина (Первой. лет. 945). При князе Изяславе Киевском боярин Иоанн, сын которого постригся в Печерском монастыре, был обижен тем, что князь не заступился за него и «поим отроки многы, иде на святое стадо», извлек сына из монастыря. (Памяти, изд. Яковлевым. С. XVI). Симон-варяг прибыл на службу к Киевскому князю с 3000 дворян. При Владимире Мономахе сын его Георгий Симонович, управлявший Суздальской землей, решившись оковать гроб св. Феодосия, послал в Киев с серебром и золотом «единого от бояр своих, сущих под ним, именем Василия», который был крайне недоволен опасным поручением, но «неволею емлется в путь» (Там же. С. CXV). Владимир Мономах совещается с дружиною боярина Ратибора (лет. под 1095). В Великом Новгороде Семен Емин с 400 своих «ратников» (связанных с ним ротою – договором) лишает должности посадника и тысяцкого. «Благоплеменный вельможа» киевский Родион Несторович перешел на службу к Московскому князю со своим двором, в котором было до 1700 человек, в том числе «княжата» и дети боярские.

Из двух элементов – дружинного (служилого) и земского – составляется (с XI в.) один боярский класс, когда дружинники, осевшись, сделались местными землевладельцами, а земские бояре, через дворовые службы, перешли в класс княжих мужей. Тогда уже уничтожается разница княжих бояр и старейшин; отдельное наименование «старци» уже не встречается в XI в.; дружинные наименования переходят и на земские классы; так, в Великом Новгороде, где дружинный элемент имел наименьшее значение в составе боярского класса, в названиях этого последнего до XIII в. уцелели термины: огнищане, гридь (Новг. 4-я лет. 1234); то же и в Суздальской земле (см. ниже). Само собой разумеется, что княжие дворы, продолжая существовать, приготавливали новые служилые элементы, постепенно вливавшиеся опять в земское боярство. Слово «дворяне» (взамен – дружина или «гридь») появляется уже в XII в.: «горожане же Богоблюбстии и дворяне разграбиша дом княж» (Ипат. лет. 1175 г.). У нас не установилось немецкого различия Dienst-Adel и просто Adel.

По окончательном образовании этого класса, в нем замечаются некоторые следы *особенности* его от прочих классов; выше приведено место летописи, в котором перечислены три класса общества с ясной раздельностью; в 1176 г. суздальцы (граждане и народ), оправдываясь пред кн. Михаилом Юрьевичем, говорили: «Мы, княже, на полку томь со Мстиславом (соперником Михаила) не были, но были с ним боляре» (Лавр. лет.). В Великом Новгороде, где боярский класс не имел преобладающего значения, были случаи открытой вражды между боярской партией и народом: «И бысть в вятших совет зол, яко побити меншии» (Новг. 1-я лет. под 1255 г.).

Тем не менее боярство Древней Руси не имело ни *сословной корпоративности*, ни *сословных привилегий*. Образованию корпоративности мешал земский характер древних русских государств. Каждая община (город, волость и даже село) имела своих бояр (равно как средних и меньших людей); в Новгородской земле были бояре водские, рузские, новоторжские, лужские, ижорские, двинские (Костомаров. «Северно-русския народоправства». С. 28). Собственно новгородские бояре распределяются по концам города, с которыми делят свои интересы. В Киевской земле были свои «вышегородские боярцы» (Лавр. лет. под 1015 г.). Впоследствии (в эпоху литовско-русскую) находим «бояр» в селах, как высший класс прикрепленных крестьян. Таким образом земское распределение классов препятствовало образованию корпоративности. Этому не противоречит то, что боярами собственно (т. е. такими, достоинство которых было признаваемо в целом тогдашнем государстве – земле) были лишь бояре старшего города: так, при борьбе пригорода Владимира с Ростовом, действия бояр и ростовцев отождествля-

ются и противопоставляются действиям владимирцев, как людей меньших, населения неболярского; в 1177 г. «привели (себе на княжение) ростовцы и бояре Мстислава Ростиславича из Новгорода... Он, приехав в Ростов, совокупил ростовцев и бояр, гридьбу и пасынков, и всю дружину»; а соперник его – Всеволод, которого пригласили владимирцы, «выехал против него с владимирцами, и с дружиною своею и с теми немногими (местными) боярами, которые остались у него». Не желая решать дело оружием, Всеволод попробовал войти в соглашение с Мстиславом, т. е. разделить с ним власть таким образом: «Брат, тебя привела старейшая дружина, и ты поезжай в Ростов...; тебя ростовцы привели и бояре, а меня с братом Бог привел и владимирцы». Но Мстислав, послушав речь ростовскую и боярскую, отказался от такой сделки. В битве одолел Всеволод; тогда «ростовцев и бояр всех повязали... и села боярские взяли». Между тем в то же время и во Владимире и в Суздале были свои бояре (см. Лавр. лет. под 1177 г.). Из этих примеров видно: а) что сословное значение бояр определяется значением общины; б) население старшей общины признается боярским (высшим) в отношении к населению младших городов; в) эти последние, однако, имеют своих бояр.

Образованию сословной корпоративности препятствовали также и *способы вступления* в класс бояр, практиковавшиеся тогда. Боярином становился тот, кто занимал высшее место на *службе* (княжеской или земской) и приобретал более или менее богатое имущество: когда русский богатырь – сын кожевника – победил печенежского богатыря, то кн. Владимир Св. «великим мужем створи того и отца его» (Перв. лет. 992 г.). Даже в Галиции (стране наиболее боярской) лучшими боярами были сын попов и сын смердий. Вообще *личные качества* (при возвышении в обществе) преобладали в древних славянских обществах над *рождением и наследственностью*: «Armis patientiores, fide meliores, militia fortiores et divitiis eminentiores, – his urbes et populum ad regendum committas», – увещевает старец молодого князя чешского (Jirecek: Das Recht in Bohm. und Mahr. II, 31). Рождение влияло на усвоение боярства лишь фактически, т. е. сыну боярина было *легче* достигнуть боярства. От этого фамильных прозваний Древняя Русь не знала; летопись сообщает нам лишь имена, иногда отчества бояр (Добрыня, Иван Творимирич и др.). Этому не противоречит существование класса *детей боярских*, упоминаемого в первый раз под 1259 г. в Великом Новгороде, где они составляли часть народного ополчения; дети боярские суть потомки бояр, не усвоившие, однако, себе боярского звания (не бояре); это – наследники измельчавших боярских имуществ.

При отсутствии корпоративности, класс бояр не мог пользоваться какими-либо *привилегиями* (исключительными правами). Правда, в сфере личных прав огнищане (или княжие мужи) ограждаются двойной вирой при убийстве (Рус. Пр. Ак. 18, 21. Кар. 1 и 3) и высшей продажей «за муку» (Там же. Ак. 32, 31 и Кар. 90 и 80); но это относится именно к *княжеским* мужам и изъясняется их личными отношениями к князю; частное вознаграждение потерпевшему за муку совершенно одинаково как для смердов, так и для бояр, именно 1 гривна. – В сфере прав имущественных, памятники приписывают боярам право владения *селами* (земельными имуществами), как бы принадлежащее им по преимуществу: в летописях всегда речь идет только о селах боярских и церковных (в 1156 г. бояре, последовавшие за кн. Изяславом на Волынь, лишились своих сел в Киевской земле; в 1177 г. в Суздальской земле владимирцы, победив ростовцев, забрали «села боярьская»; тогда же и там же рязанский князь Глеб «села пожже боярские»). Следы отождествления боярства с землевладением встречаются и в Русской Правде, где упоминается о сельском населении только княжеском и боярском (Рус. Пр. Кар., ст. 11). Но другие указания памятников не оставляют сомнения, что *право* землевладения принадлежало не только средним людям – горожанам (см. Новг. Судн. гр., ст. 17), но и низшему сельскому классу (см. ниже). Вышеприведенные свидетельства указывают только, что *фактически* землевладение принадлежало боярам более, чем лицам прочих классов.

В сфере прав наследства боярам приписывают привилегию передавать наследство дочерям при неимении сыновей (Рус. Пр. Кар. 103 и 104); но такое право простирается не только на бояр, но и на всех свободных «людей», кроме смердов (см.: История права наследства).

б) Горожане – «люди градские» – означают иногда все свободное население (кроме бояр), так как такое население сосредоточивалось преимущественно в городах (свободных общинах). Поэтому они иначе называются «люди» и «мужи». Они не составляют цельного класса, занятого одной какой-либо профессией. В составе их различаются: *гости*, что означало прежде чужестранных торговцев. Мнение (Погодина) о том, что главная масса населения свободных городских общин составила из пришлецов – варягов, не может быть принято: при Владимире его наемное войско – варяги – требует окупа с Киева, как города завоеванного; в Новгороде граждане избивают варягов. Слова Дитмара о том, что население Киева «составилось главным образом из беглых рабов, стекавшихся сюда со всех сторон, в особенности из проворных данов (норманов)», заключают в себе сильное преувеличение. Высший разряд – гости – составил, несомненно, из иностранцев (см. иноземные имена послов и гостей в Догов. Игоря с греками); они, подобно дружинникам, состояли в теснейшей служебной зависимости от князя, который их посылал в посольство и гостьбу (см. Догов. Игоря); но они скоро ассимилировались с господствующим славянским населением городов. После того они ничем не отличаются от второго разряда – *купцов*. Эти последние пользуются, наравне с боярами, правом государственной службы (участвуют в военных походах, посольствах и в делах управления и суда) и правами землевладения (Новг. Судн. гр., ст. 17 и 18). Однако они отличаются от бояр, думать надобно, именно тем, что только бояре участвуют в думе. В Великом Новгороде переходным классом от бояр к купцам были «*житьи люди*», – термин, который в обширном смысле обнимает и купцов (Новг. Судн. гр. 17, 6, 10).

В Великом Новгороде купцы составляли корпорации – сотни: «А купец пойдет в свое сто, а смерд потянет на свой потуг (или погост)». Сверх того, там же была особенная корпорация потомственных («пошлых») купцов: «А не вложится кто в купечество Иванское (в корпорацию церкви св. Иоанна), ино то не пошлый купец» (Уст. кн. гр. Всеволода 1135 г.).

Низший разряд городских обывателей именуется *черными* городскими *людьми*, или *молодшими*.

Вообще городские обыватели не составляли среднего, или мещанского класса, и вступление в их среду было открыто для всех свободных лиц.

Все городские люди, взятые в совокупности, отличаются, однако, от сельских обывателей: они не платят дани (см. Уст. гр. смол, князя Ростислава, прим. 40).

Противоположение городских жителей (главной общины) классу сельских смердов открывается из псковской истории о смердье грамоте 1485–1486 гг. (см. Псков. 1-я и Псков. 2-я лет.); тогда составлено было новое уложение о том, какие дани должны платить смерды великому князю и какие городу Пскову, причем Псков, очевидно, был обижен, а положение смердов облегчено. В составлении такой грамоты были обвинены и некоторые посадники, которые убежали к великому князю; вече выдало на них «мертвые грамоты», т. е. заочный приговор к смертной казни; но в деле замешаны были и сами смерды; некоторые из них были арестованы и казнены.

Великий князь разгневался и потребовал освобождения прочих арестованных смердов и оправдания бежавших посадников. Остальные посадники, бояре и *житьи люди* желали исполнить волю великого князя, а «*чернии люди* *молодии* всего того не восхотеша». Здесь *черные люди* города Пскова решительно стоят против интересов *смердов* (крестьян)¹².

¹² Реформа, вызвавшая смуту, очевидно, касалась не частновладельческих крестьян, а государственных; в противном случае положение партий на Псковском вече было бы обратное: обиженные бояре не ссорились бы с черными людьми, которые усердствуют в их интересах. Инвентарные положения, отнесенные к XV в., являются маловероятными. Обиженные, приходившие во Псков с жалобами, конечно, не землевладельцы, а те правители, которые обыкновенно пользовались даними за

в) Смерды. Название это хотя и употребляется иногда в обширном смысле (обнимая все население, кроме духовенства и бояр (см. Рус. Пр. Ак., ст. 31 и 32), но в тесном смысле под смердами разумеются сельские жители («боярин боярина плениша, смерд – смерда, град – града»: Ипат. лет. 1221); купец тянет к сотне городской, смерд – в погост, т. е. сельскую общину). Термин «сельские люди» встречается лишь в церковном уставе Ярослава (довольно поздней редакции): за бесчестье жен «городских людей 3 гривны серебра...; а сельских людей за сором гривна серебра». Этот термин и не мог быть в употреблении в древнейшее время: тогда селом называлось только частновладельческое имение: «Не имей себе двора близ княжа двора; не держи села близ княжа села; тиун бо его яко огонь трепетицею наложен, а рядовичи его яко искры» (Слово Даниила Заточника; ср. Рус. Пр. Ак., ст. 22). Древнейшее наименование сельской общины есть «весь» и «мир».

Класс сельских людей *состоит* из людей свободных, прикрепленных и несвободных.

Свободные сельские обыватели, несомненно, существуют с древнейших времен. Русская Правда приписывает смерду личные права (за мучение смерда без княжа слова полагается за обиду 3 гривны: Ак., ст. 31), права на вещи (Ак. 25) и права наследства (Кар. 103)¹³. То же подтверждают летописи: «А сего чему не промыслите, – говорил Владимир Мономах союзникам, – оже то начнет орати смерд, и приехав половчин, ударить и стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехав, иметь жену его и дети его и все *его* *именье*» (Лавр. лет. 1103 г.).

Хотя те же памятники (Русская Правда и летописи) содержат в себе и обратные указания на бесправное положение смердов, но такие указания относятся к смердам в теснейшем смысле, т. е. прикрепленным.

Свободное население сел жило или на общинных землях, или на частновладельческих. Но в княжествах, при тогдашнем смешении частного права с государственным, положение тех и других уравнивалось: земли общинные считались государственными, и смерды, населявшие их, были смердами князя: Ян, воевода Святослава, спрашивал о волхвах, производивших беспорядки в Ярославской и Белозерской стране: «Чья еста смерда?» и потребовал их выдачи на том основании, «яко смерда еста моего князя» (Лавр. лет. под 1071 г.)¹⁴. В Новгородской и Псковской землях смерды, жившие на общинных землях (тянувшие к погосту), считались смердами государственными: они обязаны податями и повинностями в пользу Новгорода или Пскова (см. Дог. Новгор. с Казимиром, ст. 21). Городское правительство (вече) защищало их в случае притеснений со стороны князя (см. ниже обвинение кн. Всеволода в 1136 г. в том, что он не бережет смердов). Наоборот, если князь обращал в свою пользу дани и повинности смердов, то город вступал с ним в борьбу (см. выше о борьбе Пскова с великим князем в 1486 г.).

Свободные смерды, жившие на землях частновладельческих, назывались (по Пск. Судн. гр.) *изорниками*, *исполовниками* или *четниками*, смотря по тому, что занимали: пахотную землю, огород или рыбную ловлю; изорник (от слова «орать» – пахать) брал полевой участок, уплачивая хозяину 1/4 урожая; исполовник или огородник платил 1/2 дохода; кочетник, или четник, нанимал *исад* (рыболовный участок). Срок найма одногодичный, именно общий – на Филиппово заговенье, 14 ноября (Пск. Судн. гр., ст. 42). В тот год, когда крестьянин отходит, он уплачивает владельцу не 1/4, а 1/2 урожая (ст. 63)¹⁵. Наемщик обыкновенно брал у хозяина

свою службу.

¹³ Русская Правда (Кар. 42 и 43) говорит: «Таковы уроки смердам (преступникам), которые платят князю продажу, но если татями окажутся холопы... то их князь продажею не казнит».

¹⁴ Другое значение нельзя придать этому выражению; например, нельзя толковать его в смысле подсудности территориальной (подданства); воеводе, посланному князем взимать дань, должно быть хорошо известно, что область, куда он послан, есть территория его князя. Подсудность же личная (определяемая «правилом»: «половника не судить без господаря») могла быть неизвестна в данном случае.

¹⁵ В. И. Сергеевич (Рус. юр. древн. I, 239), допуская буквальное понимание ст. 63, утверждает, что владелец даже тогда, когда сам отказал изорнику, получает половину всего собственного имущества изорника; но при этом остается необъясненной *четверть*, которую терял владелец (по ст. 42), если отказывал крестьянину не в срок. Наименование огородников «исполов-

покруту, т. е. вспоможение деньгами, или хлебом, или орудиями производства, а при отказе обязан был ее возвратить (Пск. Судн. гр., ст. 51 и 76). Крестьянин имеет право иска на своем землевладельце (Там же, ст. 75, 87).

Но вообще и положение свободных крестьян (государственных и частновладельческих) было далеко от гражданского полноправия и легко могло перейти в состояние прикрепленных.

Прикрепление могло быть или временное или всегдашнее. Временное прикрепление есть *ролейное закупничество* Русской Правды, которое образуется из долгового обязательства смерда землевладельцу; при нем смерд сохраняет права личные (Рус. Пр. Кар. 73), имущественные и право иска на господина (Там же. Кар. 70, 72); но за бегство и за преступление обращается в холопа (*ibid.* 70, 75)¹⁶. Прикрепление постоянное может образоваться путем давности («старые изорники» *Иск. Судн. гр.*, ст. 75)¹⁷. Прикрепленный не имеет права иска на господина наравне с холопом (Догов. Новгор. с Казим., ст. 20); он подлежит суду своего господина: «половника без господаря (хозяина) твоим (княжеским) судиям не судити» (Там же. Прим. 19). Такие прикрепленные смерды были многочисленны уже в древнейшее время: Русская Правда древнейшая уравнивает штраф за убийство холопа и смерда (Ак. 23. Кар. 13).

Несвободное сельское население состояло из поселенных рабов – *челяди*. Но институт холопства, как частный, не принадлежит к предметам права государственного.

В. Власть

Общие черты государственного устройства всех русских земель

1. Происхождение и первоначальный характер государственной власти. Власть общественная первоначально образуется частным путем в кровных обществах. Она сохраняет частноправный характер в течение всего первого периода. Однако, сознание об общественных задачах власти проявляется с первых моментов истории: «Вся земля наша велика и обильна, а *наряда* в ней нет; да пойдете княжить и *володеть* нами», – говорили послы новго-

никами» указывает, что изорник платил не V2, а V4 урожая, как и рыболов («четник»). Откуда бы могло возникнуть право землевладельца на половину *собственного* имущества изорника?

¹⁶ По мнению В.И.Сергеевича (аза ним Н.Дебольского), «закуп есть наемный... работник» (Рус. юрид. древн. I, 177), аroleйный закуп не отличается ничем от дворового: «...и тот и другой закуп есть наемный работник, который жил во дворе нанимателя» (Там же. С. 187–188). Но слово «закуп» дожило до довольно поздних времен в западнорусском языке и в этом последнем имеет весьма точное значение: в 1739 г. «жид» Городненский жаловался судье на Понарчица и его жену в том, что они *запродали* зятя своего и жену его в рубле грошей пану Внучку, который продержал запродавшего один год и выпустил ему «выпусту» из занятого рубля 20 грошей; а потом пан перевел того *закупа* «жиду» за 70 грошей, у «жида» он служил один год и получил «выпусту» 26 грошей; затем ушел прочь и остальных 54 грошей не возвратил. Судья присудил уплатить истцу 54 гроша (см. наше исследование: «Очерки из истории западнорусского права», II, 30–31). Это не наемный слуга, ибо здесь не сроком работы определяется сумма денег, а суммой денег – срок работ (перезалог закупа, воспрещенный Русской Правдой, здесь допускается). В самой Русской Правде закуп противопоставляется свободному человеку: «...яко свободному платити, тако и в закоупе» (Кар. 73, ст. 77). – О ролейном закупничестве «Русская Правда» говорит, как об *особом* <шд £закупничества. Ролейный закуп получает от господина ссуду (иначе он не был бы закупом), орудия обработки земли (плуг и борону) он должен возвратить (или отслужить) хозяину за ссуду и подмогу. Но он не дворовый слуга: барщина не превращает крестьянина в дворового слугу. – Впрочем, после исследования проф. М. Н. Ясинского («Закупы Русской Правды и памятников западнорусского права». Киев, 1904) дальнейший спор о закупах уже не имеет никакого научного интереса (Ср. В.А.Удинцева: «История займа»).

¹⁷ Проф. Дьяконов согласен видеть в цитированном месте Псковской Судной грамоты влияние давности (старожилства) на прикрепление крестьян; но возражает, что это могло явиться не в силу *одной* давности, а вследствие усложнения обязательств в течение более или менее долгого времени крестьянина к владельцу. Основания давности могут быть разнообразны; но раз она устанавливается, то уже она *одна* определяет известные отношения. Если по Литовскому Статуту человек, просидевший 10 лет, становится «непохожим», то со времени этого узаконения *всякий* (задолжавший или незадолжавший ану) становится прикрепленным, если просидел 10 лет. Н.Н. Дебольский вовсе отказывается истолковать статью Псковской Судной грамоты, между тем как словосочетание «старый изорник» совершенно ясно указывает, о чем здесь идет речь. «Повоз» есть древнейшая и важнейшая повинность, которой в древности определялась зависимость покоренного населения от победителя (см. Первой, лет. под 984 г.; см. также Новг. 1-я лет. под 1209 г.).

родские варяжским князьям. За властью признаются обязанности: кияне послали к Святославу (в 968 г.), требуя его возвращения для защиты от печенегов «*отчины своей*»; они же требовали от Изяслава в 1067 г. продолжения борьбы с половцами. Из этих примеров видно, что «володенье» имеет двоякую цель: частный интерес владеющих и общественный интерес подданных (оба элемента пока неразличимы в продолжение всего первого периода).

2. Формы верховной власти тройственны. Нормальный порядок решения государственных дел усматривается из следующих мест летописи: в 987 г. созвал Владимир бояр своих и старцев городских и, рассказав им о том, что говорили ему миссионеры разных религий о преимуществах каждой из них, «рече: да что ума придаете? Что отвечаете? И реша *бояре и старци...* послав испытай..., како служить Богу. И бысть любя речь князю и всем людям». В 1096 г. «Святополк и Володимер посласта к Ольгови, глаголюща сице: поиди Киеву, да поряд положим о Русьстей земли пред *епископы, и пред игумены, и пред мужи* отец наших, и пред *людми градьскими*». Таким образом в состав власти входят: князь, боярская дума и народное собрание (вече).

а) Княжеская власть. *Происхождение* княжеской власти доисторическое: она является и в родовых союзах (в народных свадебных обрядах князем и княгиней называются новобрачные – родоначальники будущего рода), и в общинных (у южных славян князем называется общинный старшина). В землях восточных славян княжеская власть существовала до прибытия Рюриковичей: «Кий княжаше в роде своем», т. е. в земле Полян: «По сих братьи (Кия и его братьев) держати почаша род их княженъе в Полях, а в Деревлях свое (княжение), а Дреговичи – свое, а Словени – свое в Новгороде, а другое в Полоте». Другие неофициальные титулы власти суть: каган, царь, самодержец. Князь Даниил Галицкий в XIII в. усвоил себе титул короля.

Состав княжеской власти – *родовой*: власть принадлежит не лицу, а *целому роду*: «Славяне разделяются на разные роды (гасес), из которых один владел всеми во времена первобытные...» (Масуди). «Наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю», – говорили древляне Ольге.

Члены княжеского рода или *соправительствуют без раздела* власти: примером из мифических времен может служить соправительство Кия, Щека и Хорива; а из исторических Аскольда и Дира. «Аз есмь роду княжа, и се есть сын Рюриков», – говорит Олег в доказательство своих прав и в опровержение права Аскольда и Дира на княжескую власть. Договор с греками заключают послы: от Игоря – Ивор, от сына его Святослава – Вуефаст, от Ольги княгини – Искусеви. Родовое соправительство есть явление глубокой древности¹⁸; впоследствии оно уступает место другому началу: члены княжеского рода *делят между собою власть территориально* (Рюрик, Синеус и Трувор; Святослав и его дети: Ярополк, Олег и Владимир). Этот последний порядок с конца X в. взял решительный перевес и создал так называемую удельную систему (разделение русских земель между детьми Владимира и потом Ярослава); но при распределении князей по целым землям единство власти рода княжеского нарушалось: в каждой земле явился род князей-соправителей (см., впрочем, ниже: «Начала государственного объединения»).

Из принадлежности власти целому роду следует, что *опека* и *регентство* не могли иметь применения в тогдашнем государственном праве, пока продолжается род (Олег и Ольга). *Лица женского пола* также участвуют в общей власти рода (Ольга).

Приобретение, передача и потеря княжеской власти. Приобретение княжеской власти лицами совершается одновременно по наследованию и по избранию. *Наследование* здесь

¹⁸ Из времен более поздних (пол. XII в.) отметим соправительство Вячеслава с племянниками Изяславом, а потом Ростиславом. В 1146 г. киевляне избрали князя Игоря Ольговича и целовали крест: «Оже под Игорем не лъстити и под Святославом» (Ипат. лет.), братом Игоря. И тот и другой – одинаково князья киевские.

нужно понимать не в точном смысле: наследник получает власть не с момента смерти предшественного князя; право на нее он приобретает с момента рождения, а действительное участие в ней с момента совершеннолетия (Игорь при Олеге; Святослав при Ольге). Смерть предшественника открывает для другого князя лишь большую степень участия во власти.

Оба титула наследования – *наследование по закону и по завещанию* — действуют одновременно и в равной силе: «Умершу Рюрикови, предасть княженье свое Ольгови, от рода ему суща, въдав ему сын свой на руце, Игоря, бысть бо детеск вельми». Но впоследствии наследование по обычаю (закону) берет перевес над волей завещателя; завещание Ярослава (1054 г.) сообразуется с порядком старшинства его детей: «Се поручаю в собе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу – Киеву; сего послушайте, якоже послушаете мене, да той вы будете в мене место; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду – Переяславль». Между тем Ярослав любил больше других детей своих Всеволода и завещал ему: «Сыну мой... аще ти подаст Бог прияти власть стола моего (Киева) по братьи своей, с правдою, а не с насильем..., да ляжеш, идеже аз лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее» (Лавр. лет. под 1093). Завещание, противоречащее обычаю, не исполняется: Юрий Долгорукий завещал Суздальский стол младшим детям, а наследовал старший Андрей.

Обычный *порядок наследования столов* следовал порядку старшинства членов рода: по смерти Владимира Св. (1015 г.), самому любимому его сыну Борису говорит дружина: «Се дружина у тебе отня и вой; поиди, сяди Киеву на столе отни; он же рече: не буди ми възняти руку на брата своего старейшего; аще и отец ми умре, то съ ми буди в отца место». В 1093 г. «Володимер (Мономах, по смерти отца) нача размышляти: аще сяду на столе отца своего, то имам рать с Святополком взяти, яко есть стол прежде от отца его был». Частое нарушение этого порядка в действительности не может опровергнуть его правомерности¹⁹.

Избрание князя народом есть или самостоятельный, или *добавочный* способ передачи власти; а именно, князь избирается *при прекращении* или неимении *княжеского рода*: новгородцы избирают варяжских князей в 862 г.; они же просят себе князя у Святослава Киевского в 970 г., говоря: «Если не пойдете к нам, то найдем князя себе». Затем начало избрания действует *рядом* с началом наследования: власть нового князя освящается и укрепляется *соглашением* народа, что было совершенно необходимо при постоянном участии населения в государственных делах: в 1015 г. «Святополк седе Киеву по отци своемъ и съзва Кыяны и нача даяти им именье». Обыкновенно начала наследственности и избрания *совпадают* и (до половины XII в.) не вступают в борьбу между собой. В одном и том же факте преемства один мог видеть с полным правом наследование, а другой – избрание: когда в 1132 г. умер Мстислав В., сын Мономаха, и власть его перешла к брату его Ярополку, то, по словам одной летописи (Ипат. лет.), это произошло потому, что Мстислав «оставил княжение брату своему Ярополку» (т. е. завещал законному наследнику); а по словам другой летописи, потому, что «людые Кыяне послаша по нь» (Лавр. лет.). Совпадение начал наследования и избрания в одинаковой мере присуще и древнегерманскому праву; оно дожило в московском праве до XVII в., а в польском – до конца XVI.

С половины XII в. такое мирное совпадение двух начал преемства нарушается во всех землях; при борьбе их *фактически берет перевес начало избрания*: в 1146 г. киевский князь Всеволод Ольгович желает передать власть брату своему Игорю и старается приобрести согласие киевлян, но киевляне приглашают Изяслава Мстиславича, говоря ему: «Ты – наш князь, поезжай; а у Ольговичей (но именно у Ольговичей) не хотим быть в наследстве».

¹⁹ Начиная с половины XII в., род князей Рюриковичей так размножился, что правильные счета кровного старшинства сделались невозможными; а потому уже тогда начинается *искусственное* определение степеней родства – «возложение старшинства», возведение кого-либо по договору в старшие братья. Подобное явление и теперь общеупотребительно в больших сложных семьях русского народа.

В 1175 г. владимирцы, обижаемые своими князьями, говорят: «Мы есмы волная князи прияли к собе...» (Ипат. лет.). Сообразно с этим *случаи избрания* князей становятся во всех землях русских весьма частыми: в Киеве в 1146 г. (Игоря Ольговича и Изяслава Мстиславича), 1150 г. (того же Изяслава Мстиславича), 1154 г. (Ростислава Мстиславича), 1169 г. (Мстислава Изяславича) и т. д.; в Галиче в 1202 г. (кн. Игоревичей), 1208 г. (Даниила Романовича) и т. д.; в земле Смоленской 1175 г. (Мстислава Ростиславича); в земле Суздальской 1175 г. (Ростиславичей), 1176 г. (Михаила и Всеволода Юрьевичей); в земле Полоцкой 1151 г. (Ростислава Глебовича), 1158 г. (Рогволода Борисовича).

Но начало избрания не вытесняет начала наследственности в принципе нигде, кроме Новгорода и Пскова.

Князь избираем был не только всегда *пожизненно* (в принципе), но и *с детьми*, т. е. избрание нового князя каждый раз являлось как бы избранием новой династии с утверждением на будущее время наследственного преемства престола и признавалось как бы явлением случайным, вызванным временной нуждой. «Уведавше смерть князю (Андрея Боголюбского), ростовци, и суждальци, и переяславци, и вся дружина от мала до велика, и съехавшеся к городу Володимеру и реша: се ся уже тако створило, князь наш убиен, а детей у него нетуть, сынок его мал в Новгороде, а братья сто в Руси; по кого хотим послати в своих князех?... Ахочем Ростивлавичи Мьстислава и Ярополка... А крестного целованья забывше», т. е. и по смерти Андрея Боголюбского не вспомнили своей присяги о выборе младших сыновей Юрия Долгорукого – братьев Андрея (Ипат. лет. под 1175 г.).

Кроме наследования и избрания, нет других правомерных способов приобретения княжеской власти. *Добывание стола и договор между князьями* не могут быть признаны таковыми. Добывание (узурпация силою) нуждается в оправдании или правом наследства, или правом избрания. В 1154 г. Черниговский князь Изяслав Давыдович захватил Киев; против него шел Юрий Долгорукий, и вопрос о столе киевском должен был разрешиться силой; но Юрий ссылался на свои права наследства: «Мне отчина Киев, а не тебе», а Изяслав послал к нему с такими словами: «Я не сам сел в Киеве, посадили меня кияне». При вторичном захвате Киева тем же князем, его собственный родич дает ему такой совет: «Если будешь за Днепром, то вся твоя правда будет». Договоры между князьями утверждают лишь один из вышеуказанных титулов преемства: «Каждо да держить отчину свою», – решил Любечский съезд князей 1097 г. На съезде 1196 г. «все князи выложиша Новгород в свободу: где им любо, ту же собе князя поймают». Если князья договариваются между собой о захвате волости третьего князя без всяких оснований, то такой договор есть лишь одно из средств незаконной узурпации (добывания): например, когда двое Ярославичей – Святослав и Всеволод – договорились отнять Киев у старшего – Изяслава, то, по словам летописца, это «Въездвиже дьявол котору».

Символами приобретения власти было посажение князя на столе народом. Сначала это было представлением нового князя народу. В 1067 г. киевляне «поставили (Всеслава) посредине двора», где, вероятно, было возвышение, род трона. Потом подобный трон устраивался в «сенях» – галерее княжеского дворца. В этих символах выразились оба титула приобретения княжеской власти: обыкновенно *люди* сажают князя на *отцовском* столе. – Сказание о короновании Владимира Мономаха греческим епископом Неофитом, присланным от императора Алексея Комнина, и о получении из Византии регалий (шапки Мономаха, скипетра, диадемы и креста) сложилось в начале XVI в. и не подтверждается нашими древними летописями.

Потеря княжеской власти. С избранием князя народом соединяется *смещение князей*, которое обыкновенно предваряется выбором другого князя и имеет вид насильственного переворота (случай 1067 г. в Киеве при смещении кн. Изяслава; случай там же 1146 г. при смещении Игоря Ольговича; случай в Полоцке 1158 г., когда, желая сместить кн. Ростислава, граждане прибегают к заговору и приглашают его на вече как бы для мирного обсуждения дел; но князя предупредили: «Не езд, князь, вече на тебя в городе, дружину твою избивают, а тебя

хотят схватить»). При таких способах смещения воля народа не всегда приходила к осуществлению. – Со смещением не соединялось право наказывать князей. Убиение Игоря Ольговича в Киеве есть следствие бунта, и он, как убитый невинно, причислен к лику святых. Убиение князей Игоревичей в Галиче в 1208 г. совершено мадьярами по наущению мятежных бояр.

Права княжеской власти. Княжеская власть есть *необходимый элемент* государственного устройства всех древнерусских земель: «Почаша сами в собе володети; и не бе в них правды, и вѣста род на род, быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. Реша сами в себе: “поищем собе князя, иже бы вол од ел нами и судил по праву”» (Первой, лет. 862 г.). В этих словах если и не признавать исторического факта, то следует признать общее воззрение древних времен, выраженное летописцем. В 970 г. пришли в Киев люди новгородские, прося князя себе и говоря: «Аще не пойдете к нам, то налезем князя собе». – Вообще в течение 400-летнего периода ни одна из русских земель (кроме малоизвестной по своему устройству – Вятки) не устраняла из состава верховной власти княжеского элемента. Княжеская власть необходима для внутреннего наряда (управления и суда), как сила, уравнивающая взаимное соперничество составных элементов государства как кровных, так и территориальных. Мнение о том, что князья опирались на младшие города в борьбе против старших, имеет ту справедливую сторону, что только княжеская власть уравнивала интересы старших и младших городов. Такова же роль княжеской власти среди борьбы классов и партий: «Всего же паче убогих не забывайте... и вдовыцю оправдате сами, а не давайте сильным погубити человека» (Поучение Владимира Мономаха). В Новгороде и Пскове смерды находятся в специальной опеке князя: в 1136 г. новгородцы, смещая князя Всеволода, в числе обвинений против него на первом месте поставили, что он не заботился о смердах.

Княжеская власть необходима для внешней защиты государства. В 884 г. «иде Олег на Северяне, и победи Северяны, и възложи на нь дань легьку, и не дасть им Козаром дани платити, рек: аз им противен, а вам нечему». В 968 г. киевляне послали на Дунай к кн. Святославу, говоря: «Едва нас не взяли печенеги...; если не пойдешь и не оборонишь нас, то опять нас возьмут». В 1068 г. киевляне выступили с своим князем Всеславом навстречу Болеславу Польскому; но признав себя беззащитным, Всеслав ночью тайно от киян бежал; тогда люди возвратились в Киев и на вече решили: «Зажегши град свой, уйдем в греческую землю». Вообще неизбежность княжеской власти видна из следующего случая: в 1140 г. Всеволод Киевский, желая наказать новгородцев, не давал им князя: «Не ходите в Новгород, – говорил он подручным князьям, – пусть себе сидят на своей воле без князя; где хотят, там пускай себе ищут князя». Новгородцы оставались без князя десять месяцев. «По понятиям века, казалось невозможным сидеть без князя; особенно это было неудобно в то время: тут партии волновали город, там продовольствия не пускали... Новгородцы призвали себе из Суздальской земли Ростислава Юрьевича» (Костомаров «Северно-русские народоправства». Т. I. С. 67). Постоянная борьба всех земель против своих князей означает не борьбу против княжеской власти, а стремление отыскать наилучшего князя.

Первоначальная неограниченность княжеской власти возникла из прежних родовых оснований власти, а потом из тождества интересов и воли княжьей и народа, который мог избрать себе наилучшего князя и сместить неудачного. Такая патриархальная неограниченность не имеет ничего общего с позднейшим западноевропейским абсолютизмом. Уже тогда люди книжные учили: «Яко Бог дасть власть, ему же хощет, поставляет бо царя и князя Вышний... поне то есть глава земли» (Лавр. лет. под 1177 г.). Князю вручается вся полнота верховной власти: «Приидите володеть и княжить нами», – говорили славянские послы варяжским князьям. В частности:

В языческую эпоху князю принадлежала *власть религиозная*: «И нача княжити Володимер в Киеве един, и постави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна..., и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарыгла и Мокошь... Володимер же посади Добрыню, уя своего,

в Новгороде; и пришед Добрыня Ноугороду, постави кумира над рекою Волховом, и жряху ему людье Ноугородстии аки богу» (Первой, лет. под 980 г.). – В христианское время князь является покровителем церкви, участвуя во всех главнейших ее действиях; так, крещение Руси совершено по следующему распоряжению князя: «Аще не обрящется кто реце (в реке), богат ли, убог, или нищ, ли работник, противен мне да будет». Вообще о крещении Руси при Владимире Иларион говорит: «И не бысть ни единого же противящегося благочестному его повелению; да аще кто и не любовью, но страхом повелевшего крещася». Князь участвует в решении вопросов о внешней церковной жизни: в 1164 г. Леон, епископ Суздальский, начал учить в Суздале, что не следует есть мяса в господские праздники, «и бысть тяжа про то велика пред благоверным князем Андреем» (Лавр. лет.). Князю принадлежало право участия в назначении лиц духовных: Владимир «помысли создати церковь Преев. Богородица... и поручи ю Настасу Корнянину»; Ярослав «церкви ставляше по градом и по местом, поставляя попы»; «Постави Ярослав Лариона митрополитом русина в святей Софьи, собрав епископы» (лет. под 1051 г.); «В лето 6655 Изяслав (Мстиславич, князь Киевский) постави митрополита Клима, калугера, русина, особь с шестью епископы» (Лавр. лет.). Разумеется, в таких выражениях надо видеть лишь сильное *участие* князя в действиях церковных властей (собора). – Князья влияют также на низложение церковных сановников: в 1169 г. «нечестивый (Федор, епископ Владимирский) не всхоте послушати христолюбивого князя Андрея (Боголюбского), веляща ему ити ставиться к митрополиту к Киеву...; (князь) изверже его из земле Ростовскы... Посла же его Андрей митрополиту в Киев; митрополит же Костянтин повеле ему язык урезати, яко злодею и еретику» (Лавр. лет.). В 1168 г. черниговский князь Святослав, не согласный в учении о посте с своим епископом Антонием, «изверже и из епископы». – Князья содействуют установлению церковных законов (церковные уставы Владимира, Ярослава, Ростислава).

Князю вручается вся государственная власть *управления и суда*. В 1146 г. киевляне, жалуясь на злоупотребления княжеских чиновников, требуют от князя не уступки судебной власти в свою пользу, а наоборот, говорят: «Впредь, если кому из нас будет обида, то ты сам суди».

Князю принадлежит и власть *законодательная* (см.: Рус. Пр. надписание к 18 ст. Ак. сп.; ст. 21, 42 Ак.; ст. 2 и 76 Кар. сп.).

Князь обладает властью *военной* по преимуществу: «Не было тут князя (при борьбе Изяслава с Юрием в 1151 г.), а боярина не все слушают», – говорит летописец. – Киевский князь Изяслав Ярославич (1067 г.), не исполнивший требования народа идти против половцев, был смещен, как не исполнивший главного своего призвания.

Из этого последнего примера видно, что полнота власти сохраняется лишь до тех пор, пока князь находится в согласии («одиначестве») с народом. Первоначальное слияние воли князя и воли народа не могло оставаться везде и неизменно; возможны и противоречия между ними. Это привело к необходимости *определить* точнее власть князя, а в Новгороде – к *ограничению* этой власти.

Средством для того был *ряд* (договор) *с новым князем*. Первоначально ряд есть не что иное, как сознательная форма посаженья на стол, и состоял лишь из *взаимной присяги* народа и князя не делать друг другу зла, т. е. ничем, в частности, не ограничивал власти князя. В договорах с князем, внушавшим менее уверенности, начали присоединять *частные условия* (например, касавшиеся перемены чиновников предшествовавшего князя): в 1146 г. ряд с киевлянами от имени Игоря Ольговича заключал брат его Святослав. Киевляне начали обвинять тиуна Всеволодова (предшествовавшего князя) Ратшу и другого тиуна Вышгородского – Тудора, и сказали Святославу: «Целуй крест за своего брата, что, если кому из нас будет обида, то пусть он сам судит». Святослав отвечал: «Целую крест за брата, что не будет вам никакого насилия, и тиун пусть будет выбран по вашей воле». Тогда Святослав сошел с коня и целовал на том крест к ним на вече; а киевляне все, сошедши с коней, целовали крест и за детей своих, чтобы не изменять Игорю. Затем и сам Игорь принес присягу в том, что будет соблюдать договор

киевлян с братом его (Ипат. лет.). Такие договоры повторялись с каждым князем и содержание их видоизменялось по лицу и обстоятельствам времени. Во второй половине XII в. они вошли в *общий обычай*: когда в 1154 г., по смерти киевского князя Вячеслава, наследовал ему его племянник Ростислав, который уже и прежде призван был самими киевлянами к соправительству с дядей, то Ростислав хотел продолжать начатый военный поход, но мужи его предостерегли: «Ты ся еси еще с людьми Киеве не утвердил; а поеди лепле в Киев, тоже с людьми утвердися» (Ипат. лет.). В 1175 г. владимирцы, приняв князя Ярополка, весь порядок (с ним) положили в церкви Св. Богородицы (Лавр. лет.). В 1176 г. Михалко (сын Юрия Долгорукого) «еха... Ростову и створи людем весь наряд, утвердився крестным целованьем с ними» (Лавр. лет.). Из единообразного повторения таких договоров вырабатывалось и *общее их содержание*, ограничивавшее уже существенно права княжеской власти (это, впрочем, видно лишь из новгородских договоров, о чем см. ниже).

Кроме договора, к ограничению власти князя повело существование рядом с княжеской властью других ее форм: боярской думы и веча.

б) Боярская дума. *Понятие о ней*. Боярской думой²⁰ называется постоянный совет лучших людей (бояр) каждой земли, решающий (вместе с князем) высшие земские вопросы. Такой совет мог быть только в одном старшем городе земли. Советы старейшин были и в пригородах, но они обладали не политической, а лишь судебной и административной властью. — *Наименование* «боярская дума» не встречается в древних памятниках и образовано искусственно на основании сходных терминов («бояре думающие»).

Совокупность лиц, составляющих совет, называется нередко в летописях *дружиной* (по отношению к князю): «Бе бо Володимер любя дружину, и с ними думая о строи земленем, и о ратех и уставе земленем» (Первой, лет. под 996 г.); Владимир Мономах поучает детей каждый день ходить утром в церковь, затем, «седше думати с дружиною, или люди оправаляти» (судить). Но под дружиной здесь разумеется лишь старшая дружина, т. е. бояре.

Советы старейших *существуют* во всех русских землях с древнейших времен (как видно будет из нижеприведенных фактов).

Состав боярской думы. Мнение о неопределенности и случайности состава думы не может быть принято: «Особого звания советников князя (говорит В. И. Сергеевич), в которое возводились бы служилые люди, входившие в состав думы, не было; дума составлялась всякий раз вновь по особому приглашению». Другие прибавляют: «Можно только сказать, что эта дума по такому-то вопросу, по такому-то предложению князя, потому что может быть в тот же день, по другому вопросу, князь будет совещаться с совершенно другими лицами, и будет совершенно вправе» (С. А. Петровский «О сенате». С. 12–15)²¹. Напротив, состав думы был очень определенный; именно первоначальный состав думы (X в.) — двойственный; в нее входят:

²⁰ Термин «княжеская дума», употребляемый некоторыми, не соответствует предмету: княжеской думой можно назвать совет князей (на съездах их).

²¹ Профессор Сергеевич посвятил особый том своего важного труда (Рус. юр. др. II. Вып. 2) «советникам князя», именно «княжеской думе», «Московской государевой думе» (и «духовенству») с целью доказать, что таких учреждений совсем не существовало. Почтенный ученый рассуждает так: «Существование княжеской думы с древнейших времен нашей истории *не подлежит ни малейшему сомнению*. Памятники постоянно говорят о думе князей с мужами, боярами, духовенством, городскими старцами и т. д. Но... была ли княжеская дума постоянным учреждением, с более или менее определенным составом и компетенцией, или это только *акт думания*, действие советывания князя с людьми, которым он доверяет? В литературе господствует первое мнение; тем не менее справедливо только второе» (с. 337)... «Думцев избирает сам князь и, вследствие этого, состав их определяется его доброю волею; воля же князя определяется его пониманием окружающего, которое, в свою очередь, определяется *вкусами князя*, его *привычками*, способностями и т. д.» (с. 347). Итак, дума княжеская есть «акт думания» того или другого князя с кем бы то ни было: с женой, любимцем своим, с целой дружиной, а иногда «со всем народом» (с. 347). «Князь мог действовать и помимо воли своих вольных слуг» (с. 349). В ряде случаев совещаний князя с людьми, к которым он именно на этот случай обратится (он мог и ни к кому не обратиться), мы не только не имеем перед собой учреждения даже с наименее определенным составом и компетенцией, но и ничего правового. Однако, тот же автор говорит нам и следующее: «Княжие мужи и бояре составляют высший класс служилых людей, переднюю дружину князя. *Эти лучшие служилые люди и суть обыкновенные думцы князя*. Понятно почему. Давать советы могут только опытные в делах люди, а

Бояре — высшие служилые люди. Всякий боярин был неперменным членом думы, и именно в этом состояло его боярское отличие; летопись, рассказывая о потерях, понесенных русскими в войне половецкой, восклицает: «Где *бояре думающий*? Где мужи храборьствующи?» Князь не мог, взамен бояр, пригласить для совещания других лиц — не бояр. Хотя подобные факты случались, но современники смотрели на них, как на отступления от правомерного порядка: киевский князь Всеволод Ярославич, устаревши, «нача любити смысл уных, съвет творя с ними... и людем не доходити княжее правды, начата тиуни грабити» (Лавр. лет. под 1093). Такие случаи составляют лишь ничтожное исключение.

Старцы, или *старейшины*, составляют вторую половину древнейшей думы. Это земские бояре. До прибытия варяжских дружин из них одних составлялся совет старейшин, как можно видеть из рассказа летописи о земле Древлянской при Ольге, где старейшинами города названы лучшие люди, управлявшие всей землей, и из рассказа о думе в пригороде Киевской земли — Белгороде — при Владимире Св., где совет состоит из «старейшин градских». Впоследствии они участвуют в думе вместе с боярами — дружинниками. В Киеве при Владимире, когда он (983 г.) праздновал удачный поход на ятвягов жертвами богам, «реша старци и бояре: мечем жребий на отрока и девицу: на него же падет, того зарежем богом». По поводу вопроса о принятии новой веры Владимир «созва бояры своя и старци градские... И реша бояре и старци: веси, княже, яко своего никтоже не хулить, но хвалить»... После испытания вер на месте: «созва князь бояры своя и старци, рече Володимер (посланцам): скажите пред дружиною». Когда Владимир, по совету епископов, отверг виры и стал казнить разбойников, то «реша епископи и старци: рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буди». — При Влади-

такими были «старшие» или «передние мужи». Согласно этому *нормальному порядку* вещей, сложилось и *общественное мнение* относительно того, кто *должен быть* советником князя. Это должны быть пожилые, опытные люди, старые и верные слуги князя» (с. 345–346). Таким образом, состав думы оказывается определенным. Мы предпочитаем это последнее мнение, как вполне согласное с источниками; оно притом необходимо получается при применении того общепринятого методологического приема (который рекомендован, между прочим, и проф. Сергеевичем; см. в его «Лекциях и исследованиях» отдел об обычном праве). Учреждений, снабженных регламентами, как известно, не было в древности; тогдашние «учреждения» устанавливаются обычным правом. При распознавании же обычного права общепринято считать таковым ряд однообразных явлений, повторяющихся более или менее продолжительное время, а затем признанных современниками, как *нормальный порядок, долженствующий быть*. Обращаясь к думе, видим, что «памятники *постоянно говорят* о думе князей с мужами, боярами, духовенством, городскими старцами», что этот порядок признан «нормальным» со стороны общественного мнения и считался обязательным («должен быть»). Получаем вывод несомненно правильный: дума есть учреждение в смысле обычного права, с компетенцией и составом не вполне определенными (как и все древние учреждения). Применим этот метод к другим учреждениям древности, а именно — к вече: ряд случаев народных собраний, занесенных в летописи, давно обобщен, и получилась идея учреждения (никем не регламентированного). Однако, обязан ли был князь совещаться с народом? Конечно, нет. Проф. Сергеевич говорит, что князь мог совещаться с боярами, целой дружиной, иногда «со всем народом»; очевидно, вече в этом отношении совершенно уравнивается думе. Это и правильно. Обязан ли князь слушаться решений веча? Опять нет: в 1147 г. киевское вече отказало князю воевать с Юрием, а князь пошел войной и набрал из того же народа много добровольцев. Имело ли вече определенный состав? Также нет. Это — «люди без всяких ограничений» (Рус. юр. древн. Т. II. Вып. 1, 52). По крайней мере были ли это «люди» одного какого-либо города? Нет, всякие; и горожане, и пригороджане; последние и в старшем городе, и у себя дома. Собиралось ли вече в известное время и в известном месте? (Там же. С. 55–60). Требовалось ли какое-либо число (минимум) собравшихся для законности веча? Нет; «оно считалось состоявшимся при всяком наличном числе, достаточно многочисленном» (Там же. С. 60). Соблюдался ли какой-нибудь порядок при совещаниях? Нет; «вечевые думы должны были представлять иногда весьма шумные и беспорядочные сборища» (Там же. С. 62); председателя у них нет. — Была ли какая-нибудь определенная компетенция у веча? «Народ может привлечь к своему усмотрению всевозможные вопросы общественной жизни» (Там же. С. 73). Всякая попытка различить законные вече от противозаконных сборищ осуждается (Там же. С. 97 и сл.). Ниже мы увидим, что такая яркая картина бесформенности и беспорядочности веча не вполне согласна с действительностью, но все же вече (как и дума) в значительной степени было бесформенно. Между тем вече признано (и честь этого признания принадлежит, между прочим, проф. Сергеевичу) государственной властью, конкурирующей с князем, а иногда (в Великом Новгороде и Пскове) превышающей власть княжескую. За что же столько снисходительности к одному учреждению и такая строгость к другому — подобному? «Думцев избирает сам князь»; но и в сенат, и в государственный совет, и в палату лордов членов назначают государи. По древне-германскому праву *de minoribus rebus principes consultant, de majoribus omnes*. Старейшины (*principes, majores natu, seniores*) у поморян и других западных славян составляли древнейший совет, служащий первым объединительным учреждением отдельных общин в одну землю. Таким образом, совет старейшин имеет громадное значение в истории образования государств, — значение более важное, чем последующая его роль при княжеской (или королевской) власти, хотя и позднейшее значение его в государственном устройстве классических и новоевропейских народов немаловажно (*usroima, senatus, vitenaгeмoт*).

мире приглашаемы были в совет иногда и старейшины других городов (пригородов): «съзываете боляры своя, и посадники, старейшины по всем градом» (для пиров и, разумеется, для совета). Впоследствии такое участие пригородных старейшин заменено призывом в думу местных правителей (тысяцких): Владимир Мономах для установления новых законов о процентах созвал дружину свою на Берестово; Ратибора, тысяцкого киевского, Прокопия, тысяцкого белгородского, Станислава, тысяцкого переяславского и т. д.

В XI в., по слиянию служилых бояр с земскими, в составе думы находятся только бояре (в Новгороде – исключительно земские)²².

Кроме этого постоянного состава думы, в ней участвовали (не всегда) высшие духовные сановники: *епископы и игумены* (главнейших монастырей): епископы советуют Владимиру Св. казнить разбойников; они же вместе с боярами дают потом противоположный совет. В 1096 г. Святополк и Владимир приглашали Олега Черниговского в Киев поряд положить о русской земле между прочим перед епископами и перед игуменами. В 1159 г., когда умер киевский митрополит в Чернигове, то «Святослав князь, здумав с мужи своими и с епископом», решил нарушить его завещание. Особенно важное значение в совете киевского князя занимал митрополит (по тому влиянию, какое он мог проявить на другие русские земли); например, в 1157 г. «начал молвить митрополит и игумены все (ходатайствуя за Берладника) Юрию, говоря: «Грех тебе, целовавши к нему крест, держать в такой нужде...; он послушал их, пустил» (Ипат. лет.).

При общем решении какого-либо вопроса князьями двух или нескольких земель происходили *соединенные заседания* и советов их: «В лето 6611 Бог вложил в сердце князьям русским мысль благую, Святополку и Володимеру, и сошлись думать на Долобьске; и сел Святополк с своею дружиною, а Володимер с своею в одном шатре. И начали думать». Впрочем, на съезды князья обыкновенно брали с собой лишь немногих (иногда по одному) советников.

С высшим земским советом нельзя смешивать фактов совещаний князя временных и случайных, например, военных советов во время похода не только со своими военачальниками, но и с союзниками и даже варварами.

Число имеющих право участвовать в думе равняется числу бояр известной земли; *число же* обыкновенного состава думы равняется числу бояр, находящихся в данную минуту в месте совещания и нарочно вызванных из пригородов. Число это вообще не может быть значительно: при отмене мести кн. Ярославичами было 3 боярина (Кар. 2); при издании некоторых законов Русской Правды Ярославичами участвовали 5 советников (см. Ак. сп. Рус. Пр., ст. 18); при дополнении ее Владимиром Мономахом – 6 (см. Р. Пр. Кар. 66). С течением времени во многих землях число думцев возрастало (в Великом Новгороде дошло до 300 – приблизительно)²³.

²² Хотя в Новгороде даже во второй половине XII в. сохранились дружинные термины в наименовании боярства (в 1166 г. князь Ростислав, прибыв из Киева, позвал на совет – «поряд» – в Луки новгородцев: огнищан, гридь и купцов вящих), но надо полагать, что там уже с древнейших времен дружинный элемент имел весьма ничтожное значение в местном боярстве. В 1118 г. «приведе Володимер (Мономах) с Мстиславом (сыном его – князем Новгородским) *вся бояры Новгородские Киеву* и заведя я к честному хресту и пусти я домов, а иные у себе остави; и разгнева на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрю, и на сочкого на Ставра, – и заточи я вся» (Новгор. 1-я лет.). Из этого факта следует: 1) что *все* бояре новгородские были не дружинники князя, а люди земские; 2) что, по мнению Мономаха, они (а не вече) составляли действительную силу Великого Новгорода (он их приводит к присяге, из них избирает заложников и их карает за самоуправные действия новгородского веча). В приведенном сейчас факте 1166 г. князь Ростислав вызывает на совет в Луки всех бояр (огнищан и гридь) и некоторых лучших купцов (последних, как депутатов веча).

²³ Число бояр, участвующих в совещании, в памятниках обыкновенно не отмечается; числа, обозначенные в Русской Правде, отнюдь не могут дать точных указаний; при съезде трех князей Ярославичей в одном случае было 5 советников, в другом – три; по этому поводу проф. Сергеевич говорит: «На каждого князя приходится в первом случае $1\frac{2}{3}$, во втором по одному советнику» (С. 465). Если бы дело обстояло всегда так, то мы получили бы невероятную картину нижеприведенного случая заседания думы во Владимире Волынском: «сидяху около его (князя) дружина», т. е. князя окружал один или полтора человека. Князья съезжались на съезд из своих довольно отдаленных городов; было бы удивительно, если бы они влекли за собой всю толпу своих бояр. Достойно внимания, что они и в этом случае не обходятся без советников-бояр и везут с собой хотя по одному, и что эти бояре именуются наравне с князьями, как законодатели. – Бояр в каждой земле было немало, ибо боярами признавались (со времени слияния дружины с земством) высшие слуги-землевладельцы, число которых в каждой

Заседания совета происходили постоянно (каждодневно), как видно из поучения Мономах. В житии Феодосия рассказывается, что, возвращаясь от князя из загородного дворца его в Киев ранним утром, он встречал по пути бояр, которые спешили из Киева к князю на совет. Там же рассказывается, что когда князь намеревался посетить Феодосия, то «распускал всех бояр в дома их»... Само собой разумеется, что решения высших земских дел совершались не каждодневно, а по мере возникновения их.

– Обыкновенные заседания происходили во дворце князя; летописец рассказывает об одном заседании думы во Владимире Волынском так: «В едину ночь приела по мя князь Давыд. И приходх к нему, и сидяху около его дружина, и посадив мя, рече ми...» (Лавр. лет. под 1097).

Права боярской думы. Боярская дума составляет *необходимый* элемент власти в каждой земле. По отношению ее к князю существует мнение о боярской думе, как личном совете князя, который может обратиться к нему или нет по произволу; но факты указывают на *обязательность* для князя совещаний с боярами, – обязательность, утвердившуюся обычаем (который тогда заменял закон): в 1170 г. двое бояр, отошедших от киевского князя Мстислава к князю Давиду, оклеветали первого перед последним, якобы он намерен лишить князей Давида и Рюрика свободы, зазвав их к себе на обед. Давид и Рюрик, получив действительно такое приглашение, потребовали от Мстислава клятвы в том, что он не сделает им зла. Оскорбленный таким подозрением, киевский князь отдал дело на рассмотрение своей думы: «яви дружине своей... И реша ему дружина его: княже, не лепь (неосновательно) ти велита брата крест целовати; це да будуть злии человеци, завидяче твоей любви, юже к братье имеши, вложили будуть зло слово... Аты всяко прав пред Богом и пред человеки: *тобе без нас того нельзе было замыслити, ни сотворити*, а мы все ведаем твою истинную любовь к всей братье» (Ипат. лет.). – В 1169 г. князь Владимир Мстиславич задумал нарушить клятву к киевскому князю Мстиславу и сообщил о том двум боярам. «И рекоша к нему дружина его: о собе еси, княже, замыслил; а не едем по тебе; мы того не ведали. Володимир же рече, възрев на децекы (младших дворян): *асе будут мои бояре*». Решившись осуществить свою мысль вопреки совету бояр, он отправился за помощью к Берендеям; но те «узреша и единого ездяща и реша ему...: *се ездизи один и без мужий своих*, а нас прельстив... И начаша в нь пущати стрелы» (Там же.). – Вообще тесная связь боярской думы с князем сохранялась лишь до тех пор, пока дума состояла главным образом из дружинников (дворян) князя, переезжавших с ним из одной земли в другую. С усилением в думе земского элемента, совет бояр получает все большую самостоятельность и становится *ближе к вещи*, чем к князю. В 1177 г. Всеволод, князь владимирский, во время борьбы с Мстиславом Ростовским, послал к нему предложение о мире, на что, по видимому, и склонялся Мстислав; но ростовцы *и бояре* сказали ему: «Аще и ты мир даси ему, но мы ему не дамы» (Лавр, лет.)²⁴ В Киеве в 1146 г. Глеб, Лазарь и другие бояре, назначен-

земле могло быть значительно (хотя и не «весьма»: частное землевладение едва начало развиваться в XI и XII вв.). В земле Галицкой князя Игоревича при одном случае избили 500 бояр; сверх того, осталось их немало и после такого избиения (см. ниже). Но все эти сотни именуются боярами. Никто не возьмется утверждать, что все они когда-либо могли собраться в одно заседание, хотя собрания их в больших массах несомненны; в той же Галиции в 1226 г. все бояре, напуганные ложным слухом о новом предполагаемом избиении их, всей толпой удалились в горы, откуда и вели переговоры с князем (припомним пример и Новгородского сената). Но может быть эти массы только бояре-землевладельцы, а отнюдь не «бояре думающий»? Из истории борьбы галицких бояр со своими князьями видно, что ожесточенная вражда ведется из-за нарушения прав боярства («насилия»). Каких же? Землевладельческих? Нет, основная причина борьбы определенно указана летописью: князь Владимир «*думы не любил с мужами своими*», – вот почему «*мужи Галицкнии недобро живут с князем своим*», *inde itae*. Само собой разумеется, что при ежедневном фактическом думании может участвовать незначительное меньшинство их. Многие живут в своих «селах боярских», другие идут в военные походы и в посольства; большая масса их рассеяна по пригородам для кормления и управления («а дружина ти по городам далече»). Полагаем, что во всех этих случаях никто не «обходил прав» бояр. Права думцев оставались за ними подобно тому, как право каждого «свободного жителя волости» участвовать на вече старшего города оставалось за ним (см. Рус. юр. др. II. Вып. 1, 36), хотя 9Л0 таких жителей более-менее не имели случая во всю жизнь свою присутствовать на таком вече.

²⁴ Факт приводится не как «случай совещания с боярской дружиной» (см. Рус. юр. др. II, 2. С. 464, прим.), а как доказа-

ные князем Игорем на должности тысяцкого и воевод, тотчас перешли на сторону народа и пригласили другого князя. Земский элемент думы с самого начала стоит в теснейшей связи с вечем (и первоначально заменяет вече, как увидим ниже). – Но возможны также и противоречия воли думы и воли веча: в 1067 г. киевское вече требовало войны с половцами, восстало за то на князя Изяслава и, явившись ко дворцу, стало препираться с князем, который сидел «на сенех с дружиною своею», разделявшей взгляды Изяслава. В Суздальской земле при Юрии и Андрее произошло раздвоение власти боярской думы и веча: первая осталась в старшем городе – Ростове, второе перешло во Владимир.

Права думы уясняются *фактами участия думы в решении государственных дел*. А именно:

Дума участвует в решении *религиозных* вопросов (ею при Владимире решено введение человеческих жертв, вопрос о посылке для исследования вер, вопрос о принятии христианства греческого исповедания, – народ говорил: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояре прияли»). Она участвует в решении *законодательных* вопросов (см. Рус. Пр. Ак. 18 и Кар. 2 и 66); Владимир Св. рассуждал с дружиною о «строе и уставе землею»; восстановление вир и отмена казни при Владимире совершены по совету бояр; уставная грамота Всеволода о церковных судах дана им по совету с владыкой и со «своею княгинею и с своими бояры и с десятью сочкыми и с старостами». Дума участвует в решении вопросов *внутреннего государственного устройства*, «Пряд положим о Русьей земле пред мужи отец наших», – говорил Владимир Мономах Олегу; бояре участвуют в решении вопроса о распределении столов между князьями: в 1100 г. на Уветичском съезде при решении вопроса о Давиде Игоревиче, «ста Святополк с своею дружиною, а Давыд и Олег с своею, розно, кроме себе». Боярской думе принадлежит (вместе с вечем) право *приглашать князя и рядиться с ним*: в 1169 г. князь Мстислав Изяславич взял «ряд с братьею, и дружиною и с Кияны»; в 1164 г., по смерти черниговского князя Святослава, вдова его хотела передать черниговский стол сыну своему Олегу, «сгадавши с пискупом и с мужи князя своего с передними и целоваша Св. Спаса на том; первое целова пискуп Антон Св. Спаса, и потом дружина целоваша» (Ипат. лет.); в 1177 г. владимирский князь Всеволод говорил своему сопернику Ростовскому князю: «Брате! Оже ты привели старейшая дружина, а поеди Ростову... тебе Ростовцы привели и боляре, а мене был с братом Бог привел и Володимерци» (Лавр. лет.). Дума по преимуществу участвует в решении вопросов *внешней политики*, войны и мира: договоры заключаются от имени князя и его «светлых бояр»; «великий князь Игорь, и боляре его и людье вси Русьтии послаша к великим царем Гречьским», при заключении мира с греками в 945 году; Владимир Св. рассуждал с дружиною между прочим «о ратех»; в вышеприведенном рассказе о Долобском съезде князей 1103 г. вопрос о походе на половцев обсуждается думой; в 1093 г. Святополк, князь киевский, нарушил мир с половцами без совета с киевской думой; когда последствия оказались очень печальными для него, то он обратился к совету думы, в которой голоса разделились, но разумная часть думы одержала верх, и «Святополк, послушав их», послал за помощью к Владимиру Мономаху (Лавр. лет.). Думе (иногда вместе с вечем) предоставляется *высший суд* над князьями и членами их семейств; суд над Рогнедою, женою Владимира Св., за покушение на убийство мужа, произведен так: Владимир «созвал бояр и поведал им; они же сказали: не лишай ее жизни ради дитяти сего, но восстанови отчину ее и дай ей с сыном своим» (Лавр. лет. под 1128 г.). В 1097 г. киевский князь Святополк, схвативши Василька, «созва бояр и кыян и поведа им» мнимую вину Василька.

в) Вече. *Понятие о вече*. Вече, как орган государственной власти, есть собрание полных правных граждан старшего города земли. Термин «вече» в памятниках применяется не к этому одному предмету: иногда он имеет значение всякого сборища или толпы, иногда тайного сове-

щения-заговора (в 1169 г. в Новгороде «начаша вече деяти в тайне, по дворам на князя своего на Святослава на Ростиславича». Ипат. лет.). Мы должны принимать термин «вече» в его тесном историко-юридическом смысле²⁵.

Происхождение и первая эпоха в истории развития народных собраний. Вече такого же доисторического происхождения, как и княжеская власть и власть боярской думы. Прокопий (писатель VI в.) рассказывает о славянах, что при одном выгодном для них обороте дел они сошлись почти все для обсуждения, «ибо эти народы, славяне и анты, не имеют единодержавия, но с древнейших времен живут в народоправстве; счастливые или несчастные случаи созывают их в общее собрание. Маврикий сообщает, что в их собраниях царствуют несогласия: «Cum omnes contrarie inter se sint animati neuterque alteri velit obsequi». По нашим известиям о восточных славянах, каждое отдельное племя решало свои дела: «Съдумавше Поляне, и вдаша (Козарам) от дыма мечь». Но в этой первоначальной форме народное собрание есть *племенная сходка* и не соответствует выставленному выше понятию о вече. Чистоплеменные собрания могут держаться лишь при кочевом быте или крайне слабой оседлости. Попытки общеплеменных собраний были и у оседлых народов, например, поморян, но при расширении территории удержаться не могли и уступили место собраниям старейшин из всех общин.

Вторая эпоха в развитии народных собраний относится к временам историческим (IX–X вв.), когда вече находится в *переходе от племенного собрания к городскому*; тогда для решения дел сходятся в старший город лучшие люди всей земли и обсуждают земские вопросы в присутствии граждан этого города (поголовное собрание всех взрослых жителей земли, очевидно, уже невозможно). Владимир созывал в Киев «боляры своя, и посадники, старейшины по всем градом и люди многы» (для пиров и, разумеется, для совещаний). Такая общеземская дума, совмещающая в себе два будущих учреждения – боярскую думу и вече, носит еще племенное название: «Древляне, судмаше со князем своим Малом», решили убить Игоря; потом «реша Древляне; пойдем жену его Вольгу за князь свой Мал». Активная роль в таких собраниях принадлежит лишь боярам и старейшинам: «люди», т. е. простые граждане старшего города, и те пригорожане, которые были в данном случае в старшем городе, присутствуют при совещаниях, одобряют и исполняют решения; в 983 г. в Киеве решили принести человеческую

²⁵ Термины древнего языка весьма растяжимы по смыслу их: так, титул «князь» в польском языке прилагается к епископам; отсюда не следует, что епископ есть носитель княжеской власти; слово вече (wiece) в том же языке означает судебное собрание и самый суд; отсюда нельзя заключать, что древнее вече вообще ограничивается судебной функцией; в западно-русском языке XVI в. словом «вече» именуется копа, т. е. сходка нескольких соседних сельских общин для производства следствия и суда. В древнерусском языке вечем (от слова «вещать») называется всякая сходка явная и тайная, на площади и по дворам, в пригородах и старшем городе; нет сомнения, что и волостные сходки (сельские) именовались так же (судя по приведенному сейчас наименованию вечем копы). О каком именно из этих предметов говорит (и должна говорить) история права? Разумеется, в истории процесса она должна упомянуть о вече, как судебном собрании, в истории управления не может обойти пригородного вечя; едва ли ей нужно иметь дело с вечем в смысле сходбищ народа, которые могли не иметь никакого отношения к делам общественным. Когда же наука истории права касается вечя, как формы *верховой власти*, конкурирующей с княжеской властью и простирающейся на все государство, то она должна точно обозначить, применяется ли это понятие к пригородному, волостному, или судебному вечу. Если пригородное вече совершенно равняется вечу старшего города, то, значит, пригороды суть государства, а равно и волости, и даже каждое село, где (предположительно) также были сходки. Надо не упускать из виду тесного историко-юридического значения предмета, каковым естественно окажется лишь вече старшего города, что и утверждается огромным числом фактических указаний летописей и принципиальными выражениями современников (см. ниже). Приведенным определением вечя между прочим устраняется от понятия вечя тайное совещание отдельных групп граждан по домам. Разумеется, правительственная власть может совершать свои действия втайне; даже бывали особые учреждения вроде Венецианского совета 10 и русского верховного тайного совета; но если речь зашла о *всенародном собрании* (каковым и было вече), то весь народ от народа утаиться не может; учреждения, делающие дела втайне, состоят из единиц и много десятков лиц. Те случаи, когда кучки граждан собираются по домам, обозначают не тот предмет, о котором идет речь, хотя бы летопись и назвала их вечем. Говорят, что здесь разумеется тайна от князя, но целое народное собрание не могло быть тайной ни для кого; утаиться могли немногочисленные группы, собиравшиеся отдельно по домам; но это не народные собрания. Этими замечаниями о слове «вече» отнюдь не предпрещается вопрос о различии законных и незаконных народных собраний. Мы полагаем, что наши летописные факты не дают нам оснований устанавливать такое различие (хотя бы в идее оно и было мыслимо, даже при такой вражде к формальности, какую обнаруживает Древняя Русь). К мнению Неволлина мы никогда не примыкали (см. ниже о сроках созыва). См. Дополнение Е.

жертву богам *старцы и бояре*, но когда варяг-отец, на сына которого выпал жребий, отказался выдать сына, то посланцы поведали о том «людям», которые в многочисленной толпе произвели потом дикую расправу над варягом-христианином. В 987 г. Владимир передал вопрос о выборе новой веры *старцам и боярам*, которые и решили послать для личного ознакомления с различными религиями в соседние страны: «и бысть любя речь (их) князю и всем *людем*», которые, очевидно, присутствуют на совещании. Полное слияние вече с думой старейшин представляет пример белгородского вече при осаде печенегов в 997 г.: в городе, томимом от голода, «створиша вече» (это первый случай употребления такого термина в летописях) и решили сдаться печенегам; но один *старец* не был на вече том и спрашивал: «Что ради вече было? И людье поведаша ему, яко утро хотят ся *людье* передати Печенегам. Се слышав, посла по *старейшины градъския*», из этих последних составилось новое вече, которое решило отложить сдачу города и употребить хитрость. Так как вечевая власть не во всех землях развивалась одновременно, то в некоторых из них вече и в XII в. имеет племенной характер: в 1146 г. Давидовичи черниговские (в борьбе с родичем своим Ольговичем и Юрьем Суздальским) «сзваша *Вятиче*» (Ипат. лет.).

Третья эпоха вечевых собраний (XI–XIII вв.) есть эпоха полного выделения этой формы власти в самостоятельную (как собрание простых граждан) и полного развития ее прав. Она совпадает со временем окончательного установления власти старших городов. К вече этой эпохи относятся нижеследующие определения состава и прав народных собраний.

Состав вече. Вече, как власть государственная, состоит из *граждан старшего города*: классическое место летописи (Лавр. лет. под 1176 г.): «Новгородци бо изначала, и Смольняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на вече сходятся, на чтоже старейшие судяють, на том же *пригороди* стануть», означает не собрание жителей всей волости (власти), а старших городов, как видно из выражения: «на том же *пригороди* стануть», а равно из связи летописного рассказа, где речь идет о праве старших городов давать пригородам обязательные постановления. Псковская Судная грамота составлена «всем Псковом на вече», Новгородская – «всеми *пятью концами*,, всем великим Новгородом на вече». Предположение об участии всех жителей земли противоречит обширности земель и отдаленности пригородов. То же подтверждается способом (колоколом и глашатаями) и временем созыва вечевых собраний: вече составляется или в тот же день, или на другой день после созыва: в 1148 г. приехал в Новгород киевский князь и на другой день послал на двор Ярослава и велел «сзвонить» вече «и так сошлись на вече новгородци и *плесковичи*» (очевидно, те, которые случайно были в Новгороде).

Участие пригорожан на вече старшего города возможно; всякий свободный человек, где бы он ни жил, может (имеет право) быть членом вече старшего города, ибо идея всенародного участия во власти сохраняется. Но так как фактически собрание всех жителей государства, при обширности территории, становится невозможным, то действительное участие пригорожан бывает лишь *случайно* и не *необходимо*; так, в 1132 г. «была встань великая на людях (в Новгороде); пришли плесковичи и ладожане к Новугороду и выгнали князя Всеволода». В 1136 г. новгородцы нарочно пригласили псковичей для суда над князем, но выгнанный князь утвердился во Пскове (значит из Пскова приглашена нарочно лишь партия, враждебная князю).

Если пригород начинает брать перевес над старшим городом (как в Суздальской земле), то на вече его собираются и лучшие люди старшего города, не желая окончательно уступить власть пригороду²⁶.

²⁶ Возведение вече старшего города в значение общеземской власти явилось результатом необходимости, именно невозможности собирать для решения дел всех граждан земли из местностей, иногда весьма отдаленных; этим нисколько не отнято право у жителей пригородов и волостей присутствовать (когда они могут) на вече старшего города в качестве полноправных членов. Но если бы вече было собранием жителей всей «волости» (т. е. земли), то решение, состоявшееся в одном старшем городе, без всякого участия жителей пригородов, было бы *не обязательно для этих последних*; на деле же господствовал

Пригородные веча, при нормальном течении дел, не имеют политической власти (решая лишь вопросы местного управления). В тех немногих случаях, когда пригородное вече выступает в политической роли, центр верховной власти временно переносится в пригород, и на таких вечах участвуют лучшие люди старшего города (случай в Друцке – пригороде Полоцкой земли – в 1159 г., когда дрючане, вместе с полочанами, принимают нового князя, так как в старшем городе сидит и не уступает свою власть прежний, сменяемый князь).

Вече состоит из *всех* граждан города. Главную массу участников вече составляют *простые* граждане, «люди». Когда в 1068 г. киевский князь и его дружина (бояре) противились продолжению войны с половцами, то «людье Киевстии прибегоша Киеву, и сотвориша вече на торговищи, и реша, пославшеся к князю»... (Лавр. лет.). В 1147 г. «Кияном же всем сошедшимся от мала до велика к святей Софьи на двор» (по призыву князя, для обсуждения дела о войне с черниговскими князьями). В новгородском вече участвовали и меньшие люди, черные, смерды. В вечевом собрании имеют, однако, право участвовать лишь *полноправные* граждане, т. е. мужи свободные, совершеннолетние и не подчиненные семейной власти: в 1147 г. киевское вече отказывается вести войну против Юрия Долгорукого так: «Не можем на Владимирово племя руки поднять, а на Ольговичей пойдем *и с детьми*» (Ипат. лет.); следовательно, «дети», хотя и способные носить оружие, не участвуют в вече. Вече, состоя главным образом из простых граждан и выделившись от совета старейшин, есть демократическая форма власти, т. е. главная роль при решении дел принадлежит простому народу. Однако при нормальном порядке с вечем сливается и боярская дума; *бояре* присутствуют на вече наравне с прочими гражданами: в 1177 г. во Владимире Клязменском, при борьбе с князем, «всташа бояре и купцы... по мале же дний всташа опять людье вси и бояре» (Лавр. лет.).

На вече участвуют также и *лица духовные*: на киевском вече 1147 г. председательствует митрополит.

При обыкновенном течении дел, т. е. если вече составилось не для борьбы с князем, на нем присутствует также *князь*: на том же киевском вече 1147 г. присутствует князь Владимир Мстиславич, управлявший здесь за отсутствием брата.

Таким образом вече, несмотря на свой главный (простонародный) состав, не есть орган власти одного (низшего) класса, а поглощает в себе и оба других элемента власти и есть власть *общеземская*. Эта форма государственной власти создана не во имя борьбы с двумя остальными (понятие борьбы чуждо русскому государственному праву), а для единения («одиначества»), т. е. для решения земских дел согласной волей князя, бояр и народа (см. вышеприведенную формулу приглашения князя Олега в 1096 г. Святополком и Владимиром в Киев для установления междукняжеских отношений перед епископами, боярами и людьми градскими). Летописи, рассказывая весьма часто о народных собраниях, соединенных с каким-либо перевертотом, пропускают обыкновенные мирные собрания для решения текущих дел, а потому нелегко восстановить обыкновенные порядки таких собраний. В частности:

обратный принцип («на том и пригороды стануть»). В этом именно смысле участие пригорожан не *необходимо* (не для них, а для законности вече). Если бы на вече не было *ни одного пригрозжанина*, то тем не менее решение вече могло состояться и было обязательно. Относительно участия пригородов в политической жизни государств можно сделать еще одно предположение: общеземские дела решались отдельно вечами всех городов (старшего и пригородов), – вопрос, решенный в одном городе, тотчас же решается в другом, в третьем и т. д. Любопытно знать, что же впоследствии, если веча всех городов дадут противоречивые постановления? Разумеется, вопрос можно решить войной между ними; но это будут уже отдельные государства, а не части одного государства. Нечто подобное, по-видимому, произошло в Киевской земле в 1146 г.: киевское вече избрало князем Игоря Ольговича; но затем явился новый претендент – Изяслав Мстиславич; и вот белгородцы и василевцы посылают к нему с заявлением: ты наш князь, а Ольговичей не желаем. Здесь, по-видимому, пригороды перерешили вопрос, решенный старшим городом. Но дело было далеко не так: киевляне сами вскорее передумали и *послали к Изяславу* в Переяслав (см. Ипат. и Лавр. лет.); когда на их зов он явился за Днепром, тогда тотчас примкнули к нему и пригородцы. Эти последние, очевидно, были недовольны избранием Ольговича; но что же они делали от времени его избрания до нового призыва другого князя киевлянами? Молчали и повиновались.

Кто мог собирать вече? Собирает вече князь, как и следовало в нормальном порядке: в 1146 г. киевское вече созывает князь Игорь, в 1147 г. – Изяслав; а в другой раз, по его же распоряжению, брат его князь Владимир, митрополит Климент и тысяцкий Лазарь. В Новгороде в 1148 г. тот же князь велел созвонить вече. В 1097 г. Святополк «созвал бояр и киян» для решения дела по обвинению Давидом князя Василька. Но при несогласии веча с князем и боярской думой, оно созывалось кем-либо из граждан или сходилось само собой: в 1067 г. киевляне, разбитые половцами, прибежали в Киев, сами сошлись на вече «на торговищи». Иногда народ, сам составивши вече, посылает пригласить на него князя (вече в Полоцке в 1158 г.). Но такие собрания составляются лишь тогда, когда готовится или совершается переворот.

Способ созыва практиковался двоякий: через биричей (глашатаев) и через колокол; последний способ (наиболее демократический, призывающий всех) утвердился в Новгороде.

Имея в летописи рассказы преимущественно об экстраординарных народных собраниях, мы не можем дать определенного ответа на вопрос о *сроках созыва обыкновенного веча*. Лишь предположительно можно сказать, что были периодические собрания во время братчин, в дни церковных местных торжеств: в 1158 г. «начаша (Полочане) Ростислава (князя своего) звати лостью у братчину с святей Богородици к Старей, на Петров день... княже, поеди к нам, суть ны с тобою речи». Оказалось, что это было собрано враждебное князю вече (Ипат. лет.)²⁷

По мере большего и большего упорядочения вечевых собраний, определялось и нормальное место их. Так, в Киеве вече, вступившее в открытое восстание против князя в 1067 г., сошлось *на торговищи*. Но вече действующее в единении с князем и созванное им, собирается *на Ярославовом дворе* (1146 г.), или *на дворе св. Софии* (1147 г.). Точно так же в Новгороде законными местами собраний были: *Ярославль-двор* и *у св. Софии*. И в самом деле, когда князь призывал народ для совещаний, то место таких собраний должно быть близ княжеского дворца. Столь же законным местом является и центральная святыня земли, куда народ и без того собирался периодически в большие праздники²⁸. Что место собраний немало значило для нормальности их, можно привести в пример киевское вече в 1146 г., когда князь сначала созвал всех киян *под Угорский*, где вече и согласилось избрать князем Игоря, если умрет его

²⁷ На братчину в Петров день зовут *полочане* своего князя *лостью*, намереваясь схватить его. Кто же это «полочане»? Очевидно, весь город (приблизительно) собрался на годовичную городскую братчину. Это собрание решило произвести важный политический переворот – сместить князя. Таким образом собрание, составившееся для религиозного пиришества, есть в то же время вече; это же самое собрание повторило свою попытку и на другой день, причем летописец прямо назвал его *вечем*. Ниоткуда не известно, что братчины продолжались непременно один день. Братчины имели официальное значение, например, пользовались судебной властью (Пск. Судн. гр., ст. 113); почему же общегородская братчина не может пользоваться именем и правами веча (особенно, с точки зрения тех, кто признает всякое народное собрание, где бы оно ни состоялось, вечем)? Известно, что боярская дума заседала и обсуждала дела с князем за пирами (см., например, в Новг. 4-й лет. под 1226 г. решение вопроса о войне или мире Суздальской земли с новгородцами и смольнянами). Вече существовало не у одних русских; в сомнительных случаях полезно сопоставлять недостаточные русские известия с известиями о таковых же (тождественных) учреждениях у других народов: у древних германцев народные собрания (кроме экстренных) составлялись каждое новолуние и полнолуние. Периодичность собраний у нас тем более следует допустить, что вече занималось текущими делами суда (см. ниже о правах веча). В Новгородской Судной грамоте читаем: «Если судья не оканчивает дела о земле в два месяца, то истцу взять на него приставов у Великого Новгорода, и он должен кончить тот суд перед этими приставами. Если же в эти два месяца не указали суда докладчики (т. е. они были виной проволоочки, а не судья), то идти судье с истцом к Великому Новгороду и взять приставов на докладчиков» (ст. 29). Никак не решаемся допустить, что при каждом (довольно незначительном – свыше 2 месяцев) замедлении процесса по каждому делу (более-менее весьма неважному) истец или судья имели право созывать весь городской народ только затем, чтобы взять приставов для побуждения медлительных органов суда. Еще менее можем допустить, чтобы судья или истец ждали случая бурливых собраний веча по политическим вопросам и тут предъявляли свои скромные требования разъяренной толпе. Считаем более вероятным, что народ Великого Новгорода собирался часто и периодически. Об этих текущих собраниях летописи наши молчат, как о явлении обыденном; они не сочли нужным упомянуть и о таких вечах, на которых были утверждены Псковская и Новгородская Судные грамоты; они не описали бы нам и киевского веча 1147 г., если бы не событие, выходящее из ряда вон – убийство князя Игоря.

²⁸ При господстве обычного права законным является обычное место собраний, обычным же местом (в Великом Новгороде) были св. София и Ярославль-двор; то же и в Киеве. В 1067 г. киевляне, сотворивши вече *на торговище* (на Подоле), изгнали своего князя Изяслава, который, возвратившись и заняв опять стол, «възгна торг на гору» (Лавр. лет.), чтобы отнять повод собираться на вече вдали от двора княжеского.

брат; но когда этот последний действительно умер, то для окончательного утверждения избрания новый князь созывает вече на Ярославовом дворе; на первом было постановлено лишь предварительное соглашение, на втором акт избрания завершен. Правда, потом кияне опять скопились у *Туровой божницы* для требования дополнительных условий от нового князя; но это было результатом неполного соглашения с князем, и самое собрание поэтому не должно быть признано нормальным²⁹.

Способ обсуждения дел на вече и *постановки решений* упорядочивался с течением времени, но окончательно сформирован лишь в Новгороде и Пскове. В 1147 г., когда князь Изяслав Мстиславич, находившийся в походе, узнал о предательских замыслах черниговских князей, то послал в Киев двух мужей своих – Добринку и Радила, с таким наказом к своему брату князю Владимиру: «Брат, поезжай к митрополиту и созови всех киевлян, пусть эти два мужа скажут о предательстве Черниговских князей». Когда киевляне сошлись все от мала до велика на двор св. Софьи и *сели* (по другой летописи – «встали»), то князь Владимир сказал митрополиту: «Вот прислал брат мой двух мужей-киевлян, пусть скажут братье своей». И выступили Добринка и Радило и сказали: «Приветствовал тебя брат, митрополиту кланялся, приветствовал Лазаря (тысяцкого) и всех киевлян». И сказали киевляне: «Говорите, с чем вас князь прислал». Когда послы передали дело, то киевляне сказали: «Радуюсь, что Бог тебя избавил от великого предательства; идем за тобою и с детьми». Но *один человек* сказал: «За князем своим мы с радостью пойдем... но тут Игорь, враг нашего князя, сидит в монастыре; убьем его и пойдем к Чернигову за своим князем». Тщетно князь Владимир, митрополит и двое тысяцких противились; пагубное предложение увлекло толпу. В Новгороде предложение и дерогация законов на вече принадлежали посаднику, который в обычном порядке и есть председатель веча.

При постановке решений требовалось *единогласие* («едиными устами» или «единодушно»); в действительности (фактически) под единогласием скрывалось подавляющее *большинство*; но в принципе требовалось именно единогласие (как показывает аналогия польского сейма). При равном распределении партий происходит физическая борьба и повторение собраний, пока не достигнут соглашения; в Новгороде в 1218 г., после битв одного конца против других, веча по одному и тому же вопросу продолжались целую неделю, пока «не сошлись братья все единодушно».

Права веча. Вече есть *необходимая* составная часть общеземской власти, ибо участие народа в государственных делах в древнее время бывает самым непосредственным и живым: «...*нрав* есть первые чади всея пред враты граду творити веще и суды» (Слов. Восток.). Необходимость вечевой формы видна из ее *всеобщности*. По приведенному выше принципиальному выражению летописи, *изначала* новгородцы, смольняне, полочане, киевляне и «*вся власти*» собираются на веча, как на думу. Согласно с этим, летописи сообщают факты вечевых собраний во всех древнерусских землях: кроме приведенных выше и других многочисленных случаев народных собраний в Киеве, Новгороде, Пскове, Полоцке, в земле Ростовской, в летописях упоминаются веча в земле Волынской (1097 г.), Галицкой (1231 г.), Рязанской (1207 г.) и Черниговской. Но вече достигло неодинакового политического значения во всех русских землях.

Права веча не могут быть ограничиваемы каким-нибудь одним родом дел (например, законодательством): они, подобно правам князя и думы, простираются на всю сферу высших государственных дел управления и суда. В сфере *законодательства* вечу сначала принадлежали меньшие права, чем князю и думе: в Русской Правде нет следов вечевого законодатель-

²⁹ Отсюда отнюдь не следует, что *постановления* такого веча незаконны; нарушение форм и обрядов не всегда ведет к признанию акта незаконным (например, совершение брака вне церкви, в силу необходимости, не есть акт нормальный, однако законный; поставление митрополитом Климентом (1147 г.) без участия патриарха не есть акт нормальный, но законный). См. Дополнение Ж.

ства; но потом, именно в Новгороде и Пскове, законодательство становится функцией *только вече* (см. в Пск. Судн. гр. ст. 108 о порядке составления и отмены законов). В *сфере внешней политики и в вопросах о войне и мире* вече принадлежат наибольшие права с древнейших времен. Этого требовала фактическая необходимость заручиться согласием населения для ведения войны: договор Игоря с греками в 945 г. заключен от имени «великого князя русского, и от всякого князя, и от всех людей русския земли». В соблюдении этого договора клялся весь народ в Киеве, крещеный и некрещеный. В 1015 г. Ярослав в Новгороде, избивши много граждан за своих варягов, получив известие, требовавшее немедленной войны с киевским князем Святополком, тогда, собрав «остаток новгородцев», он сказал: «О любя моя дружина, юже вчера избих, а ныне *быша надобе*...»; и реша Новгородци: аще, княже, братья наша иссечена суть, можем по тебе бороти». В Киеве в 1147 г. вече отказывает князю в согласии на войну против Юрия Долгорукого и вскоре после охотно соглашается воевать против черниговских Ольговичей. В Новгороде князь (Мстислав 1179 г.: Новг. 4-я лет.) так убеждает вече идти на Чудь: «Братья, се обидять ны поганые, а быхом, възревше на Бог и на св. Богородицы помочь, помьстили себе и свободили быхом Новгородскую землю от поганых». Князь иногда начинает войну и при несогласии на нее вече (при помощи собственной дружины – двора и охотников из населения), но редко ведет ее с успехом. Войны с варварами ведутся иногда без предварительного обсуждения на вече, но с молчаливого согласия народа (вследствие полной популярности таких войн).

В сфере внутреннего *государственного устройства* значение вече одинаково важно. О необходимом участии вече в призвании и смещении князей были приведены факты выше (см. в особенности случай в Киеве 1154 г., когда боярская дума напоминает новому князю, уже призванному ею, о необходимости «утвердиться с людьми в Киеве»).

В сфере *судебной власти* вече первоначально принадлежало право участия во всяком суде («пред вратами градскими творить веще и суды»); суд производился князем и боярами в присутствии народа. И впоследствии вече (в Новгороде) судило всякие дела, на которые было обращено его внимание; новгородское вече 1290 г. судит людей, ограбивших торг. Отмена вечевого суда в Псковской Судной грамоте (см. 4: «...а на вече суда не судить ни князю, ни посаднику...») указывает на предшествовавший порядок, когда суд княжеский и посадничий производился на вече. По Новгородской Судной грамоте, за вечем оставлена высшая власть, контролирующая действия специальных судебных органов (ст. 29). Вече принадлежит суд политический (над князьями и посадниками): в 1097 г. в Киеве суд над Галицкими князьями по доносу князя Волынского предоставлен боярам и вече. Новгородское вече в 1136 и 1270 гг. производит формальный суд над своими князьями с изложением письменного приговора; в Новгороде же в 1141 г. производится суд и казнь посадника Якуна за измену всем вечем; в 1209 г. суд, поток и разграбление над посадником Дмитрием.

В *сфере управления* вече не принимает постоянного участия в ведении текущих дел, но оно участвует в назначении и смене чиновников; в 1146 г. вече требует от князя смены тиунов киевского и вышгородского (которые и сменяются); на место их назначаются тиуны по воле вече («а се вам и тиун по вашей воли»). Ростовцы (бояре и народ), говоря в 1176 г. о своей власти над пригородом Владимиром, угрожают или сжечь непокорный пригород или *посадить в нем своего посадника*. В особенности активное участие принимает вече в военном и финансовом управлении: средства для ведения войны, именно чрезвычайные налоги, устанавливаются самим народом на вече: в 1018 г. в Новгороде, во время борьбы Ярослава с Святополком Окаянным, вече решает: «Хочем ся и еще бити с Болеславом (польским союзником Святополка) и с Святополком. Начата скот (деньги) събирати от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен; и приведоша Варягы, вдаша им скот» (Лавр. лет.).

Падение и прекращение вечевых собраний. Независимо от татарского ига были уже в древности внутренние причины для возвышения княжеской и боярской власти за счет вечевой в

некоторых русских землях, что привело к раннему падению веча в этих землях. Общие же причины упадка вечевого начала заключаются в несоответствии этой формы правления широкой территории государства (см. ниже о земских соборах)³⁰.

Особенные черты государственного устройства некоторых русских земель

Изложенные три формы власти (князь, дума и вече), несмотря на свое стремление к полному единению, легко могли прийти и в противоречие друг другу, причем одна из них могла, не устраняя вполне других, возвыситься на счет двух остальных. Это и случилось с конца XII в. во всех русских землях, так что по преобладанию одной из трех форм всю тогдашнюю Русь можно разделить на три части: 1) южную и юго-западную; 2) северо-западную и 3) северо-восточную.

1. Особенности Галицко-Волынского государственного устройства. Типом группы юго-западных земель служит земля Галицкая; но ее устройство повторяется и в земле Волынской; сюда же отчасти примыкает и Киевская земля. Здесь берет преобладание боярская власть над князем и вечем. Предположительно зародыши такой особенности могли существовать в Галицкой земле с древнейших времен, ибо обстоятельствами, содействовавшими образованию их, были природные и местные условия этой земли. Природное богатство почвы по Днестру, Сану и Бугу дало могущество классу землевладельцев, т. е. бояр по преимуществу. Но следует признать, что и соседство с Польшей и Венгрией (странами, в которых рано развился аристократический элемент) имело свою долю влияния на особенный склад государственного устройства Галиции (хотя бы и без прямых заимствований). Червонная Русь принадлежала некоторое время Польше; затем не один раз правили ею мадьяры, члены королевского дома с большим двором. Волынь имела постоянно то дружественные, то военные столкновения с Польшей и находилась в ближайшем бытовом общении с населением этой страны. В 1149 г. польский король Болеслав, вызванный на помощь князем Изяславом Мстиславичем, «пришед к Луцку, и ту пребы три дня; и ту пасаше (препоясывал) Болеслав сыны боярски мечем многы», т. е. посвящал их в рыцарство. С конца XII в. в заметной степени проявляются следующие особенности Галицкого устройства.

а) Бояре присваивают себе право *распоряжения княжеским столом* (приглашением и смещением князей). Пока правила в Галиции династия Ростиславичей, власть боярской думы не могла еще проявиться с заметной силой, но, очевидно, образовалась уже в то время. В 1188 г., когда княжил Владимир в Галицкой земле и думы не любил с мужами своими, то «уведав Роман (волынский князь), ажь мужи (бояре) Галичкыи недобро живут с князем своим про его насилье..., слашеть без опаса к мужем Галичкым, подтыкая их на князя своего, да быша его выгнале из отчины своея, а самого (Романа) быша прияли на княжение. Мужи же Галичкыи, приимше съвет Романов, совокупивше полкы своя и утвердившеся крестом, и восташа на князь свой... Он же, убоявся, поймав злато и серебро много..., еха во Угры к королеви. Галичане же... послашася по Романа». Но на этот раз Роман не удержался и выгнан венгерским королем, который посадил здесь не прежнего князя, а сына своего Андрея. Недовольные этим, «Галичкыи мужи послашася к Ростиславу к Берладничичю, зовуще его в Галич на княжение». Но и этот князь не одолел силы мадьярской и погиб. Между тем наследственный князь галицкий Владимир, сидевший в заточении в Венгрии, успел уйти и заинтересовать в своей судьбе германского императора и польского короля. Тогда «галичкыи мужи», раскаявшиеся в том, что его прогнали, «сретоша его с радостью великою..., а королевича прогнаша из земли своея». По прекращении прежней династии, боярская власть особенно усиливается при Романи и его сыне Даниили, несмотря на сильный характер и энергию этих князей, «само-

³⁰ См. Дополнение 3.

держцев всей русской земли». Хотя Роман Великий убивал лучших бояр галицких, зарывал их живыми в землю, четвертовал и расстреливал, но по смерти его власть боярская обнаружилась с новой силой; дети Романа были изгнаны и приглашен один из черниговско-северских князей (Владимир Игоревич с братом Романом): «Галичкыи бояре послаша по них и посадиша и: в Галиче Володимера, а Романа во Звенигороде» (1202 г.). Однако бояре не ужились с этими своими избранниками; в 1208 г. «совет сотворили» (князя) Игоревичи на бояр галицких, чтобы избить их, и при случае бояре были избиты: убит был Юрий Витанович, Илия ГЦепанович и иные великие бояре; убито их было числом 500, а другие разбежались: Владислав Кормиличич бежал к венграм, а также Судислав и Филипп. Беглецы призвали на помощь венгерского короля. Подступив к Перемышлю, боярин Володислав так говорил осажденным поремышльским боярам: «Братья, чего смущается (не хотите предать князей Игоревичей)? Не они ли избили отцев наших и братью вашу? Имущество ваше они разграбили, дочерей ваших отдали за рабов ваших, а имениями вашими овладели другие – пришельцы. За них ли хотите душу свою положить?» Игоревичи были взяты в плен. «Тогда же бояре Володимерьстии и Галичкыи... и воеводы Угорьские посадиша князя Данила на столе отца своего – великого князя Романа во церкви св. Богородица Приснодевица Марья». Пленных князей Угры хотели отвезти к своему королю: «Галичаном же молящимся им, да быша и повесили, мести ради; убежени же бывше Угре великими дарьми, предани быша на повешение». Однако и фамилия Романа принуждена была опять бежать из Галича.

б) Тогда произошел здесь единственный случай во всей русской истории того времени: *приобретение княжеской власти боярином* (не княжеского происхождения); в 1210 г. «Володислав (боярин) воеха в Галич, вокняжися и седе на столе». Но такой случай остался исключительным и ненормальным в глазах современников. Король польский говорил: «Не есть лепо боярину княжити в Галичи»; Владислав был схвачен и заточен, «и в том заточьни умре, нашед зло племени своему и детем своим, княжения деля; вси бо князи не призряху детей его того ради».

в) Подобно этому здесь же произошел единственный случай *корпоративного удаления всех бояр*. Когда правил Галичем князь Мстислав в 1226 г., то один из бояр – Жирослав – оклеветал князя перед боярами, якобы он хочет предать всех бояр на избиение половецкому хану. «Они еже, емше веры, отъидоша в землю Перемышлескую, в горы Какокасьские, рекше во Угорьские, на реку Днепр» (?); отсюда и начались сношения через послов между князем и боярами; посол княжеский, наконец, «приведе бояре вси к нему».

Однако и после этого мир между князем и боярами был лишь наружный; один из бояр говорил князю Мстиславу (советуя ему отдать дочь за королевича и передать зятю галицкий стол): «Не можешь бо держати сам, а бояре не хотят тебе». Князь ушел.

г) Для борьбы с боярским элементом народное вече было призвано (князем Даниилом в 1231 и 1235 гг.); но вече не могло сломить окончательно власть бояр; в 1231 г. «была крамола безбожных бояр галицких, совет сотворили они на убиение и преданье земле Даниила»; при возникшей по этому поводу открытой войне с боярами, Даниил остался лишь с 18 верными отроками; тогда, «созвавшу (ему) вече и рече им: хотите ли быти верни мне, да изыду на враги мое? Онем же кликнувшим: верни есмы Богу и тебе, господину нашему, изыди с Божьею помощью. Соцкый же Микула рече: господине, не погнетши пчел, меду не едать». В 1235 г. Даниил воспользовался отсутствием своего соперника-князя из Галича «со всеми бояры» и подошел к Галичу, послав сказать гражданам («любахуть же и гражане»): «О мужи градьстии, доколе хотите терпети иноплемьных князий державу? Они же воскликнувшие реша: яко се есть держатель наш, Богом данный; и пустишася яко дети ко отцю, яко пчелы к матце... Бояре же пришедше на ногу его, просяще милости; яко согрешихом ти, иного князя державом. Он же отвецав рече им: милость получисте, паки же сего не сотворите, да не во горыпая впадете».

д) *Бояре в Галицкой земле владеют пригородами на правах княжеских*: в 1219 г. дан Звенигород боярину Судиславу. «Бояре галицкие Даниила князем себе называли, а сами всю землю держали; Доброслав вокняжился (в 1220 г.) и Судыч, попов внук...; он вшедши в Бакоту все Понизье захватил без княжего повеления, а Григорий Васильевич горную страну Перемышльскую... Даниил же, уведав о том, послал Якова, стольника своего, с великою жалостью к Доброславу, говоря к ним: я – князь ваш, но вы повеления моего не творите, землю грабите; черниговских бояр я не велел тебе, Доброслав, принимать, а давать волости галицким» (таким образом князь сам признает исключительное право местных бояр на волости). Князь особенно приказал не отдавать никому Коломьи (соляных копей), как княжеской регалии; но оказалось, что Доброслав уже отдал ее боярам Лазарю Домажиричу и Ивору Молибожичу, «двум беззаконникам от племени смердя». Посол князя так упрекал за это Доброслава: «Како можеша без повеления князя отдати ю сима, яко велиции князи держать сию Коломью на роздавание (содержание) оружьником?» «Он же усмеявся рече: то что могу же глаголати?... Даниил же скорбяше и моляшеся Богу о отчине своей, яко нечестивым сим держати ю и обладати ею».

Подобное же преобладание боярского элемента в Волынской (и отчасти Киевской) земле можно видеть из некоторых вышеприведенных фактов, а также из следующего: в 1204 г. Ингварь должен был уступить город Владимир Александру только потому, что бояре не любили его: «...бояром же не любящим Ингвара, Олександр... прия Володимерь».

Особенности Галицко-Волынского государственного устройства отразились на судьбе Юго-западной Руси в следующем периоде (польско-литовском).

2. Новгородско-Псковское государственное устройство. В Северо-западной Руси берет перевес *вечевая форма* власти. Такое государственное устройство утвердилось в Новгороде, Пскове, восточных колониях Новгородских (Вятке) и в Полоцке. Сюда же отчасти примыкает и земля Смоленская.

Существует мнение, что *Новгородское устройство составляет исконное исключение* из общего строя древнерусских государств, и что новгородские особенности могут быть изъяснены только *заимствованием учреждений западно-еврейских свободных городских общин* (особенно ганзейских). Мнение об исконном отличии новгородского устройства очень древне: еще в половине XII в. думали, что Новгород получил от первых князей особые привилегии на самоуправление; но и тогда уже книжные люди сомневались в существовании таких привилегий. Летописец, рассказав, что в 1169 г. Андрей Боголюбский посылал воевать Новгородскую землю, но что сам Новгород не был взят, а на возвратном пути досталось много бед от голода суздальцам, заключает: «Не глаголем же: прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени Новгородци прадеды князь наших: *но аще бы тако было*, то велели ли им преднии князи крест преступати... а крест честный целовавше ко внуком их (князей) и к правнуком, то преступати?» (Лавр. лет.). Еще в 1211 г. Всеволод III «вда им (новгородцам) волю всю и *уставы старых князь* его же хотяху новгородци, и рече им: кто вы добр, того любите, а злых казните». Сами новгородцы постоянно ссылались на грамоты (привилегии) Ярослава. Но такие привилегии *не существуют* и, вероятно, не существовали вовсе. Псков не претендовал на исконные привилегии, однако имел одинаковое устройство с Новгородом, а Вятка имела еще более свободные формы устройства, чем сам Великий Новгород. Подобные же предания о привилегиях существовали и относительно Полоцка: Нарбут (не указывая источника) говорит, что князья полоцкие Вячеслав и Давид (сыновья Всеслава) дали городу Полоцку вольность, которой этот город должен был воспользоваться по смерти их; поэтому Полоцк сделался вольным городом, а княжество Полоцкое республикой, которая управлялась вечем и 30 старейшинами или боярами (Narbutt. III, 1, 266). Таким образом мнение об исконности новгородских порядков не может быть принято. Особенности новгородского устройства быть может коренились в

первоначальных местных причинах, но проявились *не ранее половины XII в.* и не заключают в себе чего-либо чуждого прочим русским землям; они состоят в преобладании вечевого формы, узаконенном и признанном всеми князьями. – Местные причины, направившие здесь общерусское государственное устройство в сторону преобладания веча, заключались в географическом положении страны и в сношениях с северогерманскими городскими общинами. Страна, занятая новгородцами и кривичами, неблагоприятная по скудости почвы для земледелия, весьма благоприятна (по богатству торговых путей) для *торговли*. Торговля вызывает сосредоточенность населения в больших городских общинах, что и содействует преимущественному развитию вечевого начала (т. е. преобладанию среднего класса). Торговля же приводила новгородцев, псковичей и полочан в столкновение со свободными ганзейскими общинами. Не заимствуя от них ничего прямо и непосредственно, граждане упомянутых земель не могли не испытывать *косвенного влияния* от этих последних.

Город Новгород разделяется на две *стороны*: *софийскую* на левом берегу Волхова и *торговую* на правом. На правой был «детинец» (кремль), а в нем св. София и двор архиепископа – хранилище новгородской казны и законов. На торговой стороне были двор Ярославль, торговище с патрональной церковью св. Иоанна и иноземные дворы: варяжский, немецкий и готский. Две стороны, имея каждая отдельные интересы, нередко враждовали между собой и созывали два одновременных веча. Весь город подразделялся на *5 концов*: три на софийской стороне: Неревский, Людин (Гончарский) и Загородский; и два на торговой: Славенский и Плотницкий; но ни детинец, ни Ярославль-двор не включались в концы. Самоуправление города, а именно управление, суд и укрепление сделок, сосредоточивалось в концах; кончанские старосты (выборные правители концов) были представителями концов в общегосударственном управлении; их печатями скреплялись грамоты Великого Новгорода; в переговорах с иноземцами участвовали выборные от концов. Главное судилище Новгорода состояло из выборных от концов (по 2 боярина и по 2 из житейх людей). В военных походах концы выступали отдельными полками, каждый под своим знаменем. Все эти черты предполагают существование кончанских народных собраний. – Подразделения концов – *улицы* — составляли также самоуправляющиеся общины, имея уличанских старост во главе. Как концы, так и улицы обнимали все классы общества, причем сословное устройство вполне поглощалось территориальным. *Земля* Новгородская состояла из пригородов и волостей; первые пользовались значительной долей самоуправления, принимали угодных и изгоняли негодных посадников, присылаемых им из Великого Новгорода. Хотя разделение Новгородской земли на пятины есть явление позднее, но несомненно, что с древнейших времен части земли были поделены между концами Великого Новгорода для ближайшего управления ими; во всяком случае позднейшие пятины соответствуют древнейшим «землям» или волостям Великого Новгорода (Бежецкой, Водской, Шелонской, в древности Ржевской, Деревской, в древности Яжелбицкой, и Обонежской); догадываются (на основании устава о мостовых, приписанного к Рус. Пр.), что 1-я зависела от Славенского конца, 2-я от Неревского, 3-я от Загородского, 4-я от Людина, 5-я от Плотницкого, (см. Рус. Достопр. II. С. 305–306).

Город Псков имел подобное же устройство: там также был детинец и торговище; город также делился на концы (вероятно, 6 концов), между которыми были поделены для управления части территории (по два пригорода на конец).

Существенные особенности Новгородского устройства следующие:

а) Право вечевого самоуправления (и соответственное ограничение княжеской власти) укрепляется формальными письменными договорами (дошедшие до нас начинаются с 1260 г.); так как их содержание весьма сходно, то все они вместе составляют как бы хартию, обеспечивающую самоуправление.

б) *Право избрания князя вечем признано всеми князьями* на съезде 1196 г.: «Вси князи выложиша Новгород в свободу, где им любо, туже себе князя поймають».

в) В договорах князя обязываются «не замышлять войны без Новгородского слова». Участие народа *в праве объявлять войну и заключать мир* практиковалось и в прочих русских землях, но нигде не обеспечивалось формальным договором. То же замечание относится и ко всем последующим особенностям новгородского устройства.

г) *Ограничивается административная власть князя; князь не может назначить правителями волостей не граждан новгородских*: «Что волостей всех новгородских, тогоже, княже, не держати своими (княжими) мужи, но держати мужи новгородскими». И в Суздальской земле народ возмутился, когда князя, пришедшие с юга, привели с собой «русских» (южно-русских) детских и раздали им посадничества. Но нигде это право не было оформлено, кроме Новгорода.

Князь не имеет права смещать должностных лиц без суда: «А без вины ти, княже, мужа волости не лишити». В 1218 г. князь Святослав сказал на вече: «Не могу быть с Твердиславом и отнимаю у него посадничество». Новгородцы спросили: «А какая вина его»? «Без вины», – отвечал князь. Тогда Твердислав сказал: «Я рад, что на мне нет никакой вины. А вы, братья, вольны и в посадничестве и князьях». Новгородцы отвечали князю: «Князь! Если Твердислав ни в чем не виноват, то ты нам клялся без вины не отнимать ни у кого должности... мы того не допустим, чтобы отнято было у него посадничество без вины». Князь уступил.

д) *Ограничивается судебная власть князя*: князь не имеет права судить без посадника: «А без посадника ти, княже, не судити». Новый князь не может перерешать дела, уже прежде решенные: «ни грамот не посужати».

е) Полную особенность новгородского устройства представляет *существование выборного посадника при князе*. Прежде посадник назначался князем, как его помощник и заместитель; но с XII в. он становится выборным; думают, что первым выборным посадником был Мирослав Гюрятинич, избранный вечем в 1126 г. Но вече овладевало правом избирать посадника постепенно, не устранив и потом участия в этом деле князя. В Новгороде посадник был всегда *один* (так как он, заменяя лицо князя, представляет монархический элемент власти). Он избираем был сначала пожизненно; но затем управление его сделалось весьма *краткосрочным* (без определения срока). Выбор посадника, несмотря на демократическую краткосрочность, падал обыкновенно на членов немногих, одних и тех же фамилий, и иногда переходил преимущественно от отца к сыну: в начале XII в. посадничал в Новгороде Гюрята Рогович; в 1126–1134 гг. (с промежутками) его сын Мирослав Гюрятинич; с 1137 г. до 70-х годов XII в. (с промежутками) – Якун Мирославич; с 1211 г. – Дмитрий Якунович; с 1220 г. – Иванко Дмитрович. Таким образом целый век одна фамилия стоит во главе управления. Круг власти посадника почти равняется княжеской власти: ему принадлежит инициатива установления и отмены законов, судебная власть наравне с князем и преимущественно власть правительственная. – Подобно посаднику, и *тысяцкий* сделался выборным правителем (в других русских землях его назначает князь).

ж) Формальному определению подверглось не только отношение князя к вечу, но и самая *внешняя сторона вечевых собраний*: в Новгороде была вечевая «изба», т. е. канцелярия веча, вечевые дьяки (секретари), особая печать Великого Новгорода.

з) Точно так же в Новгороде более определенно сформирован *состав боярской думы*. Правительственный совет (Herren – Rath) весьма обширен: по немецким источникам, в нем 300 господ, а именно: новгородский владыка, княжеский наместник, посадник, тысяцкий, «старые» (смененные) посадники и тысяцкие и просто бояре. Члены имели отличительные знаки. Совет заседал во дворце архиепископа.

Те же черты повторяются и в *Псковском государственном устройстве* с некоторыми отменами, а именно: здесь было два посадника, а не один, что означает большее развитие демократических начал; не было тысяцкого. Князь и вече назначали правителей в провинции в двойном числе (один от князя, другой от веча).

Вятка (древний *Хлынов*) есть новгородская колония, основанная во 2-й половине XII в. в бассейне р. Вятки; здесь повторено внутреннее устройство метрополии: «...обычаи новгородские имеаху»; впрочем, подробности устройства Вятки мало известны; здесь не существовало совсем княжеской власти.

3. Особенности государственного устройства Северо-восточных земель. В земле Суздальской (и отчасти в Рязанской и Черниговской, которые подпали влиянию Суздальской) берет перевес *княжеская власть* с конца XII в., именно в эпоху Всеволода III, который в летописях начинает именоваться великим князем. Право наследования становится здесь исключительным способом преемства княжеской власти: Всеволод еще при жизни так приобщил своего старшего сына к участию во власти: «Не токмо Бог положил на тебя старейшинство в братье твоей, но и в всей Русской земли: и аз ти даю старейшинство». Власть княжеская усиливается во внутреннем управлении; летописец говорит о Всеволоде Суздальском, что он «украшен всеми добрыми нравами, злые казня, а добромысленные милуя; князь бо не туне мечь носит в месть злодеям, а в похвалу добро творящим». – Значение боярской думы понижается; тот же Всеволод «судил суд истинен и нелицемерен, не обинуя лица силных своих бояр, обидящих меньших и работающих сироты и насилье творящих». – Вече в Суздальской земле исчезает во 2-й четверти XIII в., и впоследствии именем веча называются здесь восстания и заговоры. – Обстоятельства, вызвавшие на северо-востоке усиление княжеской власти, заключались в местных особенностях этой страны, именно уединенности ее от центра междукняжеских усобиц, и в таких экономических условиях, которые препятствовали образованию здесь сильного боярства и больших городских общин.

Начала государственного объединения всех русских земель

Земли первого периода не были объединены в одно цельное государство, но существовали уже налицо некоторые *начала будущего государственного единства*. Противоречие между действительным разделением Руси и идеальным сознанием ее единства изъясняется тем, что три элемента государства (территория, население и власть) развивались не с одинаковой быстротой и не одновременно.

1. Национальное единство населения и сознание о нем (хотя и не совсем полное) достигло гораздо раньше большей ясности и твердости, чем единство власти.

С точки зрения национальной вся русская земля представлялась уже единым целым даже в глазах враждующих князей. Их общие предприятия совершаются во имя этого сознания; в 1095 г. князья Святополк и Владимир Мономах звали черниговского князя Олега в общий поход на половцев; когда он отказался, то его поступок осуждается прочими князьями так: «Вот ты не шел с нами на поганых, которые разорили *землю русскую*»... На Любечском съезде 1097 г. побуждением к соглашению было следующее: «Почто губим *Русьскую землю*, сами на ся котору деюще? А Половци землю нашу несут розно и ради суть, оже межю нами рати; да ныне отселе имемся в едино сердце и блюдем *Русские земли*... Да еще кто отселе на кого будет... да будет нань хрест честный и *вся земля Руськая*». Таким образом с национальной точки зрения князья называют взаимные войны *междоусобиями* («сами на ся»). Планы галицкого князя Василька (ослепленного в Киевском княжестве) были таковы: «На землю Лядскую наступлю... и мыщу (за) *Русьскую землю*... Посем хотех проситися у Святополка и у Володимера ити на Половци, да любо налему себе славу, а любо голову свою сложю за *Русьскую землю*». На Уветичском съезде 1100 г. все прочие князья упрекали Давида Волынского так: «Се ти молвят братья: не хотим ти дати стола Володимерьского, зане ввергл еси ножь в ны, его же не было в Русьской земли». Соглашение князей на Долобском съезде 1103 г. идти на половцев закон-

чено следующей речью Мономаха к Святополку: «То ты, брате, велико добро створиши *земле Русской*». Вообще Владимир Мономах, приводивший князей к соглашению во имя национального единства русской земли, славен был, как «добрый страдалец за *русскую землю*». Само население старается прекратить междоусобие князей во имя общих интересов русской земли: в 1097 г., когда наступали на киевского князя Святополка прочие князья, киевляне умирили князей, послав сказать им: «Молим вас не погубите русской земли... которую стяжали отцы и деды ваши, поборая по русской земле». В 1130 г. черниговцы во время нашествия киевского князя на их князя Всеволода говорят этому последнему: «Ты надеешься бежать к половцам, а волость свою погубишь, проси мира; мы знаем милосердие Ярополка, ибо он бережет землю русскую». Из представленных примеров видно, что в отношении к иноплеменникам вся русская земля является как одно целое, именно благодаря национальному единству населения. А так как население есть один из трех элементов государства, равный по важности двум остальным, то мы должны признать за национальным единством (хотя и не вполне сознанным) значение государственное³¹.

Были попытки установить политический центр в Киеве – «матери градов русских». Несколько раз решение общерусских дел было передаваемо на рассмотрение киевского веча и киевской боярской думы, например, суд над галицким князем Васильком, рассмотрение притязаний черниговского князя Олега. Территориальное значение города Киева тогда выразилось в 1096 г.: когда Олег после войны принужден был просить мира, то Святополк и Владимир дали ему мир в таких словах: «Иди к брату твоему Давиду и приходите в Киев на стол отцов и дедов наших, потому что это есть старейший город в земле всей – Киев, тут следует съезжаться и положить порядок» (Лавр. лет.). Но из старейшинства Киева не образовалось общеземской власти.

2. Государственная власть вообще заключала в себе мало начал единства.

Каждая из указанных форм власти (князь, дума и вече) простирается на каждую землю в отдельности, а не на целую совокупность русских земель. Такой государственной власти, которая бы простиралась на всю русскую землю, не было. Тем не менее между князьями всех русских земель была некоторая постоянная и живая связь. Проявилась ли она в каких-либо государственных учреждениях?

а) По теории Карамзина и его предшественников, общерусскою властью был *великий князь* Киевский, а потом (с половины XII в.) – Владимирский; власть его, вполне единодержавная при Олеге и Владимире, хотя и ослабела в период уделов, но в идее сохранилась. «Ярослав, – говорит Карамзин, – разделив Россию на княжения, хотел, чтобы старший сын его, называясь великим князем, был главою отечества и меньших братьев, и чтобы удельные князья, оставляя право наследства детям, всегда зависели от Киевского, как *присяжники* и знаменитые *слуги* его... Одаренные мужеством и благоразумием, Мономах и Мстислав I еще умели повелевать Россиею, но преемники их лишились сей власти» (Ист. гос-ва Российск. Р. Т. III. Гл. VII). Словом, в идее государство оставалось единодержавным и лишь фактически единодержавие нарушалось неповиновением великому князю некоторых слуг его. Но, во-первых, титул «великого князя» в описываемую эпоху вовсе не существовал; он приписывался некоторым из сильнейших князей как киевских, так и других в литературных памятниках (надгробных похвалах) подобно тому, как уже тогда таких князей именовали «царями» и «самодержцами». В летописях постоянно усваивается титул великого князя одним суздальским князьям лишь со времени Всеволода III. Во-вторых, Ярослав отдал своим детям не всю Россию, а Киевскую и Черниговскую землю с Переяславской; в его распоряжение не входила земля Полоцкая, имевшая отдельный род княжеский. В-третьих, власть, врученная Ярославом старшему сыну, не

³¹ См. выше о неполноте национального сознания и остатках племенной розни.

есть власть государственная, а отеческая: братья не сделались его подданными, или слугами. И впоследствии ни Владимир Мономах, ни Мстислав В., ни Андрей Боголюбский ничем не управляли в других землях за пределами своей – Киевской или Суздальской. Если один из них желал приобрести что-либо в чужой земле, то делал это не иначе, как силой (войной), или с согласия местного князя. Далее, князь киевский (якобы великий) не управляет и внешними делами целой России так, чтобы князья других земель воевали и мирились с иноземцами лишь по его приказанию и являлись в общий поход по призыву великого князя. Напротив, князь каждой земли имеет свои суверенные права. Итак, мысль о великокняжеском достоинстве, как единой государственной власти для целой России, должна быть отвергнута не только *de facto*, но и в принципе.

б) По теории С. М. Соловьева, единой государственной властью для целой русской земли была *коллективная власть всего княжеского рода*: владел частью русской земли тот или другой князь в отдельности, но не на правах личных, а на правах члена рода; части земли (уделы) распределялись между членами рода по степени близости этих последних к старшинству; почему князья, приближаясь к старшинству, передвигались от одного удела на другой – лучший. Старейший князь, родоначальник, занимал старейший стол – Киев. Он имел власть над младшими князьями, но не государственную, а родовую («в отца место»); тем не менее «стерший князь, как отец, имел обязанность блюсти выгоды целого рода, думать и гадать о русской земле... имел право судить и наказывать младших, раздавал волости... Младшие князья обязаны были... ходить в его послушании, являться к нему по первому зову, выступать в поход, когда велит».

В этой теории нужно отличать мысль о *единстве княжеского рода* от идеи власти старшего князя над всеми князьями-сородичами. Эта последняя идея столь же мало подтверждается фактами, как мысль о великокняжеской власти.

в) *Единство княжеского рода и союз князей*. Но мысль о единстве княжеского рода имеет действительное значение; во времена, ближайшие к Владимиру и Ярославу, мысль о совокупном владении целого рода всей русской землей была близка к осуществлению. Хотя потом, благодаря политической раздельности русских земель, княжеский род разложился на несколько самостоятельных линий (из которых каждая рассматривалась уже как самостоятельный род: Мономаховичей – Киевских, Юрьевичей – Суздальских, Ольговичей – Черниговских, Изяславичей – Полоцких, Ростиславичей – Галицких), но для *князей* мысль о единстве прав всего рода на целую русскую землю осталась руководящей идеей во все течение периода уделов.

В 1195 г. князь киевский Рюрик и его союзники послали мужей своих к Ольговичам Черниговским с таким предложением: «Целуйте к нам крест, что вы не будете искать отчины нашей Киева и Смоленска ни под нами, ни под нашими детьми, ни под всем нашим Владимировым племенем; как нас разделил дед наш Ярослав по Днепр, то вам нет дела до Киева». Такое предложение клонилось к полному и окончательному разделению русской земли на самостоятельные государства. Ольговичи, посоветовавшись, отвечали: «Как мы обещались блюсти Киев под тобою, так в том и стоим; но если ты приказываешь нам отказаться от Киева навсегда, то мы не угры, не ляхи, но единого деда внуки: при вашей жизни мы не ищем Киева, после вас, кому Бог даст» (Ипат. лет.).

Единство княжеского рода и его исключительное право на русскую землю есть одно из самых сильных объединительных начал того времени. Из него произошли следующие частные последствия.

Народ во всех землях русских избирает князей *только из рода Рюриковичей* (избрание Литовских князей относится к следующему периоду). Если какой-либо землей овладевал иноземец, то князья стремились со всех сторон для изгнания его; когда в 1189 г. Галицким столом завладели венгерцы, то киевский князь Рюрик говорил князю Святославу: «Аже хочешь ити на Галичь, да се аз с тобою готов; молвляешь бо и митрополит Святославу и Рюриковы: *се иноплеменицы отъяли отчину вашу*, а лепо вы бы потрудитися» (Ипат. лет.).

Князья ищут владений *только в русской земле*: кроме попытки Святослава Игоревича основаться в Дунайской Болгарии, был только один случай княжения малоизвестного русского князя в чужих закарпатских странах. Родовые традиции княжения сохранили память о единстве русской земли даже после разделения ее на два совершенно независимых государства – Литовское и Московское, и внушили московским великим князьям раннюю мысль о правах их на Полоцк, Киев и Волынь (такие широкие притязания вовсе не соответствовали средствам их первоначального маленького княжения).

На единстве княжеского рода и национальном единстве русской земли основывается *союз князей*, постоянно признаваемый в принципе, хотя весьма часто нарушаемый в действительности. Союз состоит из *равных друг другу* членов; нарушение равенства служит нарушением союза: когда в 1174 г. Андрей Боголюбский начал самовластно распределять столы между князьями, то князья признали это нарушением братского союза. Члены союза именуются *братьями*. Союз основывается не на договорном начале; напротив, иногда частные договоры двух или нескольких князей клонятся к его нарушению и потому признаются незаконными. Между братьями Ярославичами не было никакого договора об общем союзе и неподыскивании друг под другом столов; но когда двое из них заключили в 1073 г. договор против третьего (Изяслава Киевского) и выгнали его из Киева, то такой договор был признан современниками за нарушение общего братского союза, стоящего выше частных договоров: «Въздвиге дьявол котору в братьи сей Ярославичех», – говорит летопись; поступок двух братьев приравнен летописцем к преступлению Исава (Лавр. лет.).

Действие союза простирается как на *внешние*, так и на *внутренние* (междукняжеские) отношения. По отношению к иноземным народам (в особенности восточным варварам) все русские князья составляют одно целое (союз оборонительный и наступательный, основанный также не на частном договоре). В 1096 г. князья зовут черниговского князя Олега в Киев договориться об обороне русской земли «от поганых»; Олег не пошел ни на совещание, ни на половцев. Тогда прочие князья послали сказать ему: «Если ты ни на поганых не идешь, ни на совет к нам, то значит ты мыслишь против нас и хочешь помогать поганым», и объявили ему войну. Договоры об общих действиях против половцев касаются не установления союза, а лишь удобств времени и места совершения похода: в 1170 г. «вложи Бог в сердце Мьстиславу Изяславичю мысль благу о Руской земли (о походе на половцев)... и созва братью свою и нача думати с ними и река им тако: братье, пожальтеся о русской земли... И рекоша ему братья вся: Бог ти, брате, помози в том, оже ти Бог вложил такую мысль в сердце; а нам дай Бог за крестьяны и за русскую землю головы свое сложити» (Ипат. лет.). На Долобском съезде дружина киевского князя возражала Владимиру Мономаху на его предложение общего похода на половцев: «Не годится весною идти и отрывать крестьян от работы». В 1183 г. князья уже двинулись на половцев, но на дороге встретил их черниговский и сказал: «Ныне, братья, не ходите, но срекше время, оже дасть Бог, на лето пойдем; Святослав же и Рюрик (старшие князья), послушавша его, возвратишася». В том же году, при вторичном общем походе, в котором участвовало 13 князей, черниговские князья не участвовали по такой причине: «далече ны есть ити вниз Днепра, не можем своею земле пусты оставити; но же поидеши на Переяславль, то скупимся с тобою на суле» (Ипат. лет.). Такие примеры не доказывают права отдельных членов союза вступать в соглашение с варварами против русских земель.

Во *внутренних отношениях* союз князей распределяет столы между своими членами. На Любечском съезде постановлено: «Почто губим Рускую землю, сами на ся котору деюще?... Каждо де держить отчину свою: Святополк – Киев Изяславлю, Володимерь – Всеволожу, Давыд и Олег и Ярославль – Святославлю; а имже роздаял Всеволод города, Давыду – Володимер, Ростиславичема: Перемышль – Володареви, Теробовль – Василькови». Союз князей устанавливает отношения князей и к таким землям, которые не были отчиною какой-либо линии

княжеского рода: в 1196 г. все князья предоставили новгородцам право выбирать себе князя, где хотят.

Союз князей судит и наказывает своих членов за преступления, совершенные одним князем над другим, и за нарушение общесоюзного мира. Когда Святополк киевский схватил и выдал Давиду Игоревичу князя Василька, а Давид ослепил его, то Владимир Мономах, услышав о том, «ужаселся и всплакав, и рече: сего не бывало есть на Русьской земли ни при дедех наших, ни при отцех наших, сякого зла». Затем он послал к Давиду и Олегу Святославичам, говоря: «Приходите в Городец, чтобы исправить это зло, которое соделалось в Русской земле и среди нас – братьев... если мы этого не поправим, то еще большее зло встанет в нас и начнет брат брата закалать и погибнет земля Русская, а враги наши Половцы, пришедшие, возьмут землю Русскую». Союз князей послал такой запрос Святополку: «Зачем ты сотворил такое зло в русской земле? Зачем ослепил брата своего? Если ты узнал за ним какую вину против тебя, то *обличил бы его пред нами* и, доказав обвинение («упрев бы и»), наказал бы его. Теперь *объяви вину его*». Извинение Святослава не было признано уважительным, и князья готовились наказать его войной. Но киевляне успели примирить своего князя с наступавшими, напомнив Владимиру Мономаху, что борьбе князей будут радоваться поганые, которые возьмут землю русскую, «которую стяжали отцы и деды ваши: они де приискивали иных земель, поборая по русской земле трудом и храбростью, а вы хотите погубить землю русскую». Но прощение киевскому князю дано под условием наказать главного виновника – Давида, который, после долгой войны, действительно был наказан, именно союзом князей на Уветичском съезде 1100 г. Здесь Давид явился не членом съезда, а подсудимым: «Давыд Игоревич сядяше кроме (отдельно) и не припустяху его к собе, но особь думаху о Давыде». Решение съезда было таково: «Не хотим ти дати стола Володимерьского, зане ввергл еси ножь в ны, его же не было в Русьской земли; да се мы тебе не имем (*не лишаем свободы*), ни иного ти зла не створим, но се ти даем: шед сяди в Бужьскемь» (т. е. вместо главного стола Владимирского, назначили ему маленький подручный удел и, сверх того, 400 гривен деньгами в виде добавки). Бояре, подустившие Давида на ослепление Василька, были еще раньше повешены. Отнятие волости было единственным наказанием, какое мог назначить совет князей виновному члену-князю; но за нарушение междусоюзных постановлений со стороны боярина могла быть назначена ему смертная казнь. В 1177 г. Святослав Всеволодович Черниговский так говорил киевскому князю Роману: «Ряд наш так есть: оже ся князь извинить, то в волость, а мужь у голову» (преступления бояр против своего князя, конечно, не подлежали междукняжескому суду). Что такое постановление не было частным договором между названными князьями, соблюдалось всегда без особого договора, это показывает вышеприведенный случай наказания Давида Игоревича и его бояр.

Союзу князей принадлежит право издавать законы, действие которых должно простирается не на одну какую-либо землю в частности: Русская Правда Ярославичей выработана на съезде трех князей-братьев; отмена мести постановлена съездом тех же князей; новые постановления Владимира Мономаха составлены при участии посла Черниговского князя («Иванка Чюдиновича – Олгова мужа». См. Рус. Пр. Кар. 66).

Права и постановления союза осуществляются преимущественно посредством *княжеских съездов*, или «думы князей». Думы князей не имели сроков для созыва; съезды составлялись по мере надобности. Более важные из них указаны в вышеприведенных цитатах, это именно съезды князей Ярославичей, съезд Любечский 1097 г. для установления порядка, нарушенного междоусобиями, возбужденными черниговским князем Олегом; съезд Городецкий того же 1097 г. для наказания киевского князя Святополка; Уветичский или Витичевский 1100 г. – для установления порядка, нарушенного Волынским князем; съезд Киевский 1170 г. и др. – Съезд для решения общерусских дел *предполагает* участие *всех князей* («братья вся»); но в действительности ни один съезд не имел фактической полноты, что не лишало думы князей ее общерусского значения. Постановления думы были обязательны для прочих, не участ-

вовавших в съезде; неисполнение их и отказ от участия в съезде без причины (из нежелания подчиниться его приговору) влекли наказания для виновных: в 1096 г. Олег Черниговский, отказавшийся явиться на Киевский съезд, был наказан союзной экзекуцией князей; сейчас было рассказано, как в 1097 г. Давид Волынский, нарушивший постановления Любечского съезда, наказан Киевским князем по поручению союза князей. Время, в которое союз действует с особенной ясностью и силой, есть эпоха Владимира Мономаха.

Ни национальное единство, ни постоянный союз князей, ни временные съезды их не образовали, однако, из всей Руси одного цельного государства; в этих явлениях лежали лишь зачатки будущего государственного единства³².

Г. Управление

Государственная власть призвана: 1) управлять; 2) устанавливать правовые нормы (законодательствовать) и 3) судить. В древнейшем периоде на первый план выступает последняя из упомянутых трех функций, т. е. суд; однако и обе первые уже и тогда входят в задачи государственной власти (особенно военное управление).

Управление («володенье» в тесном смысле слова) по преимуществу отражает в себе частноправный характер власти, но отнюдь не есть частная власть (*dominium*) как по органам, так и по предметам управления.

1. Органы управления

Органы управления бывают: а) Центральные. Но в древнерусской земле центральные органы не выделялись вполне, так как общеземское управление непосредственно ведет сам князь, дума боярская и вече (см. выше). Впрочем, уже с X в. можно различать в центральном управлении две системы органов: собственно княжескую (*дворовую*) и *земскую*.

Князь в управлении (как и в суде) заменяет себя *тиунами*, управлявшими от его лица. Они назначаемы были из дворовых слуг князя, первоначально несвободных («тиунство» вообще есть наем в услужение, который не вел к холопству лишь тогда, когда был постановлен о том особый договор (см. Рус. Пр. Кар. 121); но, по-видимому, такие условия были редки, а потому тиуны вообще не пользовались полной правоспособностью (см. Рус. Пр. Кар. 77). Тиунов назначает князь иногда по согласию с вечем: «А вот вам и тиун по вашей воли», — говорит князь киевлянам в 1146 г. Но это относится только к тиунам, облеченным судебной властью. Разряды тиунов различались по разрядам служебных поручений, которые мог дать князь: так, были *тиун огнищный* или *дворский* (название «дворский» встречается уже во 2-й половине XII в.); он заведывал двором (отроками) и домашним хозяйством князя; с половины XII в. он назначается из бояр и причисляется к лучшей дружине. Подчиненные ему служители называются *ключниками*: в 1154 г. «посла (Ростислав) мужи отца своего Вячеслава и тиуны и ключники; каза нести имение отца своего перед ся, и порты, и золото, и серебро» (Ипат. лет.). Управление дворского заменяло собой все последующие органы финансового управления. Впрочем, были некоторые органы и специально-финансового управления: таковы *даньщики* и *мытники*. Особенная ветвь княжеского хозяйства, тогда наиболее важная, вызвала должность *тиуна конюшого* (впоследствии чин столь важный в Московском государстве). Есть указания, что уже в XIII в. были зародыши администрации вполне государственной: в договоре Смоленска с немцами 1229 г. между прочим постановлено: «Если *тиун* на волоке услышит, что пришел латинский гость, то он должен послать людей с телегами перевезти товар через волок». В связи с должностью тиунов стоит подчиненная им должность *мечников*: в 1146 г.

³² См. Дополнение И.

киевляне, вытребовав от князя смены тиуна Ратыпи, «бросились двор его грабить и на мечники». Вообще в системе органов дворового управления нельзя различить частнохозяйственные органы от государственных.

Система *земского управления* (более древняя, чем княжеская) построена по численному (математическому) делению общества: как целое государство составляло тысячу, а старшие города и провинции делились на сотни и десятки, так центральным правителем был *тысяцкий*, а подчиненные ему – *сотские* и *десятские*. Происхождение должности тысяцкого – доисторическое; можно принять гипотезу о том, что тысяцкие заменили прежних племенных князей; иногда тысяцкие именуются князьями (если управляют целой землей без князя, например, Юрий Шиманович, управлявший Суздальской землей при Мономахе); счет годов летописцы обозначают иногда именами князей и тысяцких. «В лето 6597 священа бысть церкви Печерская... при благороднемъ князи Всеволоде, державному Русьския земля... воеводство держащу Киевьския тысяща Яневи» (Лавр. лет.). Первоначально тысяцкие народные совершенно противопоставлялись тысяцким и посадникам княжеским: в то время, как посадник Владимира Св. Добрыня и тысяцкий Путята старались понудить новгородцев к крещению, тысяцкий новгородский Угоняй противился тому (Иоак. лет.); вероятно, что тогда должность тысяцкого была наследственной. Затем тысяцких стал назначать князь из местных бояр, часто из одной и той же фамилии преемственно (при Ярославе в Киеве был тысяцким Вышата, затем сын его Ян). «Держи ты тысячу, как у брата моего держал», – говорит новый князь киевский Игорь в 1146 г. Улебу, киевскому тысяцкому. В Новгороде эта должность сделалась выборной. Каков бы ни был способ усвоения должности тысяцкого, этот сановник всегда оставался представителем интересов народа: в 1043 г. князь Ярослав отправил сына своего Владимира в поход на Византию; предводителем народного ополчения был тысяцкий Вышата, а княжым воеводой (предводителем дружины) был Иван Творимирич; когда буря разбила русские корабли (кроме корабля, на котором была княжеская дружина) и выбросила воинов на берег, то народное ополчение решилось возвратиться в Русь (сухим путем), но «не идяши с ними никтоже от дружины княжее. И рече Вышата: аз пойду с ними; и выседе ис корабля к ним, и рече: аще жив буду, то с ними, аще погину, то с дружиною» (Лавр, лет.). Хотя иногда тысяцкий и его сотские расходились в своей деятельности с интересами и волей народа (например, по смерти князя Святополка в 1113 г. до прибытия в Киев Владимира Мономаха, народ бросился грабить двор тысяцкого Путяты и сотских), но это относится к некоторым лицам, злоупотреблявшим этой должностью. По рассказу Татищева, киевский тысяцкий Улеб в 1146 г., когда Всеволод Ольгович старался передать киевский стол своему брату Игорю, заявил, что киевляне привержены к Мономаховичам, а не к Ольговичам, и что князь Изяслав Мстиславич есть сущий и прямой наследник. «Сим ответом Всеволод весьма озлобился». По уставной грамоте новгородского князя Всеволода церкви св. Иоанна, князь поставил от житых людей старост и от черных тысяцкого. Таким образом тысяцкий является как бы народным трибуном, уравновешивающим власть княжескую; по этой причине власть тысяцкого уничтожена князьями восточных земель (в Москве казнь последнего тысяцкого в 1374 г.). Такою ролью тысяцкого отчасти определяется и его должность: он прежде всего есть *предводитель народного ополчения*; в 1195 г. во время войны смоленского князя Давида с Черниговскими, княжым полком предводительствовал князь, а «Смоленским полком» – тысяцкий Михаил. Тысяцкий председательствует на вече в отсутствие князя (в Киеве в 1147 г. вместе с митрополитом). По Уставной грамоте Всеволода тысяцкому поручается «управливати всякая *дела торговая*, и гостиная, и суд торговый»; вышеприведенный факт восстания киевлян на тысяцкого, сотских и «жидов» указывает на прямое отношение тысяцкого к торговле. Ему же и сотским принадлежит и *охранительная полиция*: волнение в Киеве 1147 г. умиряет тысяцкий. От тысяцких народных надо отличать княжых тысяцких – предводителей княжьей дружины (двора) – и тысяцких пригородных (см.: Рус. Пр. Кар. 66), заменявших собой посадников.

Подчиненные тысяцкому *сотские* и *десятские* упоминаются уже во время Владимира Св.: на пиры к Владимиру приходили бояре, гриди, сотские, десятские и нарочитые мужи. Состоя предводителями частей ополчения, они оставались постоянными гражданскими правителями частей государства (сотен и десятков).

В земской системе органов администрации с особенной ясностью выделяются *государственные* начала управления.

б) Местное управление. Органами местного управления называются те, которые управляли пригородами и волостями. *Составные части земли* не всегда однородны: пригороды входили в состав земли иногда целыми группами; иногда целые земли, по завоевании, делались провинциями другой земли; иногда же отдельные волости входили в состав земли, как самостоятельные провинции. *Сложные провинции* именуются иногда прежними *племенными* названиями: в 1149 г. упоминаются «все Дреговичи», как новая провинция Черниговской земли; в 1147 г. «все люди Голыдь верх Поротве» и «волость – Вятичи», как провинции той же земли. Иногда им усваивается название *географическое*: «Посемье» (по р. Сейму) – провинция той же земли. Иногда (но очень редко) такие провинции именуются *тысячею*. В 1149 г. упоминается «Сновская тысяча» (по р. Снову), как провинция той же земли. Чаше встречается наименование «*полк*»: полк Белгородский, полк Киевский («Когда выйдем в сильный полк Киевский, то я знаю, что они будут биться за меня», – говорил в 1150 г. Изяслав Мстиславич, ободряя свою дружину).

Подразделения провинций, кроме нормального наименования *волость*, именуются еще «погостами» и «вервями».

Погост есть термин севернорусский: погосты находим в Новгородской, Псковской, Суздальской и Смоленской землях, в остальных не встречаем. Погост есть древнейшая зачаточная клеточка земского государства. Уже Ольга устанавливала по р. Мете погосты, но это не означает их первоначального установления: погосты – происхождения доисторического (как места сходбищ для общественного богослужения и как места торговли, возникающей при таких сходбищах). Словом, погостом называется как центральный пункт округа, так и самый округ. Что касается до числа погостов, то в Новгородской земле к XVI в. число это дошло до 419; в Смоленской земле (по Уставной грамоте 1150 г.) перечисляется до 45 погостов. Погост, обнимая собой лишь сельское население, был единицей, по которой распределялась дань, а потому погостом иногда называется самая дань, и в этом смысле слово «погост» заменяется словом «потуг». Вместо термина «погост», та же единица провинциального деления как в южных, так и в северных землях называется «*вервью*» (корень слова общий индоевропейский – Warf). Той же единице соответствуют и наименования «*сотня*» не только в городском, но и в провинциальном делении, и «*губа*» — в Псковской и Новгородской землях.

Провинции-колонии («*слободы*») состоят в менее тесной связи с государством. Таковы северные провинции Новгородской земли: Тер, Пермь, Печора, Югра, Вологда. Примером неустойчивости связи отдаленных колоний с метрополией может служить Вятка. В них, как населенных преимущественно инородцами (кроме Вятки), не могло быть таких же порядков внутреннего управления, как в коренных частях земли. Они были источником богатства для метрополии, но вместе источником смут и переворотов со стороны могущественных бояр-колонистов.

Пограничные провинции иногда находились в *совладении* двух или нескольких государств, которые управляли ими (и пользовались данью) или поочередно, по годам, или совместно, деля доходы управления: так, Смоленская земля (по Уставной грамоте Ростислава) претендовала на старинную дань с Суздальско-Залесских волостей; Великие Луки, Ржев и Холмовский погост находились в совладении Великого Новгорода, Литовского, а потом Московского государств.

Органы местного управления двоякие: одни существуют для связи провинции с государством – *органы централизации*. – Это *посадники*, именуемые иногда и тысяцкими. Назна-

чение куда-либо посадника означает присоединение местности к государству: по завоевании Волыни при Святополке, назначается из Киева посадник в Луцк; Олег Черниговский, захватив землю Ростовскую, сажает там своих посадников; Мстислав Киевский, изгнав полоцких князей, назначает в их землю своих посадников. «Взять посадника» у какого-либо князя значит добровольно покориться ему: в 1147 г. «Куряне послаша (к сыну Юрия Долгорукого) и пояша у него посадник к себе». Возвращение старшим городом власти над пригородом ознаменовывается посылкой туда посадника (Ростов и Владимир); наоборот, достижение пригородом независимости выражается отказом в принятии посадника (Псков и Новгород). Посадники назначались в каждый пригород или из подручных (младших) князей, или из бояр: в 1195 г. «да Всеволод Торцкий (город Торческ) зятю своему Ростиславу, а в иные города посла посадники своя». Хотя подручные князья не назывались прямо посадниками, но власть их одинакова с посадничьей. Посадник в пригороде обыкновенно был один (исключение для Псковской земли, см. выше). Выбор посадника совершался не без согласия пригорода. Власть посадника имеет смешанный частный и государственный характер. Частный характер замечен особенно в правах пригородных князей: «Печаль бысть ему (Всеволоду Ярославичу киевскому) от сыновей своих, яко начаша ему стужати, хотя власти, ов сея, ов же другие; сей же, омиряя их, раздаваше власти им» (Лавр. лет. под 1093 г.). На таких же частных правах назначались пригороды и пришлым членам владетельных домов: в 1165 г. «прибеже из Царя-города братан царев Кюр Андроник к Ярославу у Галичь и прия и Ярослав с великою любовью да ему Ярослав неколико городов *на утешение*» (Ипат. лет.). Такой же характер (но в меньшей степени) имела власть посадников-бояр; она сходна с московской *системой кормления*: кормление состояло в сборе корма натурой (коробейщине), судебных пошлинах и княжеских экономических доходах. Однако, ни власть пригородных князей, ни власть посадников-бояр отнюдь не есть вполне частная: они обязаны заботиться о военной защите провинции, давать правый суд. Неугодных посадников пригороды изгоняют.

Впрочем, посадники, преследуя интересы кормления, мало вмешиваются во внутреннее управление провинции. Действительное местное управление находится в руках *органов местного самоуправления*, именно пригородного и волостного веча и выборных чиновников: старост, сотских, десятских и добрых людей (Догов. 1229 г., ст. 33). Некоторые из первых были избираемы для управления целой провинцией (Уст. Двинск. гр., вступл.), другие для подразделений ее (волостей, погостов).

2. Предметы управления

Государство первого периода по задачам управления совершенно отличается от государства последующих периодов, особенно 3-го (когда оно становится полицейским по преимуществу). Древнейшее государство есть по преимуществу военное.

а) Полиция в собственном смысле почти не входит в задачи государства; в частности, относительно *полиции охранительной* государство сознавало свои обязанности, но имело слишком мало средств для их исполнения: в 1024 г. беспорядок в Ростовской земле по поводу голода прекращен князем Ярославом (который нарочно поспешил для того из Новгорода) с большим успехом. Но вот другой случай: когда воевода черниговского князя Святослава Ярославича Ян (во 2-й половине XI в.) прибыл в Ростовскую и Белозерскую землю для сбора дани, то застал там возмутительные беспорядки, произведенные волхвами опять по поводу голода; они убивали женщин, якобы открывая под их кожей спрятанный хлеб. Ян признал своей обязанностью прекратить беспорядки, но у него было только 12 отроков. Только угрозой белозерцам, что он не уедет от них целый год (жители обязаны были содержать княжских послов), он заставил их выдать волхвов и наказал их. При перенесении мощей Бориса и Глеба толпа народная достигла такой величины, «яко страшно бяше видети народа множество», и не давала

пройти процессии; Владимир Мономах приказал разбрасывать в народ куски ценных тканей и деньги и тем только раздвинул народную массу. В 1147 г. ни князь, ни тысяцкий не могли защитить князя Игоря от убийства толпою.

Относительно *полиции экономической* князя для собственных личных и финансовых целей заботились об охране торговли (в которой первоначально сами участвовали), именно охраняли почти ежегодными походами южные торговые пути греческий, соляной и залозный, когда караваны двигались по степям мимо Днепровских порогов (походы 1168, 1169 и 1170 гг.); войны новгородцев с Чудью и северных князей с волжскими болгарами имели главным образом ту же цель. К этой же цели направлены договоры с греками и немцами, по которым русские князья обязывались к принятию различных мер администрации (паспорты купцам, устройство перевозов через волоки и др.: см. Договор Игоря с греками, ст. 2 и Договор, смол. кн. Мстислава с немцами 1229 г., ст. 23). К поддержке внутренней торговли вели заботы по охранению правильных единиц веса и меры (хотя и порученные церкви по церковным уставам, но под высшим наблюдением государства) и назначение мытников на торги (см. Рус. Пр. Кар. 33). Сюда же относятся заботы о *путях сообщения* как для торговых, так и для военных целей: Владимир Св., собираясь в 1014 г. в поход против своего сына – князя Новгородского, распорядился: «Теребите путь, мостите мост»; но в Русской Правде есть указания на эту деятельность государства, как нормальную и постоянную («уроки мостовые»: Ак. сп., ст. 43. Кар. 109); существует при Русской Правде и особый «устав о мостовых» (о замощении Великого Новгорода). Замощение производится окрестным населением, но под руководством княжеских «мостников» и «осменников». В 1115 г. Владимир Мономах устроил мост чрез Днепр у Вышгорода.

Что касается *мер против голода* и *мер призрения*, то их принимают князья, как частные лица, из побуждений религиозных и моральных. В языческую эпоху для этой цели уменьшали население, убивая престарелых и женщин (которые тем приносились и в жертву для умиловливания карающего божества). Христианские князья прекращали эту безобразную меру не принимая никаких других, более рациональных. В летописях отмечены, как голодные годы: 1024, 1070, 1127, 1128, 1145, 1161, 1170, 1188, 1214, 1215, 1230, 1231, 1279, 1291, 1297, 1298. Преимущественно страдали голодом Новгородская и Ростовская земли. Население иногда поголовно уходило для прокормления в чужие страны (в 1214 г. из Ростовской земли «идоша вси людье в Болгары»), или продавало иноземцам жен и детей (1128, 1215 г.). Иногда князья, руководясь личными и финансовыми целями, усиливали тяжесть народной скудности в свою пользу: князь киевский Святополк Изяславич, прекративший войной с галицкими князьями подвоз соли из Галиции, захотел воспользоваться дороговизной ее, обратив продажу ее в свою монополию (Патер. Печ. вжит. Прохора). Но большинство князей получают от летописцев похвалу за *нищелибие*; кормление нищих учреждалось при каждом выдающемся событии и торжестве (церковном празднестве, восшествии на стол). Владимир Св. позволял «всякому нищему и убогому» приходить на княжеский двор, а для больных, которые сами не могут прийти, отправлял повозки, нагруженные хлебом, мясом, рыбой, овощами, медом и квасом (по Иакову Мниху, это делалось не в одном Киеве, но и «по всей земле русской»). При перенесении мощей Бориса и Глеба князь кормил убогих и странных три дня. Владимир Мономах учил детей: «Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите и придавайте сироте». Киевский князь Ростислав в 1154 г. *все имение*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.